

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Sochi Journal of Economy

Scientific periodical. First published in 2007
ISSN 2541-8114. 2021. 15(3)

Editorial Staff:

G. M. ROMANOVA
Editor in Chief — Dr. (Economic), Professor,
Rector of Sochi State University (SGU)
A. A. CHERKASOV
Deputy Editor in Chief — Dr. (History), Professor (VolGU)
E. K. VOROBEY
Deputy Editor in Chief — PhD (Economic) (SGU)

M. YU. AFANAS'EV
Dr. (Economic), Professor (CEMI, RAS)
T. E. GVARLIANI
Dr. (Economic), Professor (SGU)
E. N. KLOCHKO
Dr. (Economic), Professor (KSAU)
M. S. OBORIN
Dr. (Economic), Professor (PRUE)
V. S. OSIPOV
Dr. (Economic), Professor (MGIMO University MFA Russia)
N. A. SAVELEVA
Dr. (Economic), Professor (SGU)
M. Yu. SHERESHEVA
Dr. (Economic), Professor (MSU named after
M.V. Lomonosov)
A. A. RYABTSEV
PhD (Economic) (SGU)
A. M. VETITNEV
Dr. (Economic), Dr. (Medicine), Professor (SGU)

The journal is listed in Russian Index
of Scientific Quotations
Impact factor of Russian Science Citation 2018 – 0,106

Founder:

FSBEI HE "Sochi State University"

Editorial address:

94, Plastunskaya Str., Sochi city, 354000
Tel.: 8(918)201-97-19

Address of the publisher:

94, Plastunskaya Str., Sochi city, 354000

Address printing:

94a, Plastunskaya Str., Sochi city, 354000

E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Website: www.vestnik.sutr.ru

Proofreader, Editor-translator
V. S. MOLCHANOVA
Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

Editorial Board:

F. J. DEMICCO (USA)
Professor, ARAMARK Chair in the Department of
Hospitality and Sport Business Management at the
University of Delaware USA
F. DIMANCHE (Canada)
Director, Ted Rogers School of Hospitality and Tourism
Management, Ryerson University
V.S. MKRTTCHIAN (Australia)
Doctor of Technical Sciences, CEO, HHH University
A. T. BYKOV (Russian Federation)
Doctor of Medicine, Professor, Corresponding
Member of Russian Academy of Sciences
G. A. KARPOVA (Russian Federation)
Doctor of Economy, Professor, Vice-President of National
Academy of Tourism
V. I. GASUMYANOV (Russian Federation)
Doctor of Economy, Vice President, Director of the
Directorate of Corporate Security – Head of Safety Unit of
PJSC «GMK Norilsk Nickel» (Chairman of Editorial
Board)
E. BRUNAT (France)
Doctor of Economic Sciences, Institut d'Administration
des Entreprises, L'Université Savoie Mont Blanc
G. R. COLLINS (USA)
Professor, Executive Director, Northern Arizona
University's School of Hotel and Restaurant Management
L. ANDRADES CALDITO (Spain)
Department of Business Management and Sociology,
University of Extremadura
G. MASTERMAN (UK)
Head of the Department of Sport, Sheffield Hallam
University
E. L. PISAREVSKY (Russian Federation)
Doctor of Law, Deputy Chairman of the Russian Social
Insurance Fund

The journal is registered in Federal Service in the field of
Communications, Information Technology and
Communications.

Magazine Certificate of Registration

ПИ №ФС77-62398 July 14, 2015.

Information product mark: 16

The journal is included in the List of State Commission for
Academic Degrees and Titles of the
Russian Federation editions.

Free price

Release date 25.09.2021

Format 29,7 × 42/2. Offset paper.
Screen printing. Georgia typeface.

Ysl. Izd. l. 21,04. Ysl. pech. l. 16,2.
Circulation 500 copies. Order 86

Issued from 2007
Publication frequency — once in 3 months

Министерство науки и высшего образования РФ

Sochi Journal of Economy

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Издается с 2007 г.
ISSN 2541-8114. 2021. 15(3)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. М. РОМАНОВА
главный редактор — д-р экон. наук, профессор, ректор
Сочинского государственного университета
А. А. ЧЕРКАСОВ
зам. главного редактора — д-р ист. наук,
профессор ВолГУ
Е. К. ВОРОБЕЙ
зам. главного редактора — канд. экон. наук, доцент
СГУ

М. Ю. АФАНАСЬЕВ
д-р экон. наук, профессор ЦЭМИ РАН
А. М. ВЕТИТНЕВ
д-р экон. наук, д-р мед. наук, профессор СГУ
Т. Е. ГВАРЛИАНИ
д-р экон. наук, профессор СГУ
Е. Н. КЛОЧКО
д-р экон. наук, профессор КубГАУ
имени И.Т. Трубилина
М. С. ОБОРИН
д-р экон. наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова
В. С. ОСИПОВ
д-р экон. наук, профессор МГИМО МИД России
А. А. РЯБЦЕВ
канд. экон. наук, доцент СГУ
Н. А. САВЕЛЬЕВА
д-р экон. наук, профессор СГУ
М. Ю. ШЕРЕШЕВА
д-р экон. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Журнал включен в базу
Российского индекса научного цитирования.
Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,106

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Адрес редакции:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94
Тел.: 8(918)201-97-19

Адрес издателя:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

Адрес типографии:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94а
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Сайт журнала: www.vestnik.sutr.ru

Корректор, редактор-переводчик
В. С. Молчанова
Технический редактор, электронная поддержка
Н. А. Шевченко

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ф. Ж. ДЕМИККО (США)
профессор, заведующий кафедрой гостиничного и
спортивного бизнеса университета Делавэра
Ф. ДИМАНШ (Канада)
Директор школы гостеприимства и менеджмента в
туризме Тед Роджерс, Университет Раерсон
В. С. Мкртчян (Австралия)
д-р техн. наук, ректор Университета управления,
информационной науки и технологий
А. Т. Быков (Российская Федерация)
д-р мед. наук, профессор, член-корр. РАМН
Г. А. Карпова (Российская Федерация)
д-р экон. наук, профессор, вице-президент
Национальной академии туризма
В. И. Гасумянов (Российская Федерация)
д-р экон. наук, вице-президент, директор дирекции
корпоративной безопасности – руководитель блока
безопасности ПАО «ГМК «Норильский никель»
(председатель редсовета)
Э. Брюна (Франция)
д-р экон. наук, профессор, Университет Савау Мон
Блан
Г. Р. Коллинс (США)
профессор, исполнительный директор Школы
гостиничного и ресторанного менеджмента
Университета Северной Аризоны
Л. Андрадес Калдито (Испания)
профессор кафедры менеджмента и социологии,
Университет Экстремадуры
Г. Мастерман (Великобритания)
руководитель департамента спорта, Университет
Шеффилд Холлам
Е. Л. Писаревский (Российская Федерация)
д-р юрид. наук, заместитель председателя Фонда
социального страхования РФ

Журнал зарегистрирован в федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства массовой информации

ПИ №ФС77-62398

от 14 июля 2015 г.

Знак информационной продукции: 16+

Цена свободная

Дата выхода 25.09.2021

Формат 29,7 × 42/2. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 21,04. Усл. печ. л. 16,2.

Тираж 500. Заказ № 86

Выходит с 2007 г.
Периодичность — 1 раз в 3 месяца

Contents

Articles

Mediating Role of Entrepreneurial Orientation, Organizational Learning and SMEs' Performance K.S. Akpoviro, A.O. Amos, O.O. Olusegun	202
The Influence of the Heritage of Large-Scale Measures on the Economic, Environmental and Sociocultural Sphere of Destinations' Development E.V. Gordeeva, N.K. Atuchin	220
Comparison of the Economies of Russia and Switzerland A.Yu. Baranova, E.L. Varvashtian	229
Managing the Human Resources of an Industrial Company with Wages Efficiency G.P. Gagarinskaya, T.G. Borisova, A.V. Gagarinskiy, I.M. Igumenov	236
Analysis of Budget Revenues of the Krasnodar Krai T.E. Gvarliani, E.L. Varvashtyan	246
Educational Tourism Development Trends T.E. Gvarliani, M.B. Kamkiya	257
Analysis of the Growth of E-Commerce in Russia V.E. Konovalov	264
Contours of Post-Covid Trajectories of Behavioral Economics Development S.N. Novoselov, O.A. Gorkusha	273
The Uncharted Potential of the North Caucasus. National Tourism-Travel in Russia as Part of a Lifestyle G.Ya. Ratushnyak, M.A. Aseeva	280
Process Approach in Managing Sustainable Reproduction of Regional Tourism Product G.M. Romanova, V.N. Sharafutdinov, E.V. Onishchenko	288
Modern Practice of Supporting Youth Entrepreneurship I.S. Syrkova	302
Exchange Rate Volatility and Foreign Investment Flows: A Dynamic Panel Analysis with African Countries D. Umoru	308

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 202-209

www.vestnik.sutr.ru

Articles

UDC 33

Mediating Role of Entrepreneurial Orientation, Organizational Learning and SMEs' Performance

Kowo Solomon Akpoviro^{a,*}, Akinbola Olufemi Amos^b, Oyedele Ola Olusegun^b

^a Kwara State University, Malete, Nigeria

^b Federal University of Agriculture, Abeokuta, Nigeria

Abstract

The cornerstone of entrepreneurship is Entrepreneurial Orientation (EO) and it is one of the significant predictors of SMEs performance. The concept of EO has been widely discussed through previous studies in entrepreneurship, so it can be considered as one of the main topics in this field, and the most commonly used measure of entrepreneurial behavior or inclination in strategies and entrepreneurship studies. EO has emerged as an area of research, and EO impact studies have become a sub-field in Entrepreneurship Education research. The objectives of the study were to determine the effect of organizational learning (OL) on SMEs performance and also to examine the effect of innovative performance on EO. The study population refers to the managers of SMEs registered with the Small and Medium Enterprises Development Agency of Nigeria (SMEDAN) in Lagos State, Nigeria. Analysis of variance (ANOVA), correlation efficiency, and regression analysis was employed. The research found that EO affects organizational learning in an SME context. EO has a strong effect on learning and expands learning scope by encouraging companies to challenge the status quo and to make it more flexible and alter the way they work. There is a significant and positive relationship between entrepreneurial orientation and organizational learning within firms because it was revealed that entrepreneurial orientation has different impacts on the individual components of strategic learning. Moreover, the results of the study indicated that EO affects innovative performance. Entrepreneurialism significantly affects innovation and performance. Innovativeness, proactiveness and risk-taking have a strong impact on creating innovation, and entrepreneurial activity which enhances innovative behavior. The study recommends that SMEs in Nigeria should be more proactive in developing strategies, improving operations, and paying attention to entrepreneurial orientation and organizational learning. Entrepreneurial orientation behaviors should be strengthened within SMEs, and should take advantage of the outputs in order to develop organizational learning processes, creative performance, corporate performance, improved decision-making processes, and adaptation to a rapidly changing work environment. Additionally, managers of these enterprises should encourage risk-taking in new initiatives and project planning processes.

Keywords: entrepreneurial orientation (EO), organizational learning (OL), Entrepreneurship, innovativeness, SMEs' performance.

* Corresponding author

E-mail addresses: kowosolomon@gmail.com (K.S. Akpoviro)

1. Introduction

The significant impact of small-medium enterprises (SMEs) on a developing economy is increasingly recognized (Alayo et al., 2019). They have often been acknowledged as productive and efficient job creators, large-scale seed companies and national economic engines (Short et al, 2018; An, Kang, 2016). In the world's economy, professionals, politicians and scholars have been increasingly concerned with the study of entrepreneurship and SMEs (Lonial, Cater, 2015). Entrepreneurship has been recognized widely in developing countries as an influential instrument for poverty reduction and an enhancer of economic growth (Alexe, Alexe, 2018). All countries in general and developing countries in particular, seek to enhance and develop the entrepreneurial business to support the economic improvement and stability (Alshezawi, Khan, 2018). Entrepreneurship is currently the primary cause of development, and is considered the driving force behind financial and social growth in most advanced and developing countries. Studies show that entrepreneurs play key roles particularly in the creation of small and medium enterprises, leading to higher employment (Ugoji et al., 2014). Because of its great ability to create new jobs, entrepreneurship is an essential factor for economic growth (Okta et al, 2015; Al-Harathi, 2017). Moreover, entrepreneurs play a very prominent role in employing the rural population, provide self-employment to those who start their own business and enhance the economic environment of the different sectors (Gao, 2017).

Furthermore, entrepreneurial orientation represents the management's orientation towards seeking new vistas for the firm's progression in a competitive environment. As a result, firms with focus towards entrepreneurship show a higher tendency towards realizing growth through the process of exploratory strategic actions rather than the exploitative ones (Siren et al, 2017). EO helps to achieve sustainable performance. Entrepreneurial orientation is a key source of intangible value for organizations to sustain the competitive advantage for organizations through highlighting the new opportunities available in the business environment (Adams et al., 2018; Youssef et al, 2018; Kowo, Adenuga, 2019), exploiting them optimally and making them successful (Basson, Erdiaw, 2019), especially in a highly competitive business environment. Entrepreneurial orientation supports the flexibility of organizations as a strategy to address environmental uncertainty. The ability of an organization to develop new products, provide distinct product alternatives, and adjust production level as needed can be stimulated through autonomy, risk-taking, innovativeness, competitive aggressiveness and proactiveness (Gal, 2018). Likewise, entrepreneurial orientation affects several organizational outcomes within any organization, such as firm performance (Albtoush, 2015; Thomas, 2013), organizational learning (Sheng, Cheien, 2016; Abasi et al., 2015), innovative performance (Yildiz, 2014; Soedarmano et al, 2019) and firm performance (Bengig et al., 2018). The entrepreneurial environment in Nigeria is still in progress, but actions can be taken to support the growth of national entrepreneurship. Nigeria can promote and stimulate entrepreneurial growth by providing favorable environmental factors. Political stability in the Sultanate is based on global ratings and is the most appealing feature. It also has a policy of free economy that is essential for new companies (Adisa et al., 2016). The government in Nigeria has taken initiatives to promote its SMEs, but gaps still exists (Alayo et al., 2019). In order for SME owners to be able to readily start their own businesses and provide jobs in a market, the government has provided short term loans. Researchers have clarified that SMEs can succeed if they receive long-term loans at low financial cost as this makes it easy for owners to repay their loans (Seifari, Amoozadeh, 2014). SME short-term loans always hamper the success of a company, even an excellent one (Al Bulushi, Bagum, 2017). The SME sector in Nigeria begins the growth curve, and this sector needs a high level of governmental assistance. Nigeria SME contribution to GDP is small but helps the country to reduce the volume of unemployment (Okta et al, 2015). According to Ugoji, Mordi and Ajonbadi (2014) there were about 132,735 SMEs in 2013, most of them in the Lagos area. Kowo, Sabitu and Adegbite (2018) reported that 70 % of SMEs are micro-enterprises, 25 % of which were small and 5 % were medium-sized in 2013. Adeiza, Malek & Ismail (2017) highlighted how the Nigeria government took extraordinary actions to enhance its SMEs and the economy of its entire country in 2015. Nearly 90 % of private industry is based on SMEs and it offers many job opportunities for young people, resulting in a significant fall in national unemployment over the last two years (Al Bulushi, Bagum, 2017). The research seeks to answer the following questions (1) Does organizational learning (OL) affect SMEs performance? (2) What is the effect of innovative performance on EO?

2. Literature Review

The Concept of Entrepreneurship

In 1732, the Irish economist Richard Cantillon used the concept of entrepreneurship in reference to individuals who are ready to carry out types of arbitration concerning the financial risk of a new venture (Valerio et al., 2014; Gu, Quian, 2019). Entrepreneurship requires more studies to indicate and define its main elements, for despite the efforts of previous studies, there is no satisfactory definition (Short et al, 2018). Zampetakis et al. (2015) mentioned that the concept of entrepreneurship is multi-dimensional. In this vein, there are several definitions of the concept. In addition, studies related to the definition of entrepreneurship and its role in the economy can be categorized in different ways such as chronology, in the school of thought and jobs attributed to entrepreneurs (Yildiz, 2014). Kao, Tsaur and Wu (2016) argued that many factors influence developing a comprehensive concept for entrepreneurship. Some of these factors are related to the culture, the economy or the society. Because social and economic factors are not consistent, according to the surrounding environment, it is fair to say that there is not yet a comprehensive definition of the concept of entrepreneurship, which includes all types and characteristics of entrepreneurship. According to Genc (2017) the reason behind not developing a global definition is that entrepreneurship has been documented in various disciplines, resulting in many opinions about its meaning. Eddleston & Kellermans (2007) clarified that at present entrepreneurship is one of the most interesting and contentious study fields. The distinction in entrepreneurial definitions is due to each industry class having its distinct schools and views. Some definitions can be simple or general, such as 'the beginning of a new project' whilst others refuse to confine it in such a way, since firms could be characterized as entrepreneurial firms even though they are not involved in any new projects (Cherchem, 2017; Adenuga, 2009). Entrepreneurship can be accurately defined as a type of mindset that views the world as a place to experiment and explore new possibilities in order to realize the true potential of one's quest for self-attainment through innovation and creativity (Alexe, Alexe, 2018). Additionally, Alayo et al (2009) defined an entrepreneur as someone who looks for chances in the business environment and has the indispensable resources to create and develop a project to meet stakeholders' needs or to face and solve difficulties within the community. In the case of Zampetakis et al. (2009), entrepreneurship is described as a human activity taken at a person's own risk for the purpose of profit. Similarly, Solikahan and Mohammad (2019) mentioned that entrepreneurship is the process where the entrepreneur shapes a venture by looking at a market chance, accepts risks by supporting an efficient innovative idea or procedure and gains profits from the project. The word 'entrepreneurship' is "entrepreneurial ability and desire to create, organize and administer a company enterprise along with all its hazards to gain profit (Sismanoglu, Akcah, 2018). Thomas (2013) defined it as the capacity of an individual to transform ideas and suggestions into action. It includes the capability to create, innovate and take risks in order to achieve objectives, to plan and manage projects. It promotes all people in their lives, both in their homes and in society. It also helps workers to be more conscious of the context of their job and to make better use of opportunities, and offers a basis for entrepreneurs to start up a social or business activity. As for the definitions of entrepreneurship, the concept of an entrepreneur was discussed intensively in various studies from different perspectives that focused on the entrepreneur's characteristics, or the entrepreneurial process and opportunity (Shahzad et al., 2017; Kohtamaki et al., 2019; Almanum, Fazal, 2018; Akinbola et al., 2015).

Entrepreneurial Orientation

In recent years, academic and business interests have continued to focus on entrepreneurship orientation (Bendig et al., 2018), internationalization and competitive strategies (Gu, Qian, 2019). Kellermans et al, (2016) and Yildiz (2014) added that entrepreneurial orientation (EO) as a differentiating firm factor in the entrepreneurship literature has been consolidated. EO has become a key concept in entrepreneurship, which has received considerable theoretical and empirical attention (Short et al., 2018; Kohtamaki et al, 2019). Entrepreneurs have an entrepreneurial orientation (EO) that indicates the procedures, structures, and behavior of the firm to take advantage of opportunities. Sustainable entrepreneurs are described by previous literature as agents of change with the ability to disrupt an unsustainable system of industries and engage in complex entrepreneurial and sustainability trade-off decisions (Gao, 2017). Thomas (2013) argued that entrepreneurial orientation is reflected in the execution processes of organizations and organizational culture. It is a vital element for achieving higher performance through differentiation, developing better alternatives before competitors, supporting adaptation to environmental changes and market trends, weakening competitors' competitiveness and

responding to future actions rapidly (Siren et al., 2017). The cornerstone of entrepreneurship is EO and it is one of the significant predictors of firm performance (Yildiz, 2014). Kohtamaki et al. (2019) reported that the concept of EO has been widely discussed through previous studies in entrepreneurship, so it can be considered as one of the main topics in this field, and the most commonly used measure of entrepreneurial behavior or inclination in strategies and entrepreneurship studies. The knowledge of EO has been further extended and has greatly benefited from two important constructs. This construct basically recognizes EO as having a basic and uni-dimensional strategic orientation that is self-evident in the simultaneous existence of three elements, innovativeness and proactiveness behaviors as well as risk-taking which is considered an attitudinal propensity. In particular, innovativeness and ingenuity ascribes to the notion of enhancement of creative procedures that could in fact lead to the creation of new products, services or technologies (Gu, Qian, 2019; Short et al., 2018). Proactiveness indicates a desire to pursue self-motivated willingness to enhance current situation and create an environment conducive for growth as well as incubation for germinating of new opportunities, while risk-taking refers to the courage and ability to channelize investments and efforts in uncertain domains in order to capitalize on exponential return possibilities in terms of gains (Lonial, Cater, 2015). The second idea anticipated by Siren et al (2017) is multidimensional, as it does not mandate simultaneous or parallel occurrence of different elements and offers two new co-factors, namely, competitive aggressiveness and autonomy, which together profess a strategy to challenge competitors in order to outsmart rivals in the industry, and to continuously focus on a single minded aim to excel and pursue options and directions that leads to the pursuit of opportunities and growth (Alayo et al., 2019).

In addition, EO is an organizational concept that demonstrates the managerial ability through which companies execute proactive and aggressive initiatives to achieve competitive advantage. Other researchers emphasized an expanded definition of the EO (Youssef et al, 2018; Adams et al., 2018). Similarly, EO becomes an outstanding feature for high performing organizations (Ghazikalaye, Roshani, 2016). Gloss, Pollack & Ward (2017) also stated that entrepreneurial orientation represents the management's orientation toward seeking new opportunities for firm growth. Hence, entrepreneurial orientated firms are more ready to achieve growth via exploratory strategic actions (e.g., developing new product) rather than exploitative activities (e.g., advertising) (Gloss et al., 2017; Soedarmano et al., 2018; Sheng, Chien, 2016; Adenuga, 2015; Gao, 2017; Thomas, 2013).

SMEs Performance

Understanding the factors that lead some enterprises to be more competitive than their competitors and thus making a bigger profit than their competitors is a matter of interest not only for academics but also for managers (Abdullah et al., 2017). Alexe and Alexe (2018) and An & Kang (2016) argued that it is important for management to use external sources of information to adapt and respond to more complex and rapid changes in a dynamic business environment and use these sources to continue and survive in the work environment. Adiiza, Seifari and Amooza (2017) pointed out that the need to acquire and manage knowledge is emphasized to increase the overall performance and achieve competitive advantage. Various researchers have been attracted to exploring enterprise broadly, as its action contributes to macroeconomic results, as well as to SMEs performance. Performance change is the essential objective of entrepreneurial firms, as it exhibits the level of accomplishment of their business operations. Different firm performance estimations have been connected in earlier business research. In any case, the lion's share of these examinations did not give any support to the choice of measures utilized (Youssef et al., 2018). While exact estimation is urgent to seeing the SMEs performance, there has been no agreement among business enterprise researchers on the task of a suitable arrangement of estimations (Gal, 2018; Siren et al., 2017). Albtoush (2015) added a definition for measuring SMEs performance which combined financial and non-financial measures to evaluate it. Adams, Martin and Boom (2018) gave a characterization plot that clarifies the area of business performance. They claimed that business performance is a subset of the general idea of hierarchical viability, and that thorough business performance covers monetary performance as well as operational performance. The last incorporates indicators identified with mechanical productivity, such as product quality and advertising adequacy. Previous studies have shown that there is no consensus on how to measure a company's performance (Soedarmono et al., 2019; Alayo et al, 2019).

The Concept of Organizational Learning

Although the concept of organizational learning has grown in academic researches within the last two decades (Short et al., 2018; Gu, Qian, 2019), there is still a need for further research to

explore the actual practice and actual activity that leads to learning (Gal, 2018). Basson and Erdiaw (2019) illustrated that organizational learning, the process through which organizations create, spread and exploit knowledge, and convert it into innovation is a major issue in organizational studies. Organizational learning does not occur in isolation but is strongly influenced by institutional contexts (Akinbola et al., 2018; Alshezawi, Khan, 2018; Valerio et al., 2014). Langerud (2007) confirmed that organizational learning is considered a source of continuous success in a rapidly changing business environment. Tafvelin et al. (2017) revealed that there are no more studies that discussed organizational learning as an organizational phenomenon, and identified its antecedents and performance outcomes, innovation capacity (Ugoji, Mordi & Ajonbadi, 2014) and customer value (Thomas, 2013). Organizational learning is a major organizational capacity that occurs when organizations develop an in-depth learning culture and have educational, training and guidance systems to promote organizational learning (Sheng, Chien, 2016). Researchers identified organizational learning in several different ways according to different perspectives (Zampetakis et al., 2015). Likewise, organizational learning is the method of building and complementing organizations, and organizing knowledge and routine actions around their activities and cultures, in order to enhance organizational efficiency through optimal use of the distinctive skills of their employees (Solikahan, Mohammad, 2019). Coco and Quttainah (2015) identified organizational learning as the processes of creating, spreading, sharing and transferring knowledge within the organization and integrating it in practices. According to Kao, Tsaur and Wu (2016), organizational learning is also described as an expansion of the organization's ability to implement effective arrangements by enhancing its performance and outcomes directly and systematically. Further, organizational learning is the knowledge and capabilities available at any time in any organization, regardless of the persons involved (Kohtamaki et al., 2016). Organizational learning is a context-based process in which organizations seek to achieve the desired results (Siren et al., 2017). Several studies have emphasized the importance of organizations' involvement in the changes needed to be able to cope with a changing business environment and achieve sustainable competitive advantage. Learning is crucial in this regard. It provides the organization the capability to learn from the past, understand what has been learned and integrate it into the organization's practices in a way that provides the organization with the ability to adapt rapidly to changing circumstances (Yildiz, 2014). Sismanoglu and Akcali (2016) revealed that managerial literature indicates the vital role which organizational learning plays in supporting the sustainable competitive advantage of the organization. Furthermore, learning plays an important role in enhancing the ability of organizations to reach speed and flexibility in the process of innovation (Okta et al, 2015; Valerio et al., 2014; Almamum, Fazal, 2018; Adenuga, 2009; Kohtamaki et al., 2019; Gal, 2018). Organizational learning and innovation have recently been revealed to be closely related to entrepreneurial orientation (Cherhem, 2017; Adisa et al., 2016; Genc, 2017). Al-Harthi (2017) showed that many organizational and management practices studies discussed the effect of organizational learning on the performance of an organization. Many previous studies have indicated that organizational learning can influence and enhance the organization's performance, such as developing a new creative product and creating a learning culture within the organization (Alayo et al., 2019; Adams et al., 2018; Kalmuk, Acar, 2015).

Components of Organizational Learning

Gloss, Pollack and Ward (2017) depicted five vital components of effective organizational learning, namely, "personal mastery, mental models, shared vision, team learning, and systems thinking", and the term of organizational learning has become well-known

Personal Mastery

Motivates members to continually learn (Gao, 2017). As Gloss, Pollack and Ward (2017) mentioned, organizations cannot learn without employees desiring to learn. Learning develops the personal abilities of people to achieve their goals. Basson and Erdiaw (2019); Adeiza, Malek and Ismail (2017); Adenuga (2015); and Youssef et al. (2018) added that there is a need for employee commitment to learning in order to achieve competitive advantage in the labor market. Thomas (2013) reported that personal mastery includes creative personal development, enough effort, detecting opportunities and challenges in a changing business environment, employees' abilities to learn, and developing their skills and uniqueness.

Mental Model

Shahzad, Xiu and Shahbaz (2017) stated that mental model is a way to develop your mind to produce the thoughts in different ways. It is an elucidation of thought process of an individual about how conceptual frame work can be applied in real practice with the help of our

understanding. It represents the surrounding environment and its parts and an individual's perception about his or her performance and their magnitudes. Further, Zampetakis et al. (2015) and Al-Harhi (2017) mentioned that mental models are “deeply ingrained assumptions, generations, or even pictures and images that influence personal and organizational views and behaviors and limit thinking”. It is very important for an organization to understand mental models, putting them into question and changing them according to surrounding reality (Almamum, Fazal, 2018). Gloss, Pollack and Ward (2017) stated that mental models determine how a person thinks and acts. Although employees do not act according to their mental models, their behaviors are deepened on a mental image. Short et al, (2018) revealed that, within the learning organization, mental models include the discipline of consideration, discussion, dialogue, and study. Employees try to reach acceptance about suitable and realistic mental models through this discipline. Sheng & Chien (2016) explained the importance of mental models in detecting shortcomings in the present ways of looking at the labor market.

Shared vision

The appearance of shared vision came from employees having a strong personal vision sense, who see the team vision that can include the personal visions of all and who care about their work (Thomas, 2013). Eddleston & Kellermans (2007) mentioned that a shared vision form believes that action and reaction with employees' awareness of organization goals and agreement between employees' visions and developing these visions shape a shared vision. Abbasi et al. (2015) and Gal (2018) added that employees must understand and contribute to the vision of the organization. Moreover, Kohtamaki et al. (2019) stated that shared vision is an organizational resource whereby employees share a desired future image. Additionally, Shahzad, Xiu and Shahbaz (2017) reported that shared vision builds a sense of commitment to the strategic objectives of organizations and common direction.

Team learning

Team learning is an important component of the learning organization (Abbasi et al., 2015) due to the fact that teams represent the fundamental learning units in contemporary organizations (Alexe, Alexe, 2018). According to Alayo et al. (2019) “unless teams can learn, the organization cannot learn”. Team learning includes the fact that thinking, communication, and stimulation through the team are more important than thinking individually. It is valuable (Ghazikalaye, Roshani, 2016).

The concept of Innovative performance

Today's business environment is unpredictable and volatile, and companies have to modify and adapt constantly to survive. New ideas, strategies, processes, new markets, products and services contribute to innovation to cope up with volatility (Kowo, Adenuga, 2019). Innovation is an essential tool for developing strategies; it can enable companies to distinguish their products, increase efficiency, permeate new markets and increase market share to demonstrate their competitiveness (Lonial, Cater, 2015; Genc, 2017). Albtoush (2015) asserted that companies have always been required to enhance innovations to ensure they keep a competitive advantage. Within the competitive business environment, organizations have begun to develop innovative performance to achieve greater success and remain in competitive markets (Almamum, Fazal, 2018). Likewise, innovation is one of the main characteristics of entrepreneurial behavior that has been strongly connected to small and medium enterprises (Okta et al., 2015; Soedarmono et al., 2019; Siren et al, 2017). Cocco and Quttainah (2015) mentioned that innovation is designing, creating, developing or implementing new products, services, systems, organizational structures, new models or business models to generate new value for customers and financial revenues for the company. According to Abasi et al. (2015), innovation is described as the applying of new ideas or behavior in the organization's products, services, systems, policies and programs to adjust to the environment and to enhance efficiency and competitiveness. Moreover, innovation refers to the reduplicating process involved in developing and marketing products and services as a response to new opportunities, and coincides with ambitious commercial success (Sismanoglu, Mohammad al., 2019). Zampetakis et al. (2015) defined innovation as the instrument tool for entrepreneurs and firms that leads to the development of the strong and dynamic SME sector. Knowledge is an essential tool for innovative performance. Kao, Tsaur and Wu (2012) indicated that innovative performance must be clearly defined to increase our understanding of some technical issues relevant to the influences of organizational learning capacity. Innovative performance refers to the development of products, processes, and procedures that increase the relevance, utility and

performance of products and services by using new ideas and creativity (Gu, Qian, 2019; Adisa et al., 2016).

3. Theoretical Review

Resource Based Theory (RBT)

Edith Penrose (1959) developed the Resource Based Theory (RBT), which examines the role of resources in the growth or empowerment of company hierarchies. She describes "the physical items which a company purchases, rents or provides for its own use and the general population are enlisted according to conditions which make them an appropriate part of the company" (Penrose, 1959). Over 50 years, researchers have based their research on Penrose's bits of knowledge, and with the development of the RBT, analysts have concentrated on "vital assets" (Lonial, Carter, 2015). Vital properties are those properties of (1) value that can be used for expanding customer confidence or decreasing costs; (2) are so rare that rivals do not approach the same or basically the same resources to dispute the appreciation; and (3) are difficult to replace and further imitate, so that the organization can stay ahead of its rivals (Barney, 1991). The focus of the RBT is on improving company efficiency in a way that a company has vital assets (Barney et al., 2001), and the present meta-inquiry confirms the validation of that statement (Lonial, Carter, 2015). At first, the RBT grew in the field of management. Lonial & Carter (2015) have developed the concept of vital administration. They indicated that core management handles the significant anticipated and emerging operations of general supervisors, including the use of resources to enhance business efficiency by owners. "Therefore, essential administration directs managers and corporation manages persons or groups of individuals acting freely or as a function of a company structure, forming or reinventing new associations" (Sharma, Chrisman, 1999; Kellermanns et al., 2016). The RBT examines the suitability of the assets of companies to achieve strong efficiency with their characteristics. RBT's most distinctive achievement is the plan of criteria that must be met to ensure the company's continued advancement of assets (Kellermanns et al., 2016). Jay B. Barney (1991), who declared that a company's assets preserved its upper hand, produced one of the most convincing texts of essential administration in history. He explained that a company is said to be upper-hand when it updates a value scheme which any current or potential competitor executes at the same moment, and when those various companies are unable to copy the benefits of that scheme. Early RBT work identified that the company is a complex asset-based structure (Kellermanns et al., 2016; Lonial, Carter, 2015; Martin, Javalgi, 2016). In any case, RBT has become the world's main view for key management assessments (Peteraf, 1993), and having an RBT-business interface is a minimal requirement in providing a "research setting" for observational work (e.g Lonial, Carter, 2015). Because most asset-based studies fail to account for the thinking of the company, RBT fails to a considerable extent to include imagination and entrepreneurial demonstration (Barney et al., 2001). A company's asset perspective suggests that corporate performance is clearer against corporate assets in comparison to industry structure (Martin, Javalgi, 2016). Assets in nature may be singular or meaningless. Capital and access to capital are incorporated in substantial investments. Little companies from a resource-based perspective have had hardly any investigation (Lonial, Carter, 2015), yet small companies are likely to rely heavily on ownership/managers' assets. This applies in particular to women businessmen, as they tend to be in management or retail, and 85 % of these organizations have no assets other than those belonging to their managers (Barney, 1995). The company's resource basis perspective (RBV) has proven to be one of the most commonly used hypotheses in management studies. The central premise of RBV is that the company produces upper hands, thanks to its outstanding asset structure (Lonial, Carter, 2015). In keeping with the end objective of economic superiority, Barney (1991) identified four main characteristics that an asset must have: it must be important, unusual, incomplete and non-replaceable. Most RBV Scientists use this concept to describe and operate advanced developments. Ultimately, companies should be able to support preferences taken from prevailing assets. The mainstream comes from the assets and capabilities of an organization that integrate the management capabilities, organizational processes and data, and information (Barney, 1991). In a concentrated environment, companies transmit their physical, human and organizational assets to take a favorable market position (Martin, Javalgi, 2016) If assets and capacity are profitable for customers and are unusual and difficult to copy, they offer a sustainable advantage, which increases company performance (Lonial, Carter, 2015; Martin, Javalgi, 2016). Hence, hierarchical introductions can give a manageable position and create unrivalled results on the part of an organization. Analysts have noticed the importance and the relative links between

EO, MO, and LO and the organizational outcomes (Martin, Javalgi, 2016). In turn, organizations with these organizational capabilities are performing in the market at an unusual level. In the current market companies, the continuing cycle of maintenance and improvement of the businesses is up against exceptional operating conditions. In this environment, companies should effectively utilize important, noteworthy and difficult to duplicate substantial and immaterial resources. According to the resource-based view, Barney et al. (1995) propose that organizations use their physical, human and hierarchical resources to build their reach over lengthy distances, and so perform with unrivalled success (Martin, Javalgi, 2016). Elusive hierarchical resources such as entrepreneurial orientation, organizational learning capability (OLC) and innovation performance (IP), for example, are difficult for competitors to copy, so these favorable, feasible circumstances are prompt (Martin, Javalgi, 2016).

Research Gap

Nigeria SMEs have an important influence on the Nigeria economy. In order for small and medium enterprises to prosper and survive in a dynamic business environment, they must design and implement their philosophy in enterprise activities. The influence of EO on a company's performance is generally considered within the business field, but the findings vary from an immediate positive to no critical correlation between the entrepreneurial orientation and performance (Kohtamaki et al., 2014; Youssef et al., 2018). This study confirms that such variations are due to cultural characteristics related to the Africa environment, given that EO in SMEs requires a property (Thomas, 2013; Ugoji et al., 2014). More studies have been called for to determine in what way an EO can be beneficial. This paper attentively tests the effect of organizational leaning on entrepreneurial orientation. Organizational learning allows a company to mix its present assets and capabilities, transforming them into specific economic advantages (Alayo et al., 2019). Hierarchical learning becomes an essential part of the strategy based on resources and its enhancement as well as the approach being based on knowledge. Both hypothesis systems advice that the upper hand is the capacity and skills of the company and hierarchical learning requires both if it is to improve the efficiency of the organization and strengthen its advantage. Additionally, Valerio, Parton and Robb (2014) found that a positive and direct relationship existed between entrepreneurial orientation and firm performances. This relationship requires extensive investigation in the Africa. Also, previous studies have indicated the impact of OL on business performance (e.g. Short et al, 2018; Okta et al, 2015; Gal, 2018). Siren et al. (2017) revealed that introduction to learning takes place at the corporate culture stage in particular and different variables can interfere with the relationship between learning introduction and business results. Moreover, prior studies have revealed certain questionable results regarding the connection between hierarchy and business performance (Shahzad et al., 2017; Kellermanns et al., 2016; Genc, 2017). However, the significance of organizational leaning as an EO history has been emphasized by prominent researchers such as Adams, Martin and Boom (2018); Coco and Quttainah (2015) and Kellermanns et al. (2016), yet the relationship between OL and EO is rarely investigated (Gu, Qian, 2019). Many researchers, such as Alayo et al (2019) and Adenuga (2015), have called for further consideration of such a relationship. Likewise, many previous studies have indicated the positive impact of organizational leaning on entrepreneurial orientation (e.g. Kohtamaki et al., 2019; Brettel et al., 2015; Gal, 2018; Kellermanns et al., 2016). Kao, Tsaur and Wu (2016); Gao (2017); Seifari & Amoozadeh (2014); An & Kang (2016) and Eddleston & Kellermans. (2007) have confirmed that EO correlates positively with firm performance. Furthermore, entrepreneurial orientation positively affects organizational learning (Genc, 2017; Sheng, Chien, 2016) and innovative performance (Lonia, Cater, 2015; Alexe, Alexe, 2018; Youssef et al., 2018). Yet the relationship between Organizational leaning and EO is not ascertained (Zampetakis et al., 2015; Basson, Erdiaw, 2019; Short et al., 2018). Many researchers, such as Yildiz (2014) and Okta et al. (2015) have called for further consideration of such a relationship.

4. Method

This section discusses the methodology of the study and research design. It introduces research philosophies, research approach, data sources, and research design. Additionally, it details the use of the survey method, sampling design, questionnaire development, questionnaire design, and measurement. In addition, the techniques of the data collection employed and the application of the study strategy are covered. The expo factor method was used. Furthermore, the current quantitative phase of the data collection, through which a description of the methods used in implementing the quantitative phase in this study were also provided. The argumentation begins

with the justification behind selecting a sample survey method. The study adopts a self-administered survey for data collection, as detailed. Moreover, the research focused on the survey design, the pilot study applied to test different issues in the study strategy and the study's latent variables (Gill, Johnson, 2010). In addition, the questionnaire was the research instrument for this study's description, and their related indicators are provided. The research's data preparation technique employed to verify the data accuracy was discussed, followed by the data preparation, which includes dealing with missing values and outlier issues. The issue of the methodology of choosing the methods of data collection to be used for the study depends on the fact that what are the aims and objectives of the research under consideration (Easterby-Smith et al., 2011; Cresswell, 2009). Primary data was used for this study. Furthermore, the collected data was employed to propose a possible understanding of the study's variables' relationships. Therefore, the current study sample units have been chosen as SME managers. A survey is used to collect data for theoretical model validity purposes. The study population refers to the managers of SMEs registered with the Small and Medium Enterprises Development Agency of Nigeria (SMEDAN) in Lagos State. The sample frame was obtained from the (SMEDAN), the surveyed SMEs were randomly selected from the sample frame. The sample size was determined using the Yamane formula (Gefen et al., 2000; Cresswell, 2009). Therefore, the sample size was determined by

$$n = \frac{N}{1 + Ne^2}$$

where n = the sample size

N = population

e = the limit of tolerance

Therefore,

$$n = \frac{152}{1 + 152(0.05)^2}$$

$$= \frac{152}{1 + 152(0.0025)}$$

$$= \frac{152}{1 + 0.38}$$

$$= \frac{152}{1.38}$$

$$= 110.14$$

$$= 110 \text{ respondents (approximately)}$$

$$= 110.14$$

$$= 110.14$$

$$= 110.14$$

$$= 110.14$$

$$= 110.14$$

$$= 110.14$$

$$= 110.14$$

$$= 110.14$$

A sample of one hundred and ten (110) employees out of the one hundred and fifty-two (152) employee population were selected; the simple random sampling technique was adopted. Towards this end, the test re-test reliability approach was adopted for the convenience of the researcher (Gill, Johnson, 2010; Gefen et al., 2000). Cronbach Alpha coefficient and SPSS were adopted.

5. Results and discussion

Table 1. Distribution of respondents and response rate

Respondents Customers	Questionnaire administered (sampled)	Percentage of total response (%)
Top Level Managers	53	53.0
Middle Level Managers	20	20.0
Lower Level Managers	27	27.0
Total	100	100.0
Gender/Category	Questionnaire administered (sampled)	Percentage of total response (%)
Male	46	46.0
Female	54	54.0

No of Returned	100	83.3
No of Not Returned	20	16.7
Total no of Questionnaires	120	100

Source: Field Survey 2020

Table 2. The Descriptive Statistics of Entrepreneurial Orientation, Organizational Learning and SMEs' Performance

Responses	Total (N)	Mean
Organizational Learning and SMEs Performance.		
Organizational learning is the knowledge and capabilities available at any time in any organization, regardless of the persons involved and also Organizational learning is a context-based process in which organizations seek to achieve the desired results	100	4.81
People are encouraged to interact with the environment: competitors, customers, technological institutes, universities, suppliers, etc.	100	3.98
People here receive support and encouragement when presenting new ideas.	100	3.69
Organizational learning is a major organizational capacity that occurs when organizations develop an in-depth learning culture and has educational, training and guidance systems to promote organizational learning.	100	3.79
Organizational learning does not occur in isolation but is strongly influenced by institutional contexts	100	3.77
Innovative Performance and Entrepreneurial Orientation		
New ideas, strategies, processes, new markets, products and services contribute to innovation to cope up with volatility	100	3.89
The glue that holds the company I work in together is an emphasis on tasks and goal accomplishment. A production and achievement orientation is commonly shared which has effect on EO.	100	3.89
Innovation is designing, creating, developing or implementing new products, services, systems, organizational structures, new models or business models to generate new value for customers and financial revenues for the company.	100	3.88
There is a positive relationship between innovative performance and EO	100	3.87
The glue that holds the company I work in together is commitment to innovation and development. There is an emphasis on being first with products and services.	100	3.72
Innovative performance is the construction of a composite based on different performance indicators, such as new patents, new products, new projects, new practices, and new organizational procedures	100	3.79

Source: Field Survey 2020

Hypothesis One

Ho: There is no significant relationship between Organizational learning (OL) and SMEs Performance.

Hi: There is significant relationship between Organizational learning (OL) and SMEs Performance.

Table 3. Model Summary^b

Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate	Durbin-Watson
1	.349 ^a	.122	.116	1.703	1.997

^a Dependent Variable: SMEs Performance.

^b Predictors: (Constant), Organizational learning (OL)

Source: Field Survey 2020

Table 4. ANOVA^a

Model		Sum of Squares	Df	Mean Square	F	Sig.
1	Regression	1	1	63.476	21.897	.000 ^b
	Residual	158	158	2.899		
	Total	159	159			

^a Dependent Variable: SMEs Performance.

^b Predictors: (Constant), Organizational learning (OL)

Source: Field Survey 2020

Interpretation of Results

The result from the model summary table revealed that the extent to which the variance in SMEs Performance can be explained by Organizational learning (OL) is 12.2 % i.e. (R square = 0.122). The ANOVA table shows the F_{cal} 21.897 at a significance level. The table shows that both variables are significant at a significance level of 0.01.

Table 5. Coefficients^a

Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	T	Sig.
		B	Std. Error	Beta		
1	(Constant)	10.617	1.504		7.061	.000
	Organizational learning (OL)	.396	.085	.349	4.679	.000

^a Dependent Variable: SMEs Performance.

Source: Field Survey 2020

The coefficient table above shows that the simple model that expresses the relationship between SMEs Performance and Organizational learning (OL). The model is shown mathematically as follows: $y = a + bx$, where y is SMEs Performance and x is Organizational learning (OL), a is a constant factor and b is the value of coefficient. From this table therefore, SMEs Performance = $10.617 + 0.396$ Organizational learning (OL). It shows that both tested variables are at a significance level of 0.01, which means that there exists a significance relationship between Organizational learning (OL) and SMEs Performance. Therefore, for every 100 % increase in SMEs Performance, Organizational learning (OL) offer contributed 39.6 %. The significance level below 0.01 implies that a statistical confidence of above 99 %. This implies that there is a positive significant relationship between Organizational learning (OL) and SMEs Performance.. Thus, the decision would be to reject the null hypothesis (H_0), and accept the alternative hypothesis (H_1)

Hypothesis Two

H_0 : There is no significant relationship between Innovative Performance and Entrepreneurial Orientation.

H_1 : There is significant relationship between Innovative Performance and Entrepreneurial Orientation.

Table 6. Correlations

		Free sample	Customer choice
Innovative Performance	Pearson Correlation	1	.355**
	Sig. (2-tailed)		.000
	N	100	100
Entrepreneurial Orientation (EO)	Pearson Correlation	.355**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	N	100	100

** . Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

Source: Field Survey 2020

Result: Pearson Correlation Value of the hypothesis is 0.355 having the r value of 0.001 (in which P – value is lesser than 0.01) it shows that the correlation result is considered to be significant. This shows a correlation between the dependent and independent variables with the value of 0.355 at a significance level. Hence, it is concluded that there is a significant relationship between Innovative Performance and Entrepreneurial Orientation (EO). Therefore, the decision would be to reject the null hypothesis (Ho), and accept the alternative hypothesis (H1)

The Mediating Role of Organizational Learning and SMEs Performance in the Context of the Relationship between EO and firm performance

In order to answer the first question, the impact of EO on firm performance through the mediating role of organizational learning was investigated. The results of the study showed that EO affects organizational learning in an SME context. This result is in line with several studies. For example, Gal (2018) and Youssef et al. (2018) stated that entrepreneurial orientation has a strong effect on learning and expands learning scope by encouraging companies to challenge the status quo and to make it more flexible and alter the way they work. Moreover, there is a significant and positive relationship between entrepreneurial orientation and organizational learning within firms (Thomas, 2013; Lonial, Cater, 2015; Soedarmono et al, 2019). Zampetakis et al. (2015) stated that entrepreneurial orientation positively enhances managing the organizational learning process and capacity. Also, Siren et al. (2017) mentioned that entrepreneurial orientation still requires organizational learning systems and activities to enable higher learning and innovation. In the same way, Kellerman et al. (2016) and Okta et al. (2015) stated that EO is one of the key factors that support learning, innovation and firm performance. Alayo et al (2019) confirmed the positive effect of entrepreneurial orientation on organizational learning capability and firm performance. Sirén et al. (2017) reported that entrepreneurship orientation has different impacts on the individual components of strategic learning.

The Mediating Role of Innovation Performance in the Relationship between EO and Firm Performance

In order to answer the second question, the impact of EO on firm performance through the mediating role of innovation performance was investigated. The results of the study indicated that EO affects innovation performance. This result is consistent with many previous studies. Previous studies by Adams, Martin & Boom (2018); An and Kang (2016); AlBulushi and Bagum (2017); Short et al. (2018); Kohtamaki et al. (2019); and Youssef (2014) have confirmed the significant and positive relationship between entrepreneurial orientation and innovative performance. Further, Adisa, Adeoye and Okunbanjo (2016); Sheng and Chen (2016); Valerio, Parton and Robb (2014); Genc (2017); Gal (2018); Ugoji, Mordi and Ajonbadi (2014); Cherchem (2017); and Gloss, Pollack and Ward (2017) studies have concluded that entrepreneurialism significantly affects innovation and performance. According to Eddleston and Kellermans study, innovativeness, proactiveness and risk-taking have a strong impact on creating innovation, and entrepreneurial activity greatly enhances innovative behavior.

Managerial Implications

The results of the current study delineate important implications for both organizations and employees. The study also concluded that organizational learning and innovation performance affect firm performance. Finally, the study confirmed that both organizational learning and

innovation performance play partial mediating roles in the relationship between EO and firm performance. In the light of findings of the current study, small and medium enterprises in Nigeria should be more proactive in developing strategies, improving operations, and paying attention to entrepreneurial orientation and organizational learning. Entrepreneurial orientation behaviors should be strengthened within SMEs, and should take advantage of the outputs in order to develop organizational learning processes, creative performance, corporate performance, improved decision-making processes, and adaptation to a rapidly changing work environment. For this reason, the small and medium enterprises' managers and workers should enhance their practices of entrepreneurial orientation by providing new production lines, advanced technologies and new markets that support and encourage employees' involvement in developing creative ideas and design, and compete aggressively in the market by taking calculated risks. Therefore, in order to generate more creative ideas from employees belonging to these enterprises, managers should empower employees by giving them the freedom to determine their own ways of doing work by discussing problems of work freely and openly, and also favorably acknowledging their opinions and suggestions in solving work-related problems. Additionally, managers of these enterprises should encourage risk-taking in new initiatives and project planning processes. Besides, an innate ability to take measurable risks in a typical small and medium. Hence, managers should not fear failure, as calculated risk-taking contributes to an organization's growth. Aversion towards risk taking can lead to a slow and gradual downslide in a firm's performance, culminating in a total debacle. In addition, SME managers should provide an effective work environment focused on leveraging information technology, through which the organization is able to achieve competitive advantages in the long run, because the focus on this technology provides information that enables the organization to develop appropriate decisions and strategies to support the overall organizational performance. Furthermore, managers should be interested in continually searching for learning opportunities in order to gain experience and knowledge that will enable them to improve performance and achieve competitive advantage.

Theoretical Implications

The current study has many theoretical implications that can add to the body of knowledge in several ways. Firstly, in a small and medium enterprises context, EO has become an important factor that enhances performance. Identifying the mediating factors affecting the relationship between EO and firm performance provides a clear picture of a strategy to help improve a firm's performance through EO. Secondly, this study explores the mediating role organizational learning and innovation performance play in the relationship between EO and firm performance which has not been investigated in the small and medium enterprises sector before. Thirdly, previous studies have discussed the direct effect of EO on firm performance in countries other than the developed ones. This study explores the effectiveness of EO on a firm's performance through the mediating role played by organizational learning and innovation performance in different developing cultural contexts (such as Nigeria).

6. Conclusion

This research shows that Entrepreneurial orientation is an important tool in creating and developing innovative performance. EO capabilities are essential for company innovation because EO is linked with a methodology of experimenting with new activities, a desire to take advantage of new products, new markets, and new options and a company's propensity for risky enterprises. It was concluded that entrepreneurial orientation correlates positively with radical and incremental innovation. This result is further confirmed that entrepreneurial orientation plays an important role in enhancing marketing innovative performance in SMEs. Moreover, the findings of the study depicted that innovative performance positively affects firm performance in the context of SMEs. It was also asserted that effective management of organizational innovation enhances creativity and ultimately benefits the entire management. A firm's performance is significantly and positively affected by innovation because it was demonstrated that innovation adoption is a vital factor for organizational change in order to improve performance, particularly in the light of a lack of resources, a changing business environment, high competitiveness as well as changes in customer needs in terms of better quality. More so the study revealed that innovation capability has a strong effect on firm performance. Organizations can improve their financial performance through an organizational innovation strategy. The result of the study showed that innovation performance plays a partial mediating role in the relationship between EO and firm performance. This paper concludes that organizations encourage employees to demonstrate innovative behavior in the

workplace. The work environment transforms the basis of competitive advantage from quality to innovation. Innovation helps organizations to adjust rapidly to changes and helps create new products and markets, thereby protecting them from an unstable work environment. It was also concluded that a high level of performance is affected positively by a high level of innovation. Moreover, the study indicated that proactiveness, innovativeness and resource leveraging dimensions of entrepreneurial marketing are correlated positively with innovative performance.

Limitations and Avenues for Future Research

The collected data in this study is cross-sectional in nature, and therefore it is recommended that future research make use of longitudinal data in order to better assess the relationship between EO and firm performance and how different forms of culture affect the dimensions of EO over time. A further possible area of research is to assess the influence of the external business environment (such as dynamism and hostility) on these various aspects of organizational learning and how firms can adapt in response to these environmental changes. Another limitation of the present study is the mixture of firms of different sizes. Contrary to small companies, larger organizations are very likely to be structured into divisions that require more fine-grained interpretation. In addition, although the study is limited to and constrained by employees' demographics, the research could argue that such factors may play a moderate role in the relationship between entrepreneurship orientation and firm performance. These study therefore further calls for a thorough as well as an intuitive investigation into such effects.

References

- [Adenuga, 2015](#) – Adenuga, O.A. (2015). Developing Entrepreneurial Skills among the Youth: An antidote for National Insecurity. *The Lagos Counsellor*. 8(1): 117-126.
- [Adenuga, 2009](#) – Adenuga, O.A. (2009). Bullying at workplace: The Coping Strategies. *African Journal of Research in Personnel and Counselling Psychology*. 1(1): 30-54.
- [Akinbola et al., 2018](#) – Akinbola, O.A., Sanni, A., Akinbola, S. (2018). Appraisal of Entrepreneurship Capacity Programs and Internationalization of Small and Medium Enterprises in Nigeria. *Acta Universitatis Danubius*. 14(6): 72-89.
- [Akinbola et al., 2015](#) – Akinbola, O.A., Ogunnaike, O.O., Amaihian, A. (2015). Influence of Contextual Factors on Entrepreneurial Intention of University Students: The Nigerian Experience. *Journal of South African Business Research*. 4(1): 197-203.
- [Abbasi et al., 2015](#) – Abbasi, E., Akbari, M., Tajeddini, K. (2015). Organizational learning capabilities: Evidence from the Iranian agricultural higher education system. *Iranian Journal of Management Studies*. 8(1): 117-138.
- [Abdullah et al., 2017](#) – Abdullah, S., Musa, C. I., Azis, M. (2017). The effect of organizational culture on entrepreneurship characteristics and competitive advantage of small and medium catering enterprises in Makassar. *International Review of Management and Marketing*. 7(2): 409-414.
- [Adams et al., 2018](#) – Adams, R., Martin, S., Boom, K. (2018). University culture and sustainability: Designing and implementing an enabling framework. *Journal of cleaner production*. (171): 434-445.
- [Adeiza et al., 2017](#) – Adeiza, A., Malek, M.A., Ismail, N.A. (2017). An Empirical Analysis of the Influence of Entrepreneurial Orientation on Franchisees: Outlet Performance and Intention to Stay. *Korean Journal of Management*. 8(1): 5-18.
- [Adisa et al., 2016](#) – Adisa, M.K., Adeoye, A.O., Okunbanjo, O.I. (2016). The impact of entrepreneurship orientation on entrepreneurs compensation in Nigeria. *International Journal of Economics, Business and Management Studies*. 3(3): 102-116.
- [Al Btoush, 2015](#) – Al Btoush, J. (2015). The relationship between corporate entrepreneurship and sustainable growth in engineering consultancy companies (Master Dissertation, College of Business Administration, Amman Arab University).
- [Al Bulushi, Bagum, 2017](#) – Al Bulushi, B.H.S., Bagum, S. (2017). Growth strategies of sme in Oman-Issues and challenges. *International Journal of Small Business and Entrepreneurship Research*. 5(2): 21-61.
- [Al Mamun, Fazal, 2018](#) – Al Mamun, A., Fazal, S.A. (2018). Effect of entrepreneurial orientation on competency and micro-enterprise performance. *Asia Pacific Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 12(3): 379-398.

- Al Shezawi, Khan, 2018** – Al Shezawi, H.A., Khan, F.R. (2018). In-Country Value (ICV)–Entrepreneurial Opportunities in the Companies of Oman. *International Journal of Management, Innovation & Entrepreneurial Research*. 4(1): 25-41.
- Alayo et al., 2019** – Alayo, M., Maseda, A., Iturralde, T., Arzubiaga, U. (2019). Internationalization and entrepreneurial orientation of family SMEs: The influence of the family character. *International Business Review*. 28(1): 48-59.
- Alexe, Alexe, 2018** – Alexe, C.G., Alexe, C.M. (2018). Similarities and differentiations at the level of the industries in acquiring an organizational culture in innovation. *Procedia Manufacturing*. 22(1): 317-324.
- Al-Harathi, 2017** – Al-Harathi, A.A. (2017). Understanding entrepreneurship through the experiences of Omani entrepreneurs: implications for entrepreneurship education. *Journal of Developmental Entrepreneurship*. 22(01): 1750001.
- An, Kang, 2016** – An, Y., Kang, J. (2016). Relationship between organizational culture and workplace bullying among Korean nurses. *Asian nursing research*. 10(3): 234-239.
- Basson, Erdiaw-Kwasie, 2019** – Basson, M., Erdiaw-Kwasie, M. (2019). Entrepreneurship under siege in regional communities: Evidence from Moranbah in Queensland, Australia. *Journal of rural studies*. 66: 77-86.
- Barney, 1991** – Barney, J. (1991). Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of management*. 17(1): 99-120.
- Barney, 1995** – Barney, J.B. (1995). Looking inside for competitive advantage. *The Academy of Management Executive*. 9(4): 49-61.
- Brettel et al., 2015** – Brettel, M., Chomik, C., Flatten, T.C. (2015). How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk-taking: Fostering entrepreneurial orientation in SMEs. *Journal of Small Business Management*. 53(4): 868-885.
- Bendig et al., 2018** – Bendig, D., Enke, S., Thieme, N., Brettel, M. (2018). Performance implications of crossfunctional cooperation in new product development: the mediating role of organizational learning. *Industrial Marketing Management*. 73: 137-153.
- Cocco, Quttainah, 2015** – Cocco, J., Quttainah, M. (2015). Creativity versus innovativeness: Exploring the differences between the two constructs may lead to greater innovation in large firms. *International Journal of Business and Management*. 10(11): 83-93.
- Creswell, 2009** – Creswell, J.W. (2009). Educational research Planning, conducting and evaluating quantitative and qualitative research. (2nd Ed) Upper Saddle River, N.J: Pearson Education.
- Cherchem, 2017** – Cherchem, N. (2017). The relationship between organizational culture and entrepreneurial orientation in family firms: Does generational involvement matter? *Journal of family business strategy*. 8(2): 87-98.
- Easterby-Smith et al., 2011** – Easterby-Smith, M., Thorpe, R., Jackson, P.R. (2011). Management Research (3rd ed). London: SAGE Publications.
- Eddleston, Kellermanns, 2007** – Eddleston, K., Kellermanns, F. (2007). Destructive and productive family relationships: A stewardship theory perspective. *Journal of Business Venturing*. 22(4): 545-565.
- Gál, 2018** – Gál, M. (2018). Leadership–Organizational Culture in the light of Public Management reform models: Leadership–Szervezeti kultúra, a közmenedzsment reformok fényében (Doctoral dissertation, Budapesti Corvinus Egyetem).
- Gao, 2017** – Gao, Y. (2017). Business leaders' personal values, organisational culture and market orientation. *Journal of Strategic Marketing*. 25(1): 49-64.
- Genc, 2017** – Genc, E. (2017). Strategy implementation, organizational culture and performance in Turkish local government (Doctoral dissertation, Cardiff University).
- Ghazikalaye, Roshani, 2016** – Ghazikalaye, T.R., Roshani, F. (2016). The effect of entrepreneurial orientation on business performance with regard to the role of Customer Relationship Management. *International Journal of Humanities and Cultural Studies*. 3(2): 15-35.
- Gloss et al., 2017** – Gloss, A., Pollack, J.M., Ward, M.K. (2017). A risky shift? An exploration of the measurement equivalence of entrepreneurial attitudes and entrepreneurial orientation across socioeconomic gradients. *Journal of Business Venturing Insights*. 7: 32-37.
- Gill, Johnson, 2010** – Gill, J., Johnson, P. (2010). Research methods for managers. Sage.
- Gefen et al., 2000** – Gefen, D., Straub, D., Boudreau, M.C. (2000). Structural equation modeling and regression: Guidelines for research practice. *Communications of the association for information systems*. 4(1): 7.

- Gu, Qian, 2019 – Gu, W., Qian, X. (2019). Does venture capital foster entrepreneurship in an emerging market: *Journal of Business Research*. 101: 803-810.
- Kalmuk, Acar, 2015 – Kalmuk, G., Acar, A.Z. (2015). The mediating role of organizational learning capability on the relationship between innovation and firm's performance: A conceptual framework. *Procedia-Social and Behavioural Sciences*. 210: 164-169.
- Kao et al., 2016 – Kao, C.Y., Tsaur, S.H., Wu, T.C.E. (2016). Organizational culture on customer delight in the hospitality industry. *International Journal of Hospitality Management*. 56: 98-108.
- Kellermanns et al., 2016 – Kellermanns, F., Walter, J., Crook, T. R., Kemmerer, B., Narayanan, V. (2016). The resourcebased view in entrepreneurship: A content-analytical comparison of researchers' and entrepreneurs' views. *Journal of Small Business Management*. 54(1): 26-48.
- Kohtamäki et al., 2019 – Kohtamäki, M., Heimonen, J., Parida, V. (2019). The nonlinear relationship between entrepreneurial orientation and sales growth: The moderating effects of slack resources and absorptive capacity. *Journal of Business Research*. 100: 100-110.
- Kowo et al., 2018 – Kowo, S.A., Sabitu, O.L., Adegbite (2018). Influence of Competitive Strategies on Corporate Performance of Small and Medium Enterprises, A case from Nigeria. *Agricultural and Resource Economics International Scientific Journal*. 4(3): 14-33.
- Kowo, Adenuga, 2019 – Kowo, S.A., Adenuga, O. (2019). Correlates of Entrepreneurship Education And Employment Generation Economic and Social Development: Book of Proceedings, 329-342.
- Kurtulmuş, Warner, 2015 – Kurtulmuş, B.E., Warner, B. (2015). Entrepreneurial orientation and perceived financial performance. Does environment always moderate EO performance. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 207: 739-748.
- Lonial, Carter, 2015 – Lonial, S., Carter, R. (2015). The impact of organizational orientations on medium and small firm performance: A resource-based perspective. *Journal of Small Business Management*. 53(1): 94-113.
- Martin, Javalgi, 2016 – Martin, S., Javalgi, R. (2016). Entrepreneurial orientation, marketing capabilities and performance: The moderating role of competitive intensity on Latin American international new ventures. *Journal of Business Research*. 69(6): 2040-2051.
- Okta et al., 2015 – Okta, K., Umar, N., Musadiq, A., Hamidah, N. (2015). The Influence of Organizational Culture and Entrepreneurial Orientation on the Job Satisfaction, Organizational Commitment and Employee's Performance. *European Journal of Business and Management*. 7(2): 55-67.
- Penrose, 1959 – Penrose, E.T. (1959). *The Theory of the Growth of The Firm*. Oxford, GB: Blackwell.
- Peteraf, 1993 – Peteraf, M.A. (1993). The cornerstones of competitive advantage: A resourcebased view. *Strategic management journal*. 14(3): 179-191.
- Seifari, Amoozadeh, 2014 – Seifari, M., Amoozadeh, Z. (2014). The Relationship of Organizational Culture and Entrepreneurship with Effectiveness in Sport Organizations. *Annals of Applied Sport Science*. 2(3): 51-60.
- Shahzad et al., 2017 – Shahzad, F., Xiu, G., Shahbaz, M. (2017). Organizational culture and innovation performance in Pakistan's software industry. *Technology in Society*. 51: 66-73.
- Sharma, Chrisman, 1999 – Sharma, P., Chrisman, J.J. (1999). Toward a Reconciliation of the Definitional Issues in the Field of Corporate Entrepreneurship. *Entrepreneurship: Theory & Practice*. 23(3): 11-27.
- Sheng, Chien, 2016 – Sheng, M.L., Chien, I. (2016). Rethinking organizational learning orientation on radical and incremental innovation in high-tech firms. *Journal of Business Research*. 69(6): 2302-2308.
- Short et al., 2018 – Short, J.C., Zachary, M.A., Ketchen Jr, D.J. (2018). Entrepreneurial orientation rhetoric and franchise system size: The moderating role of military veteran recruitment. *Journal of Business Venturing Insights*. 3(1): 19-32.
- Sirén et al., 2017 – Sirén, C., Hakala, H., Wincent, J., Grichnik, D. (2017). Breaking the routines: Entrepreneurial orientation, strategic learning, firm size, and age. *Long Range Planning*. 50(2): 145-167.
- Şişmanoğlu, Akçali, 2016 – Şişmanoğlu, E., Akçali, B.Y. (2016). The Effect of Innovation on Financial Performance of Some Information and Technology Companies in Turkey. *Ekonometri ve İstatistik e-Dergisi*. (24): 82-93.

Soedarmono et al., 2019 – Soedarmono, W., Trinugroho, I., Sergi, B.S. (2019). Thresholds in the nexus between financial deepening and firm performance: Evidence from Indonesia. *Global Finance Journal*. 40: 1-12.

Solikahan, Mohammad, 2019 – Solikahan, E., Mohammad, A. (2019). Development of Entrepreneurial Orientation. *International Journal of Applied Business & International Management*. 4(1): 31-37.

Thomas, 2013 – Thomas, E. (2013). Entrepreneurship: A working definition. *Harvard Business Review*.

Ugoji et al., 2014 – Ugoji, C., Mordi C., Ajonbadi, H. (2014). An investigation into training and development techniques, prospects and challenges in Nigeria Banks. *Journal of Research and International Business Management*. 4(2): 37-44.

Valerio et al., 2014 – Valerio, A., Parton, B., Robb, A. (2014). Entrepreneurship education and training programs around the world: dimensions for success. World Bank Publications, Washington, DC.

Youssef et al., 2018 – Youssef, A.B., Boubaker, S., Omri, A. (2018). Entrepreneurship and sustainability: The need for innovative and institutional solutions. *Technological Forecasting and Social Change*. 129: 232-241.

Yildiz, 2014 – Yildiz, M.L. (2014). The effects of organizational culture on corporate entrepreneurship: *International journal of business and social science*. 5(5): 35-44.

Zampetakis et al., 2015 – Zampetakis, L.A., Lerakis, M., Kafetsios, K., Moustakis, V. (2015). Investigating the emotional impact of entrepreneurship programs. *Journal of Business Venturing Insights*. 4: 38-41.

УДК 33

Посредническая роль предпринимательской ориентации, организационного обучения и результативность МСП

Ково Соломон Акповироро^{a,*}, Акинбола Олуфемиде Амос^b, Ойеделе Ола Олусегун^b

^a Kwara State University, Малете, Нигерия

^b Federal University of Agriculture, Абеокута, Нигерия

Аннотация. Краеугольным камнем предпринимательства является предпринимательская ориентация (ПО), и она является одним из важных предикторов эффективности МСП. Концепция ПО широко обсуждалась в предыдущих исследованиях в области предпринимательства, поэтому ее можно рассматривать как одну из основных тем этой области и наиболее часто используемую меру предпринимательского поведения или склонности в стратегиях и исследованиях предпринимательства. ПО превратилась в область исследований, а исследования воздействия ПО стали подотраслью исследований в области образования в области предпринимательства. Цели исследования состояли в том, чтобы определить влияние организационного обучения (ОО) на производительность МСП, а также изучить влияние инновационной деятельности на ПО. Исследуемая группа относится к руководителям МСП, зарегистрированным в Агентстве по развитию малых и средних предприятий Нигерии (SMEDAN) в штате Лагос, Нигерия. Был использован дисперсионный анализ (ANOVA), корреляционная эффективность и регрессионный анализ. Исследование показало, что ПО влияет на организационное обучение в контексте МСП. ПО оказывает сильное влияние на обучение и расширяет его возможности, побуждая компании бросать вызов существующему положению вещей, делать его более гибким и изменять методы своей работы. Существует значительная и позитивная взаимосвязь между предпринимательской ориентацией и организационным обучением внутри фирм, поскольку было выявлено, что предпринимательская ориентация оказывает различное влияние на отдельные компоненты стратегического обучения. Более того, результаты исследования показали, что ПО влияет на инновационную эффективность. Предпринимательство существенно влияет на инновации и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kowosolomon@gmail.com (К.С. Акповироро)

производительность. Инновационность, инициативность и готовность к риску оказывают сильное влияние на создание инноваций и предпринимательскую активность, которая способствует инновационному поведению. В исследовании рекомендуется, чтобы МСП в Нигерии проявляли большую активность в разработке стратегий, совершенствовании операций и уделяли внимание предпринимательской ориентации и организационному обучению. Поведение, ориентированное на предпринимательство, должно быть усилено в МСП и должно использовать результаты для развития организационных процессов обучения, творческой деятельности, корпоративной деятельности, совершенствования процессов принятия решений и адаптации к быстро меняющимся условиям работы. Кроме того, менеджеры этих предприятий должны поощрять принятие рисков в новых инициативах и процессах планирования проектов.

Ключевые слова: предпринимательская ориентация (ПО), организационное обучение (ОО), предпринимательство, инновационность, результативность МСП.

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 220-228

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338.48

The Influence of the Heritage of Large-Scale Measures on the Economic, Environmental and Sociocultural Sphere of Destinations' Development

Evgenia V. Gordeeva ^{a,*}, Nickita K. Atuchin ^a

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

There are many positive consequences for the development of territories arising from large-scale events, but are these events always capable of affecting the economic, environmental or socio-cultural spheres of the country? There are a number of problems associated with the economic costs of carrying out large-scale events, as well as the formation of a new infrastructure that requires maintenance. The long-term experience of countries around the world demonstrates the possibilities of developing destinations by holding large-scale events, such as the Olympic Games, the World Cup, EXPO exhibitions, etc., however, such events have adversely affected the economic, environmental and socio-cultural spheres in many countries.

Basically, based on the historical practice of the countries of the world, the country's economy suffers, since before holding a large-scale event, it is necessary to develop a qualitative action plan, together with the development of the budget, in order to exclude the loss of excess funds. It is also worth developing a strategy to take a number of measures to attract new investments. It is this approach that is necessary for the development of various areas of the destination.

This article is devoted to the analysis of foreign and domestic experience in the field of large-scale events, as well as the effect of large-scale events on destinations.

Keywords: large-scale event, international society, development, destinations.

1. Введение

Еще издревле крупные мероприятия являлись значимым событием для взаимоотношений международного общества. Одним из самых известных мероприятий международного общества являются Олимпийские игры, которые берут свое начало в античной Греции. Крупнейшее в мире соревнование проводилось с 776 года до н.э., при этом на время проведения Олимпийских игр страны-участники вводили перемирие, что, в свою очередь, показывает значимость и влияние данного события на мировой арене того времени. Сейчас же Олимпийские игры являются мировым брендом и значительным мероприятием для международного сообщества. В наше время число крупномасштабных мероприятий растет. Существует множество чемпионатов мира по различным видам спорта, среди которых, в особенности, выделяется чемпионат мира по футболу, так как футбол имеет 4 млрд болельщиков и считается наиболее популярным видом спорта в настоящее время. Также среди прочих мероприятий выделяются выставки ЭКСПО, где страны имеют возможность развить свой национальный имидж с помощью выставочных павильонов. В то же время все вышеперечисленные мероприятия проводятся не только с целью повышения имиджа страны или развития чувства национальной гордости у населения, но и с целью

* Corresponding author

E-mail addresses: jsochi2017@mail.ru (E.V. Gordeeva), portalnick10@gmail.com (N.K. Atuchin)

прогресса экономического, экологического и социокультурного развития дестинаций. Любая страна, проводящая крупномасштабное мероприятие, пытается максимально извлечь пользу для множества сфер развития территории с помощью внимания со стороны стран-гостей и направления решения проблем, связанных с вопросами развития данной дестинации. (Васильченко, 2018: 142).

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания статьи являются современные работы российского ученого Е. Ворошилова в области изучения социально-экономического состояния территорий, осуществляющих проведение крупномасштабных мероприятий, а также статьи издателей, таких как «Журнал Republic», «Информационное агентство ТАСС».

Необходимая аргументация теоретических выводов достигается за счет использования общенаучных методов анализа и синтеза, вывода и индукции, научного абстрагирования и конкретизации.

Практическое значение заключается в том, что некоторые его положения могут быть использованы специалистами коммерческих организаций.

3. Обсуждение и результаты

В России ежегодно проводится множество крупномасштабных мероприятий, которые, несомненно, повлияли на экономические и социальные аспекты жизни россиян и страны в целом. К таким мероприятиям можно отнести саммит АТЭС в 2012 году, Зимние Олимпийские игры в 2014 году, Чемпионат мира по хоккею, Чемпионат мира по футболу в 2018 году и т.д. Данные мероприятия стали причиной возникновения множества новых сооружений, появления большого количества рабочих мест и привлечения огромного числа инвестиций. Но все же данные мероприятия связаны и с большим числом затрат, представленных на [Рисунке 1](#). Соответственно возникает вопрос о целесообразности таких мероприятий ([Информационное агентство ТАСС](#)).

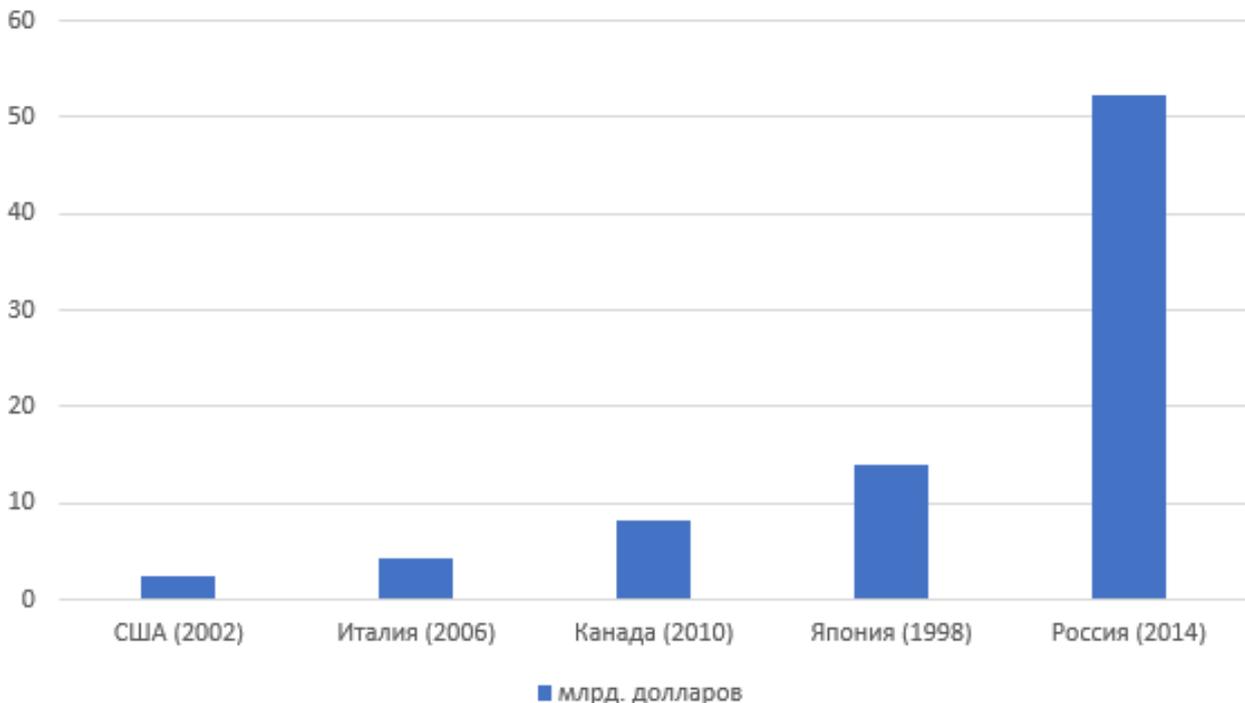

Рис. 1. Расходы на проведение Зимних Олимпийских игр

Олимпийские игры 2014 можно назвать одними из самых значимых международных событий в России за последние 10 лет. «Зимние Олимпийские игры 2014» проводились в городе Сочи, в связи с чем было вложено огромное количество инвестиций в инфраструктуру города. К Олимпийским играм было построено 380 объектов, включая Олимпийские деревни в Имеретинском Курорте и Красной Поляне, а также новую

электростанцию, 250 км железнодорожных путей, более 50 мостов, 20 тоннелей и так далее. Таким образом, данное мероприятие повлияло на развитие дестинации, однако стоит учитывать и негативные моменты, связанные с нерентабельностью вложенных средств. По всему миру существует множество примеров брошенных олимпийских объектов, таких как Олимпийские объекты Пекина 2008 года или же объекты Рио-де-Жанейро, которые были построены к 2016 году. В то же время по истечению лет можно однозначно отметить положительное влияние вложенных средств, так как Сочи стал городом-курортом мирового стандарта. Город с каждым годом привлекает все большее число гостей и инвестиций не только в сезонное время, но и в межсезонье.

Чемпионат мира по футболу 2018 года в России значительно повлиял на образование новой инфраструктуры, так как Чемпионат мира проводился в одиннадцати городах России, включая Москву, Санкт-Петербург, Волгоград, Екатеринбург, Казань, Калининград, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Саранск и Сочи (Шаповалова, 2016: 37-47).

В Москве, несмотря на имеющуюся в достатке инфраструктуру для проведения подобных мероприятий, были открыты новые терминалы в аэропорту «Шереметьево» и «Домодедово», также был открыт ряд новых отелей международных сетей, таких как «Hylton», «Radisson» и «Hayatt Regency». В Санкт-Петербурге был построен 490-метровый мост для быстрого доступа к стадиону «Санкт-Петербург», открыта новая станция метро «Новокрестовская». Также к 6 июня 2018 года открыли 200-километровую автомобильную магистраль между Санкт-Петербургом и Москвой. В Волгограде вместе с новыми терминалами аэропорта были открыты новые линии электропоездов (Воробьев, 2018: 115).

Всего объем затрат на подготовку и проведение Чемпионата мира по футболу 2018 года составили 683 миллиарда рублей, включая затраты на спортивную инфраструктуру, транспортную инфраструктуру, операционные затраты на организацию, жилищную и медицинскую инфраструктуры и системы энергоснабжения. Данные затраты представлены на Рисунке 2 (Printerest).

Объем затрат на подготовку и проведение ЧМ-2018 в млрд. рублей

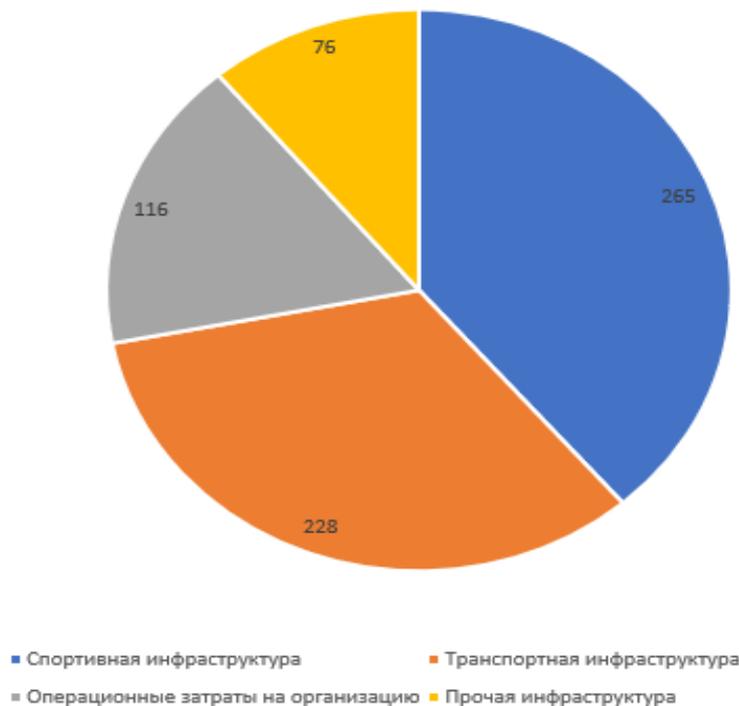

Рис. 2. Объем затрат на подготовку и проведение Чемпионата мира по футболу 2018 года

По сравнению с другими странами, которые проводили на своей территории Чемпионат мира по футболу, затраты на Чемпионат мира по футболу 2018 года в России

составили рекордные суммы. В долларовом перерасчете затраты составили более 13 миллиардов долларов. Расчеты представлены на [Рисунке 3](#) ([Новостной сайт РБК](#)).

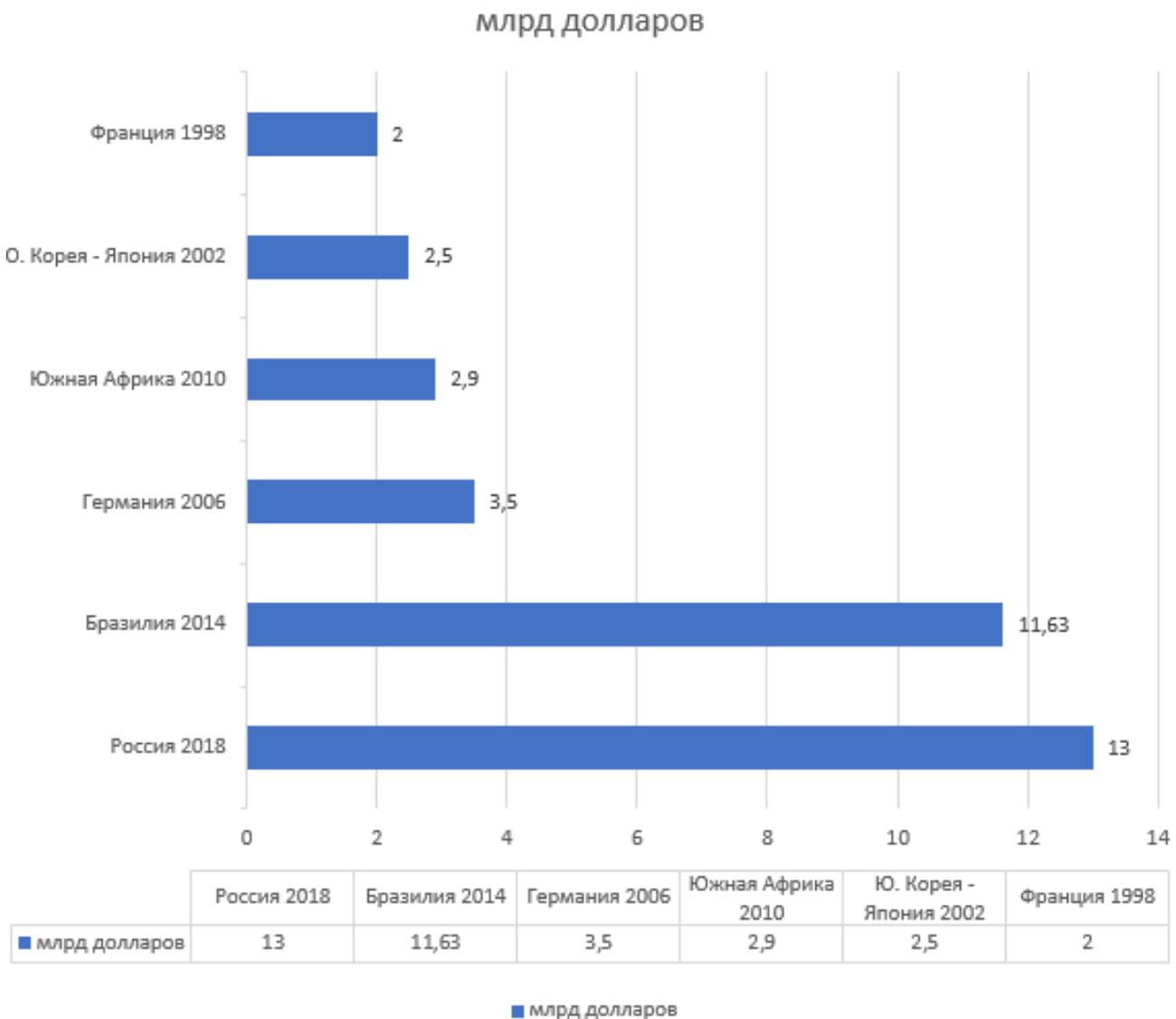

Рис. 3. Затраты на проведение Чемпионата мира по футболу

Примерные доходы от проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 году составили 175,2 млрд рублей. Стоимость всех билетов на 64 матча в России составила 48,5 млрд рублей, часть из которых была передана FIFA, что составило примерно 13 %. В итоге чистая прибыль от продажи билетов составила 42,2 млрд рублей. В среднем иностранные болельщики, количество которых составило более 570 тысяч, пробыли 12 дней, потратив 233,3 тыс. рублей. В сумме болельщики потратили 133 млрд рублей ([Устюхова, 2018: 77-79](#)).

Более того, в перспективе после подобных крупномасштабных мероприятий, предполагается, привлечение большого потока туристов, особенно учитывая образование новой инфраструктуры, что, в свою очередь, принесет еще больше прибыли государству. Прогнозы прибыли, составленные правительством, от туристической деятельности в перспективе составили приблизительно 200 миллиардов рублей. Также прогноз доходов от построенной инфраструктуры и спортивных объектов предполагался более 500 миллиардов рублей. Эти данные отражены в [Таблице 1](#) ([Новостной сайт Комсомольская правда](#)).

Большой проблемой проведения мероприятий такого масштаба является образование лишней инфраструктуры, которая, впоследствии, не используется. Брошенные сооружения отображают потерянные вложенные средства, которые не только могли принести прибыль, покрывающую расходы, но и поспособствовать образованию новых рабочих мест и в целом развить социально-экономические аспекты дестинации. Чаще всего данная проблема

возникает по причине переоцененных выгод. Множество стран при проведении международных крупномасштабных мероприятий ставят перед собой политические цели или цели по поднятию престижа. Таким образом, при составлении плана игнорируются различные факторы, способствующие развитию территории, где проводится мероприятие (Ворошилов, 2018: 196).

Таблица 1. Доходы от проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 году

Реальный доход	
Доход от продажи билетов, млрд руб.	42,2
Доходы от иностранных туристов, млрд руб.	133
Всего, млрд руб.	175,2
Всего с вычетом затрат, млрд руб.	-507,8
Доход в перспективе	
Прогноз доходов от туристической деятельности, млрд руб.	200
Прогноз доходов от построенной инфраструктуры, млрд руб.	500
Всего за вычетом затрат, млрд руб.	192,2

Некоторые из объектов, когда-то возведенных для проведения крупномасштабных мероприятий, функционируют много лет, как стадион в Рио-де-Жанейро. Построенный еще в 50-х, стадион «Маракана» принимал Олимпиаду в 2016 году, однако множество подобных объектов перестают функционировать сразу после проведения мероприятия, ради которого оно было возведено.

В 1936 г. проводилась Олимпиада в Берлине, в 14 километрах от Олимпийского стадиона была построена Олимпийская деревня. После проведения Олимпиады деревня функционировала в виде барачков для немецких, а после 1945-го года для советских солдат. Далее деревня опустела и пришла в упадок.

В Афинах в 2004 г. были проведены Олимпийские игры, которые обошлись стране приблизительно в 15 миллионов долларов. В эту сумму также вошли затраты по строительству спортивных объектов. Почти всем сооружениям не нашли дальнейшего применения. Такие объекты, как комплекс для соревнований на байдарках и каноэ, бейсбольный стадион, бассейн для водных видов спорта, пустуют и по сей день.

Подобная ситуация сложилась и после летних Олимпийских игр 2008 года в Китае, однако Китаю данное мероприятие обошлось в разы больше – 43 млрд долларов. Для данной Олимпиады построили стадион «Птичье гнездо», который был способен вместить более 90 тысяч человек. Стадион, центр для ВМХ, стадион для гребли на каноэ и байдарках, а также бейсбольный стадион были полностью разрушены из-за ненадобности.

Подобные случаи с заброшенными объектами касаются не только Олимпийских игр, но и многих других крупномасштабных мероприятий. К примеру, заброшенные здания после выставки ЭКСПО.

В корейском городе Йосу к ЭКСПО в 2012 году был построен международный павильон, который через год запустел вместе с гостиницами, башней с интерактивной системой и лифтом, кораблями и набережными возле международного павильона.

При проведении крупномасштабного мероприятия на территории дестинации привлекается большое количество посетителей из разных стран, однако такой прилив новых гостей имеет только временный характер. Именно по этой причине планирование является самой важным элементом для минимизации потерь и увеличения выгод. (Черевичко, 2016: 230).

Необходимо подходить к вопросу возведения объектов так, чтобы не нарушать экономическое и экологическое состояние дестинации и страны в целом. Успешное планирование может исключить отсутствие спроса на построенные объекты для крупномасштабного мероприятия. Нужно учитывать не только влияние подобных мероприятий на положение страны на международной арене, но и экономическое,

экологическое и социально-культурное состояние дестинации, где проводится крупномасштабное мероприятие.

С экологической точки зрения проведение Олимпийских игр в Сочи в 2014 году негативно повлияло на природное состояние дестинации Краснодарского края и России в целом. В результате возведения трассы от Адлер до Красной поляны река Мзымта потеряло свое высокое рыбохозяйственное значение, так как в ней водилось более 20 процентов черноморского лосося, занесенного не только в Красную Книгу РФ, но и Международную Красную Книгу. Также было уничтожено более 3 тысяч гектаров редких лесов с большой долей самшита и тиса.

По данным Росстата только за 2014 год произошла утрата около 20 тысяч гектаров запаса леса. Данные представлены на [Рисунке 4 \(Росстат\)](#).

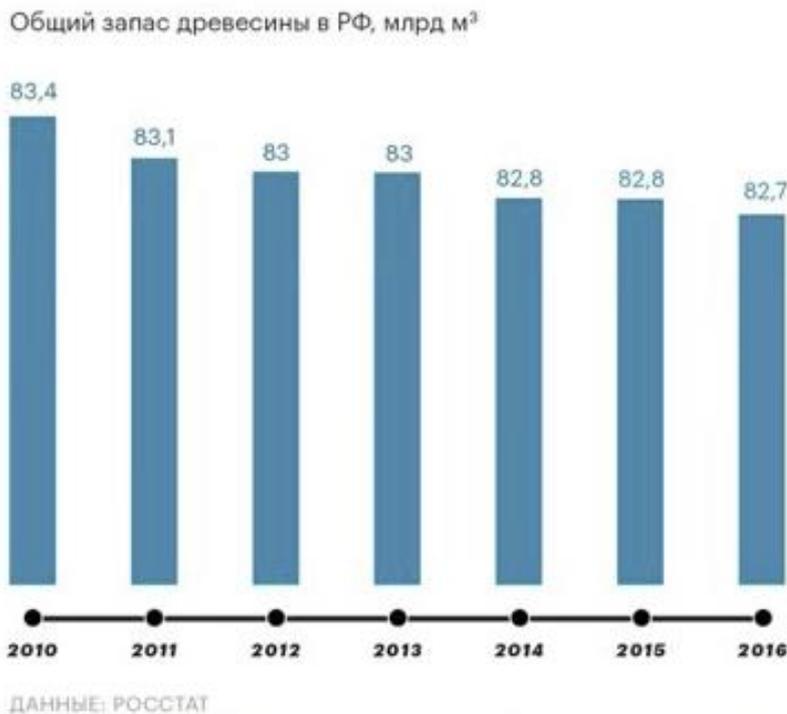

Рис. 4. Общий запас древесины в РФ

Были уничтожены и миграционные пути медведей и туров. Подобные потери значительно повлияли на состояние Кавказского государственного биосферного заповедника ([Рябов, Широкожухова, 2015: 168](#)).

Проанализировав положительные и отрицательные последствия крупномасштабных мероприятий, можно предположить следующие шаги для сохранения экономических, экологических и других сфер дестинаций.

В первую очередь, правильно планировать доходы и расходы предстоящего мероприятия. Так как мероприятия такого масштаба имеют огромное влияние не только на развитие конкретной дестинации, но и на страну в целом, то стоит обратить внимание на экономические, экологические и социокультурные аспекты в перспективе. Такой дифференцированный подход к постановке целей позволит создать благоприятную среду для привлечения посетителей и инвестиций для долгосрочного развития без негативного влияния на экономическое и экологическое состояние дестинации ([Дмитриев и др., 2013: 311](#)).

Во-вторых, необходимо распределить усилия между политическими целями и целями по увеличению прибыли. Для этого требуется принять во внимание все социально-экономические аспекты, для того чтобы мероприятие международного масштаба позволило повысить престиж нации и при этом сохранить положительную экономическую и социальную среду дестинации ([Балдин и др., 2019: 318](#)).

Подобный внимательный подход к планированию поспособствует максимальному сокращению негативных и увеличению положительных последствий.

Город Сочи стал отличным примером того, как возможно использовать олимпийское наследие не только в развлекательных целях. Лишь за 2021 год Сочи стала площадкой для

нескольких крупномасштабных мероприятий, таких как: «Форум Представителей EVENT-индустрии» (18-19 мая), «Международный Форум АтомЭкспо» (4-5 октября) и «Международный Туристский Форум SIFT» (18-19 ноября). Более того, в феврале 2021 года уже прошла «Международная Конференция по Ценообразованию» (18-19 февраля). Тема перехода к цифровым подходам в ценообразовании стала основной для данной конференции, где участников насчитывалось более 200 человек. Своим опытом делились спикеры из России, Израиля, Швеции, Чехии и Америки. Подобные форумы дают огромный толчок в развитии различных сфер дестинации, так как они дают возможность получить уникальный опыт людей со всего мира. Более того, данные мероприятия являются местом заключения большого числа договоров и соглашений. К примеру, на «Российском Инвестиционном Форуме» (РИФ) в Сочи, где ежегодно принимают участие более 8 тысяч ведущих экономистов и предпринимателей, суммарно было подписано более 2 тысяч соглашений и протоколов о намерении. Их динамика представлена на [Рисунке 5 \(Журнал Republic\)](#).

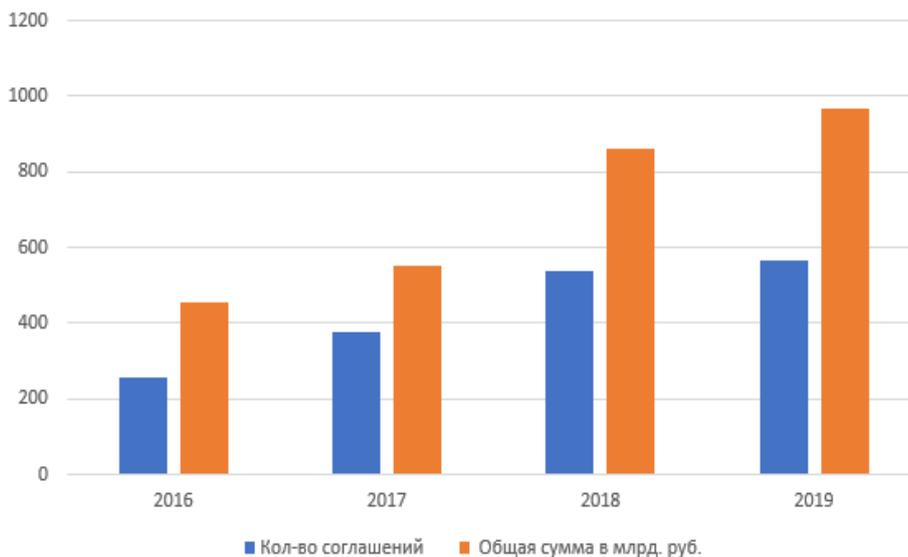

Рис. 5. Количество соглашений и протоколов о намерении, подписанных на площадке РИФ, и их общая сумма

4. Заключение

В данной статье рассмотрена проблема воздействия крупномасштабных мероприятий, основные ее положительные и отрицательные формы влияния на дестинации, подробно рассмотрена проблема возникновения избытка инфраструктуры и экономических потерь, а также методы предотвращения данных проблем. Рассмотрен опыт зарубежных стран и последствия отечественной практики.

Крупномасштабные мероприятия проводятся для привлечения туристов, увеличения статуса города и страны в целом. Также страны, проводящие данные мероприятия, заинтересованы в привлечении инвестиций, именно это является причиной огромных затрат на построение объектов, образовавшихся для конкретного международного мероприятия.

Так как страны предполагают, что затраты компенсируются в далекой перспективе и вполне могут повлиять на дальнейшее развитие страны на международной арене, такие расходы могут составлять миллиарды долларов. Таким образом, проведение Олимпиады в Сочи в 2014 году России обошлось в более 50 миллиардов долларов. Также проведение Чемпионата мира по футболу в 2018 году обошлось в 13 миллиардов долларов. Трудно оценить рациональность подобных расходов в перспективе, учитывая, что огромное количество объектов, построенных для проведения международных мероприятий, стоят заброшенными из-за ненужности и отсутствия спроса.

Именно по этой причине необходимо проводить тщательное планирование перед каждым подобным мероприятием, чтобы исключить ненужные затраты. Нужно запланировать затраты так, чтобы вновь возведенные объекты продолжали использоваться

спросом и использовались для блага конкретной дестинации, не нарушая экономическое и экологическое состояния данной территории и страны в целом.

Результатом проделанной работы можно назвать выявление важнейшего фактора, влияющего на успешное развитие дестинации при проведении крупномасштабных мероприятий – это тщательный дифференцированный подход к постановке целей и разработке плана по реализации этих целей.

Литература

- [Васильченко, 2018](#) – *Васильченко А.* Нордические олимпийцы. М.: Вече, 2018. 142 с.
- [Информационное агентство ТАСС](#) – Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/>
- [Воробьев, 2018](#) – *Воробьев А.И.* Анализ международного опыта развития футбола и его применение в России с учетом подготовки к чемпионату мира по футболу ФИФА – 2018. М.: ИНФРА-М, 2018. 115 с.
- [Шаповалова, 2016](#) – *Шаповалова А.М.* Спортивные мегапроекты и их влияние на консолидацию общества (на примере Олимпийских игр 2014 года в Сочи) // *Социологические науки*. 2016. №1. С. 37-47.
- [Pinterest](#) – Pinterest. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/521150988126286819/>
- [Новостной сайт РБК](#) – Новостной сайт РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/04/06/2018/5b1126ef9a7947c9c2c92df1>
- [Устюхова, 2018](#) – *Устюхова Н.Н.* Чемпионат Мира по Футболу – 2018 как эффективный инструмент «мягкой силы» // *Власть*. 2018. №4. С. 77-79.
- [Новостной сайт Комсомольская правда](#) – Новостной сайт Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26855/3897642/>
- [Ворошилов, 2018](#) – *Ворошилов Е.А.* Социально-экономические проблемы локальных территорий. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2018. 196 с.
- [Черевичко, 2016](#) – *Черевичко Т.В.* Экономика туризма: Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2016. 230 с.
- [Росстат](#) – Росстат. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
- [Рябов, Широкожухова, 2015](#) – *Рябов С.А., Широкожухова Н.С.* Экологические последствия проведения Зимних Олимпийских игр в Сочи. Москва: Буки-Веди, 2015. 168 с.
- [Дмитриев и др., 2013](#) – *Дмитриев М.Н., Забаева М.Н., Малыгина Е.Н.* Экономика туристского рынка: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям сервиса и туризма. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 311 с.
- [Балдин и др., 2019](#) – *Балдин К.В., Воробьев С.Н., Уткин В.Б.* Управленческие решения. М.: Дашков и Ко., 2019. 318 с.
- [Журнал Republic](#) – Журнал Republic. [Электронный ресурс]. URL: <https://republic.ru/>

References

- [Baldin i dr., 2019](#) – *Baldin, K.V., Vorob'ev, S.N., Utkin, V.B.* (2019). Upravlencheskie resheniya [Management decision]. М.: Dashkov i Ko., 318 p. [in Russian]
- [Cherevichko, 2016](#) – *Cherevichko, T.V.* (2016). Ekonomika turizma [Economic of tourism]: Uchebnoe posobie. М.: Dashkov i K, 230 p. [in Russian]
- [Dmitriev i dr., 2013](#) – *Dmitriev, M.N., Zabaeva, M.N., Malygina, E.N.* (2013). Ekonomika turistskogo rynka: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyam servisa i turizma [Economy of the tourism market.: A textbook for university students studying in the areas of service and tourism]. М.: YuNITI-DANA, 311 p. [in Russian]
- [Informatsionnoe agentstvo TASS](#) – Informatsionnoe agentstvo TASS [TASS Information Agency]. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/> [in Russian]
- [Novostnoi sait Komsomol'skaya pravda](#) – Novostnoi sait Komsomol'skaya pravda [News site “Komsomol'skaya pravda”]. [Electronic resource]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26855/3897642/> [in Russian]
- [Novostnoi sait RBK](#) – Novostnoi sait RBK [News site RBK]. [Electronic resource]. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/04/06/2018/5b1126ef9a7947c9c2c92df1> [in Russian]
- [Pinterest](#) – Pinterest. [Electronic resource]. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/521150988126286819/> [in Russian]

Rosstat – Rosstat. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> [in Russian]

Ryabov, Shirokzhukhova, 2015 – Ryabov, S.A., Shirokzhukhova, N.S. (2015). Ekologicheskie posledstviya provedeniya Zimnikh Olimpiiskikh igr v Sochi [Environmental consequences if the Winter Olympic Games in Sochi]. Moskva: Buki-Vedi, 168 p. [in Russian]

Shapovalova, 2016 – Shapovalova, A.M. (2016). Sportivnye megaproekty i ikh vliyanie na konsolidatsiyu obshchestva (na primere Olimpiiskikh igr 2014 goda v Sochi) [Sports megaprojects and their impact on the consolidation of society (on the example of the 2014 Olympic Games in Sochi)]. *Sotsiologicheskie nauki*. 1: 37-47. [in Russian]

Ustyukhova, 2018 – Ustyukhova, N.N. (2018). Chempionat Mira po Futbolu – 2018 kak effektivnyi instrument «myagkoi sily» [The 2018 FIFA World Cup as an effective tool of "soft power"]. *Vlast'*. 4: 77-79. [in Russian]

Vasil'chenko, 2018 – Vasil'chenko, A. (2018). Nordicheskie olimpiitsy [Nordic Olympians]. M.: Veche, 142 p. [in Russian]

Vorob'ev, 2018 – Vorob'ev, A.I. (2018). Analiz mezhdunarodnogo opyta razvitiya futbola i ego primenenie v Rossii s uchetom podgotovki k chempionatu mira po futbolu FIFA – 2018 [Analysis of the international experience of football development and its application in Russia, taking into account the preparation for the FIFA World Cup]. M.: INFRA-M, 115 p. [in Russian]

Voroshilov, 2018 – Voroshilov, E.A. (2018). Sotsial'no-ekonomicheskie problemy lokal'nykh territorii [The socio-economic problems of local areas]. Vologda: ISERT RAN, 196 p. [in Russian]

Zhurnal Republic – Zhurnal Republic [Journal Republic]. [Electronic resource]. URL: <https://republic.ru/> [in Russian]

УДК 338.48

Влияние наследия крупномасштабных мероприятий на экономическую, экологическую и социокультурную сферы развития дестинаций

Евгения Васильевна Гордеева ^{a, *}, Никита Константинович Атучин ^a

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Существует множество позитивных последствий для развития территорий, возникающих посредством проведения крупномасштабных мероприятий, однако всегда ли способны данные мероприятия повлиять на экономическую, экологическую или социокультурную сферы страны?

Существует ряд проблем, связанных с экономическими затратами на проведение крупномасштабных мероприятий, а также образование новой инфраструктуры, требующей обслуживания. Многолетний опыт стран по всему миру демонстрирует возможности развития дестинаций путем проведения крупномасштабных мероприятий, таких как Олимпийские игры, Чемпионат мира по футболу, выставки ЭКСПО и т.д., однако многим странам подобные мероприятия неблагоприятно сказались на экономическую, экологическую и социокультурную сферы.

В основном, исходя из исторической практики стран мира, страдает экономика страны, так как перед проведением крупномасштабного мероприятия, необходимо качественно разработать план действий, совместно с разработкой бюджета, чтобы исключить потерю лишних средств. Также стоит разработать стратегию по принятию ряда мер для привлечения новых инвестиций. Именно данный подход необходим для развития различных сфер дестинации.

Данная статья посвящена анализу иностранного и отечественного опыта в сфере проведения крупномасштабных мероприятий, а также эффекта воздействия крупномасштабных мероприятий на дестинации.

Ключевые слова: крупномасштабные мероприятия, международное общество, развитие, дестинации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jsochi2017@mail.ru (Е.В. Гордеева), portalnck10@gmail.com (Н.К. Атучин)

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 229-235

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338

Comparison of the Economies of Russia and Switzerland

Alla Yu. Baranova^{a,*}, Emil L. Varvashtian^a

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

Switzerland is one of the world's economic centers, as it occupies the traditional position of an independent and absolutely neutral state in the very core of Europe. Well-established political stability and dynamic growth distinguish the country and attract more and more investments into it. Today, about 35 % of the world's assets owned by individuals are placed on deposits in Swiss banks. At the same time, the economy of the Russian Federation is subject to constant fluctuations and is characterized by a low level of reliability. The Russian ruble is not even close to the Swiss franc in terms of the stability of its exchange rate.

Switzerland is fundamentally based on banking, while the banking system of the Russian Federation was chaotically formed after the collapse of the USSR. However, at the same time, the Russian economy is many times larger than the Swiss economy. But taking into account the size of the country's population and the quality of life of the population, Switzerland is in the top of all developed countries, while Russia has been among the developing countries for many years. What determines such a different development of the economies of two truly significant countries on the world market? This article is devoted to the answer to this question.

Keywords: economy, macroeconomic indicators, banking sector.

1. Введение

Целесообразно отметить различный путь развития экономик России и Швейцарии. Если РФ является крупнейшим государством с огромным количеством природных ресурсов, что определяет сырьевой характер экономики страны, то Швейцария не может похвастаться большой территорией и большим объёмом ресурсов. Преимущество Швейцарии состоит в её местоположении в самом центре Европы и интенсивном развитии сильных качеств своей экономики. В то время как РФ обеспечивает свои основные доходы за счёт экспорта природных ресурсов – экстенсивного пути развития экономики, Швейцария развивается интенсивно в сторону торговли, промышленности, банковского дела и других направлений. Это приводит к высокой специализации труда, высокому уровню деловой активности, разработке инноваций самых различных областей, росту численности населения путём миграции и обучению высококвалифицированных специалистов.

Вхождение экономики Швейцарии в перечень офшорных зон определяет огромные финансовые потоки внутри страны. Притоку капитала также способствует развитая банковская система, которая, как объект исследования, представляет собой особый интерес. С давних времён система получила отличную репутацию и уважение во всех частях планеты. На сегодняшний день около 35 % мировых активов, принадлежащих физическим лицам, размещено на вкладах в швейцарских банках. Совокупные активы банковского сектора

* Corresponding author

E-mail addresses: baranovalla-77@mail.ru (А.Ю. Баранова)

превышают 4,4 трлн швейцарских франков. Национальная валюта является надежной и устойчивой валютной единицей наряду с евро, в отличие от российского рубля. Банковский сектор имеет высокий уровень достаточности капитала (13,4 %), который превосходит международный стандарт, установленный Банком международных расчетов. Отличительная особенность финансовой системы Швейцарии – строгое соблюдение банковской тайны. Всё это определяет фундаментальные отличия развития финансовой системы Швейцарии и России, а потому и развития экономики в целом.

2. Материалы и методы

В методологическую основу исследования положены следующие основные методы и подходы: абстрактно-логический, аналитический, статистический. Объектом исследования является экономика России и Швейцарии. Предмет исследования: макроэкономические показатели и индикаторы, определяющие различный уровень развития экономики России и Швейцарии.

В качестве материалов исследования послужили работы различных экономистов, таких, как И.Н. Гаврилова, Н.А. Любимов, О.Р. Мухамбеталиева, К.С. Черноусова, Е.А. Зайцева, Н.Л. Удальцова, М.С. Кучерова, Т.Б. Идалов, С.А. Суворова, С.Б. Суворов, Д.И. Ефремова, А.Ю. Аджиева и др., а также отчёт Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности стран.

3. Обсуждение

С целью понимания макроэкономических причин существенного различия в развитии России и Швейцарии, сравним их макроэкономические показатели в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Сравнение макроэкономических показателей России и Швейцарии

Показатель	Года (Швейцария/ Россия)	Единица измерения	Швейцария	Россия
Годовой ВВП	2020/2020	Млн. \$	749258	1473580
ВВП на душу населения	2020/2020	\$	86449	10042
Долг правительства	2018/2019	Млн. \$	288675	233100
Долг правительства	2018/2019	в % к ВВП	39,2 %	13,8 %
Дефицит бюджета	2019/2019	Млн. \$	10393	32718
Дефицит бюджета	2019/2019	в % к ВВП	1,4 %	1,9 %
Расходы бюджета	2019/2019	Млн. \$	239340	572296
Расходы бюджета	2019/2019	в % к ВВП	32,70 %	33,88 %
Рейтинг валюты по S&P	2020/2019	-	AAA	BBB-
Уровень безработицы	2020/2021	в %	5 %	4,8 %
Число безработных	2020/2021	Млн.	246	4412
Минимальная з/п	2019/2020	\$	3800	156,4
Курс валюты	2021/2021	\$/ швейц. франк; на рубль	0,92	73,57
ИПЦ	2018/2021	в %	1,2 %	6,5 %
Ключевая ставка	с 2015/2021	в %	-0,75 %	6,5 %
Экспорт	2020/2020	Млн. \$	319232	331748
Экспортная квота	2020/2020	в %	42,6 %	22,5 %
Импорт	2020/2020	Млн. \$	291442	239748
Импортная квота	2020/2020	в %	39,0 %	16,2 %
Стандартная ставка НДС	2018/2019	в %	7,7 %	20,0 %
Максимальная ставка НДФЛ	2020/2021	в %	41,7 %	15,0 %

Источник: Глобальный рейтинг прав на информацию, 2019.

Сразу следует отметить, что ВВП России примерно в 2 раза больше ВВП Швейцарии, однако это не говорит о преимуществах России, поскольку численность населения в ней больше, чем в 16 раз. Это сказывается на качестве жизни населения, поскольку меньший объём ВВП приходится на среднестатистического россиянина, в то время как наблюдается неравенство в распределении доходов между различными слоями общества. Это является одной из причин,

почему наша страна всё ещё числится среди развивающихся. Следует отметить, что доля государственного долга Швейцарии в ВВП намного выше, чем в России, однако это нельзя назвать преимуществом РФ. Доля государственных расходов в ВВП России и Швейцарии примерно одинаковая, так же, как и процентное отношение дефицита бюджета к ВВП. Это говорит о примерно одинаковой проводимой в обеих странах бюджетной политике, которая отличается в основном по принципу работы с государственным долгом.

ВВП РФ подвержен большим колебаниям, чем ВВП Швейцарии. Если в ВВП РФ наблюдается больше 4 кризисных периодов – 1992, 1999, 2009, 2014–2016, то экономике Швейцарии не свойственны такие значительные колебания. Конечно, рост экономики Швейцарии идёт более медленными темпами, чем РФ, но при этом она менее подвержена кризисам и влияниям внешних факторов, потому что сама экономика носит несырьевой характер, а потому не зависит от цен на нефть. Швейцарии постоянно приходится конкурировать и развиваться в областях промышленности, банковского дела, обрабатывающего производства, вводить инновации, в то время как экономика РФ уже долгие годы зависит от добычи и экспорта нефти. Неудивительно, что любое изменение на нефтегазовом рынке сказывается на экономике РФ. Начиная с 2001 года, ВВП РФ каждый год был выше ВВП Швейцарии, однако при этом стоит понимать, как менялся ВВП на душу населения. Уже более 20 лет подряд ВВП на душу населения РФ значительно отстаёт от аналогичного показателя Швейцарии. Это связано с огромной разницей в численности населения РФ и Швейцарии – более чем в 16 раз. Территория РФ охватывает намного большую площадь с большим числом населения, а потому преобладание ВВП РФ над ВВП Швейцарии всего лишь примерно в 2 раза не даёт никаких преимуществ по качеству жизни населения. Когда на среднестатистического швейцарца приходится примерно 85000 \$ ВВП, на среднестатистического россиянина приходится всего лишь 10000\$, и это без учёта явно выраженного социального неравенства на территории РФ, которое не устраняется налоговой политикой. На территории Швейцарии давно введена прогрессивная система налогообложения, которая позволяет нивелировать разницу в доходах населения с ростом максимальной налоговой ставки вплоть до 42 %, а на территории России только в 2021 году повысили налоговую ставку для людей с доходами выше 5 млн. рублей до 15 %. Это компенсируется большей ставкой НДС, что позволяет РФ увеличивать свои налоговые поступления, однако делает её менее привлекательным рынком в глазах иностранных партнёров (*Россия vs Швейцария, 2021*).

Налоговая система Швейцарии основывается на принципах равноправия, гарантии свободы собственности. Благодаря демократизации степень налоговой нагрузки определяют сами граждане путем голосования (*Любимов и др., 2020: 165*).

Общий уровень безработицы РФ превышает аналогичный в Швейцарии. Особенно значительно уровень безработицы вырос за 2020 год в обеих странах, что связано с коронавирусом. По уровню безработицы в Швейцарии и РФ нет значительной разницы – максимальные значения отклоняются всего лишь на 1 %. Однако значительно отличаются заработные платы работников в этих двух странах. Если в Швейцарии минимальная заработная плата равняется 3800 \$, то в России она в 24 раза меньше и составляет 156 \$. Это также обуславливает разницу в качестве жизни населения и наличие социального неравенства на территории РФ.

Что же касается курса швейцарского франка и российского рубля, то если за последние 20 лет стоимость швейцарского франка возросла с 1,6 франка за евро до 1,1, чему также поспособствовал переход на плавающий валютный курс, то стоимость рубля только снизилась с 30 до 85 рублей за евро. Отсутствие надёжной и стабильной валюты также предопределяет отстающее положение РФ от Швейцарии, в результате чего экономика РФ привлекает намного меньше иностранного капитала, нежели экономика Швейцарии. Покупательная способность швейцарского франка намного стабильнее покупательной способности российского рубля. Если за последние 10 лет темпы инфляции в Швейцарии ни разу не превышали 3 %, при том, что даже были дефляционные года, то в России инфляция достигала и 15 %. Однако учитывая, с чем экономике РФ пришлось столкнуться в 90-е годы XX века, ситуация стала намного лучше. Но всё же нестабильная национальная валюта сказывается только негативно на инвестиционной привлекательности российской экономики (*Экономика и ВВП Швейцарии..., 2021*).

Благополучие Швейцарии построено на трех взаимосвязанных факторах: образование, наука, технологии (*Зайцева, 2015; Удальцова, Кучерова, 2013: 63*). Причем, Швейцария готова рассмотреть Россию в качестве партнера по сотрудничеству в области науки и

образования (Идалов, 2013: 26). Специфической чертой швейцарских вузов считается их тройственный учебно-научно-прикладной характер, что выражается в том, что свыше 40 % студентов и преподавателей вузов параллельно с учебным процессом проводят научные изыскания, участвуя в исследовательских проектах, программах экономического и технического развития. Особенно много таких исследований проводится в области точных и естественных наук; здесь и самый высокий уровень привлечённых средств, как и зарплат и стипендий (Гаврилова, 2015: 365).

Швейцарская банковская система, как известно, является самой стабильной в мире. Это во многом обусловлено грамотно построенной структурой, где каждый банк подчиняется определенным законам и работает только в определенной сфере. Если в банковской системе России акцент делается на развитии инфраструктуры и методах управления, то в Швейцарии – на повышение устойчивости банковских систем и развитие новых видов кредитных организаций (Суворова, Суворов, 2017: 67-72, Экономика и банковский сектор Швейцарии, 2021). Банковский сектор в Швейцарии занимает 9,6 % валового внутреннего продукта, на каждые 1,5 тыс. чел. населения приходится один банк, в то время как в России на один банк приходится на 138 тыс. чел. (Ефремова, Аджиева, 2020: 21).

4. Результаты

Швейцария недаром считается одним из самых развитых государств с передовой экономикой. Инновации и финансовая надёжность в Швейцарии свойственны не только банковскому сектору, но и всей финансовой системе страны. Согласно Отчету Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности за 2019 год, развитие финансового рынка в Швейцарии набрало 89,7 балла из максимальных 100,0 и заняло 4-е место из 144 проанализированных экономик (Отчет о глобальной конкурентоспособности..., 2021).

Оценка в 89,7 балла берётся как среднее арифметическое от оценок отдельных составляющих финансового рынка Швейцарии, таких как: кредитный гэп, достаточность капитала, валовые кредиты населению, финансирование субъектов малого и среднего предпринимательства, доступность венчурного капитала, рыночная капитализация, страховые премии, надёжность банков и непогашенные кредиты. Шесть оценок финансового рынка Швейцарии из девяти набирают максимальный балл, что говорит об абсолютном развитии данных показателей, а именно, у Швейцарских банков нет проблем с достаточностью собственного капитала, страховой рынок развит, фондовый рынок высококапитализированный, кредиты населению выдаются в нужных объёмах, а доля невыплаченных кредитов крайне мала. Всё это говорит о том, что Швейцарская экономика является передовой на текущий момент времени, чего, правда, нельзя сказать про экономику Российской Федерации. Конечно, по некоторым макроэкономическим показателям экономика РФ опережает экономику Швейцарии, но в целом мы значительно отстаём в развитии от неё. К примеру, можем сравнить некоторые показатели уровня развития экономики, выделенные передовыми международными организациями, такими как ВЭФ, МОТ и др., по данным Таблицы 1.

Таблица 1. Сравнение экономик РФ и Швейцарии по индексам и рейтингам

Показатель	Года (Швейцария/ Россия)	Единица измерения	Швейцария	Россия
Индекс восприятия коррупции	2020/2020	баллы	85	30
Рейтинг конкурентоспособности	2019/2019	место	5	43
Индекс хрупких государств	2018/2018	баллы	19,2	77,2
Рейтинг глобальных прав на информацию	2018/2018	место	77	43
Рейтинг инноваций	2018/2018	место	1	46

Источник: Глобальный рейтинг прав на информацию, 2019; Индекс восприятия коррупции, 2021; Индекс глобальной конкурентоспособности, 2021; Индекс хрупких государств, 2021.

РФ опережает Швейцарию только по месту в рейтинге глобальных прав на информацию, Россия занимает 43 место, а Швейцария 77, что связано с высокой степенью развития банковской тайны в Швейцарии. По индексу восприятия коррупции Швейцария воспринимается как наименее коррумпированное государство, в то время как Россия, наоборот, входит в число высококоррумпированных. По рейтингу конкурентоспособности и инноваций Россия также значительно отстаёт от Швейцарии, которая занимает передовые места среди всех стран. По оценке индекса хрупких государств – комплексный показатель, характеризующий способность или неспособность властей контролировать целостность территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране ([Индекс хрупких государств, 2021](#)) экономическое положение Швейцарии оценивается как устойчивое, в то время как России – тревожное. Практически по всем индексным и рейтинговым показателям РФ значительно отстаёт от Швейцарии по уровню своего развития.

5. Заключение

В заключении хотелось бы выделить следующие основные причины отставания экономики России от передовой швейцарской экономики:

1. Различный путь расширения экономики России и Швейцарии. Преимущество Швейцарии состоит в её местоположении в самом центре Европы и интенсивном развитии сильных качеств своей экономики. В то время как РФ обеспечивает свои основные доходы за счёт экспорта природных ресурсов, Швейцария развивается интенсивно в сторону торговли, промышленности, банковского дела и других направлений;

2. Экономика РФ более подвержена кризисам и влиянию внешних факторов. Экономика Швейцарии диверсифицирована, не носит сырьевой характер, в отличие от экономики РФ, а потому менее зависима от изменения цен на нефтегазовые ресурсы;

3. Вхождение экономики Швейцарии в перечень офшорных зон, развитая банковская система, стабильная национальная валюта способствуют притоку капитала. Экономика России не имеет стабильную национальную валюту, что снижает её инвестиционную привлекательность;

4. В Швейцарии высокий уровень качества жизни населения, неравенство в доходах компенсируется прогрессивной системой налогообложения, в то время как в России качество жизни большинства населения на низком уровне и наблюдается социальное неравенство.

Литература

[Гаврилова, 2015](#) – Гаврилова И.Н. (2015). Проблемы и перспективы системы образования в России и опыт Швейцарии // *Россия реформирующаяся*. 2015. №13. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sistemy-obrazovaniya-v-rossii-i-opyt-shveytsarii>

[Глобальный рейтинг прав на информацию](#) – Глобальный рейтинг прав на информацию. [Электронный ресурс]. URL: <https://countryeconomy.com/government/global-right-information-rating>

[Ефремова, Аджиева, 2020](#) – Ефремова Д. И., Аджиева А. Ю. Сравнительный анализ банковских систем России и Швейцарии // *Economic sciences*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2020/12/colloquium-journal-3284-chast-3.pdf#page=21>

[Зайцева, 2015](#) – Зайцева Е.А. Система образования в Швейцарии: структура, преимущества и недостатки // *Современное образование*. 3: 1-18. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15145

[Идалов, 2013](#) – Идалов Т.Б. Направления совершенствования инвестиционного сотрудничества России и Швейцарии // *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*. 2013. №21. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-investitsionnogo-sotrudnichestva-rossii-i-shveytsarii>

[Индекс восприятия коррупции](#) – Индекс восприятия коррупции. Методы и рейтинг. Wikipedia. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Transparency.org>

[Индекс глобальной конкурентоспособности](#) – Индекс глобальной конкурентоспособности. Wikipedia. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_глобальной_конкурентоспособности#Примечания

[Индекс хрупких государств](#) – Индекс хрупких государств. Wikipedia. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Fragile_States_Index

[Любимов и др., 2020](#) – Любимов Н.А., Мухамбеталиева О.Р., Черноусова К.С. Сравнительный анализ налоговых систем России, Канады, Швейцарии и Южной Кореи // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. №4-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-nalogovyh-sistem-rossii-kanady-shveytsarii-i-yuzhnoy-korei>

[Отчет о глобальной конкурентоспособности..., 2021](#) – Отчет о глобальной конкурентоспособности за 2019 год. Всемирный экономический форум 2021. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2019>.

[Россия vs Швейцария, 2021](#) – Россия vs Швейцария. 52 факта в сравнении. Versus.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://versus.com/ru>

[Суворова, Суворов, 2017](#) – Суворова А.С., Суворов С.Б. Банковские системы России и Швейцарии: правовые основы и перспективы сотрудничества // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2017. №1 (49). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskie-sistemy-rossii-i-shveytsarii-pravovye-osnovy-i-perspektivy-sotrudnichestva>

[Удальцова, Кучерова, 2013](#) – Удальцова Н.Л., Кучерова М.С. Инновационная активность России и Швейцарии: сравнительный анализ // *КЭ*. 2013. №5 (77). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-aktivnost-rossii-i-shveytsarii-sravnitelnyy-analiz>

[Экономика и банковский сектор Швейцарии](#) – Экономика и банковский сектор Швейцарии. TheBanks.eu 2012–2021. [Электронный ресурс]. URL: https://thebanks.eu/countries/Switzerland/banking_sector

[Экономика и ВВП Швейцарии... 2021](#) – Экономика и ВВП Швейцарии в 2020–2021 годах. Visasam, 2013–2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://visasam.ru/emigration/economy/ekonomika-shveicarii.html#i-3>

References

[Efremova, Adzhieva, 2020](#) – Efremova, D.I., Adzhieva, A.Yu. (2020). Sravnitel'nyi analiz bankovskikh sistem Rossii i Shveysarii [Comparative analysis of the banking systems of Russia and Switzerland]. *Economic sciences*. [Electronic resource]. URL: <http://www.colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2020/12/colloquium-journal-3284-chast-3.pdf#page=21> [in Russian]

[Ekonomika i bankovskii sektor Shveysarii](#) – Ekonomika i bankovskii sektor Shveysarii [Economy and banking sector of Switzerland]. TheBanks.eu © 2012–2021. [Electronic resource]. URL: https://thebanks.eu/countries/Switzerland/banking_sector [in Russian]

[Global'nyi reiting prav na informatsiyu](#) – Global'nyi reiting prav na informatsiyu [The Global Information Rights Ranking]. [Electronic resource]. URL: <https://countryeconomy.com/government/global-right-information-rating> [in Russian]

[Rossiya vs Shveysariya, 2021](#) – Rossiya vs Shveysariya. 52 fakta v sravnenii [Russia vs Switzerland. 52 facts in comparison]. Versus.com. [Electronic resource]. URL: <https://versus.com/ru> [in Russian]

[Lyubimov i dr., 2020](#) – Lyubimov, N.A., Mukhambetalieva, O.R., Chernousova, K.S. (2020) Sravnitel'nyi analiz nalogovykh sistem Rossii, Kanady, Shveysarii i Yuzhnoi Korei [Comparative analysis of tax systems in Russia, Canada, Switzerland and South Korea]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 4-1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-nalogovyh-sistem-rossii-kanady-shveytsarii-i-yuzhnoy-korei> [in Russian]

[Ekonomika i VVP Shveysarii..., 2021](#) – Ekonomika i VVP Shveysarii v 2020–2021 godakh [Economy and GDP of Switzerland in 2020–2021]. Visasam, 2013–2021. [Electronic resource]. URL: <https://visasam.ru/emigration/economy/ekonomika-shveicarii.html#i-3> [in Russian]

[Indeks global'noi konkurentosposobnosti](#) – Indeks global'noi konkurentosposobnosti [Global competitiveness index]. Wikipedia. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Indeks_global'noi_konkurentosposobnosti#Primechaniya. [in Russian].

[Indeks khrupkikh gosudarstv](#) – Indeks khrupkikh gosudarstv [Fragile States Index]. Wikipedia. [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Fragile_States_Index. [in Russian]

[Indeks vospriyatiya korruptsii](#) – Indeks vospriyatiya korruptsii. Metody i reiting. Wikipedia [Corruption Perceptions Index. Methods and rating. Wikipedia]. [Electronic resource]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Transparency.org> [in Russian]

[Otchet o global'noi konkurentosposobnosti..., 2021](#) – Otchet o global'noi konkurentosposobnosti za 2019 god [Global Competitiveness Report 2019. World Economic

Forum 2021]. Vsemirnyi ekonomicheskii forum 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2019>. [in Russian].

Suvorova, Suvorov, 2017 – Suvorova, A.S., Suvorov, S.B. (2017). Bankovskie sistemy Rossii i Shveitsarii: pravovye osnovy i perspektivy sotrudnichestva [Banking systems of Russia and Switzerland: legal foundations and prospects for cooperation]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie*. 1(49). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskie-sistemy-rossii-i-shveysarii-pravovye-osnovy-i-perspektivy-sotrudnichestva> [in Russian]

Udal'tsova, Kucherova, 2013 – Udal'tsova, N.L., Kucherova, M.S. (2013). Innovatsionnaya aktivnost' Rossii i Shveitsarii: sravnitel'nyi analiz [Innovative activity of Russia and Switzerland: a comparative analysis]. *KE*. 5(77). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-aktivnost-rossii-i-shveysarii-sravnitelnyy-analiz> [in Russian]

Idalov, 2013 – Idalov, T.B. (2013). Napravleniya sovershenstvovaniya investitsionnogo sotrudnichestva Rossii i Shveitsarii [Directions for improving investment cooperation between Russia and Switzerland]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad*. 21. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovershenstvovaniya-investitsionnogo-sotrudnichestva-rossii-i-shveysarii> [in Russian]

Gavrilova, 2015 – Gavrilova, I.N. (2015). Problemy i perspektivy sistemy obrazovaniya v Rossii i opyt Shveitsarii [Problems and prospects of the education system in Russia and the experience of Switzerland]. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 13. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sistemy-obrazovaniya-v-rossii-i-opyt-shveysarii> [in Russian]

Zaitseva, 2015 – Zaitseva, E.A. (2015). Sistema obrazovaniya v Shveitsarii: struktura, preimushchestva i nedostatki [The educational system in Switzerland: structure, advantages and disadvantages]. *Sovremennoe obrazovanie*. 3: 1-18. [Electronic resource]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15145 [in Russian]

УДК 338

Сравнение экономик России и Швейцарии

Алла Юрьевна Баранова ^{а, *}, Эмиль Леонович Варвашян ^а

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Швейцария является одним из мировых экономических центров, так как занимает традиционное положение независимого и абсолютно нейтрального государства в самом ядре Европы. Устоявшаяся политическая стабильность и динамичный рост выделяют страну и привлекают в неё всё больше и больше вложений. На сегодняшний день около 35 % мировых активов, принадлежащих физическим лицам, размещено на вкладах в швейцарских банках. В то же время экономика Российской Федерации подвержена постоянным колебаниям и характеризуется низким уровнем надёжности. Российский рубль по сравнению со швейцарским франком значительно уступает по уровню стабильности.

Швейцария фундаментально основана на банковском деле, в то время как банковская система РФ хаотично формировалась после распада СССР. Однако при этом экономика РФ в разы крупнее экономики Швейцарии. Но с учётом численности населения страны и качества жизни населения Швейцария находится в топе всех развитых стран, в то время как Россия уже долгие годы относится к числу развивающихся. Что же предопределяет столь отличающееся развитие экономик двух по-настоящему значимых на мировом рынке стран? Данная статья посвящена ответу на этот вопрос.

Ключевые слова: экономика, макроэкономические показатели, банковский сектор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: baranovalla-77@mail.ru (А.Ю. Баранова)

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 236-245

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

Managing the Human Resources of an Industrial Company with Wages Efficiency

Galina P. Gagarinskaya ^{a, *}, Tatyana G. Borisova ^b, Alexandr V. Gagarinskiy ^a, Ilya M. Igumenov ^a

^a Samara State Technical University (Samara Polytech), Russian Federation

^b Sochi State University, Russian Federation

Abstract

In the modern conditions of economy transformation, the task of innovative development of the economy of the Russian Federation is to use advanced technologies in the development of service enterprises of the oil and gas complex. The introduction of advanced technologies is impossible without qualified personnel who can make correct management decisions. One of the main components of the formation of an effective strategy for the financial and economic activities of a modern organization is qualified personnel. Personnel management is distinguished by a number of peculiarities and patterns inherent in this process. Through personnel management, social policy is developed, social partnership is created and trust between employees and employers is established. For any organization, human resource is the main strategic resource, the main "weapon" in the fight against competitors. Currently, insufficient research on the degree of development of the internal potential of the business entity, insufficient elaboration of the conformity of conditions and incentives for the implementation of activities determine the direction of research in the field of human resources management in service companies is relevant.

Keywords: management, economy, effective salary, human resources.

1. Введение

Классическое определение термина «вознаграждение за труд» звучит, как «плата за выполненную работу, выплачиваемая в денежной форме в соответствии с количеством и качеством труда работника в виде заработной платы, премии, доплаты, надбавки и др.» С одной стороны, трактовка понятия носит исчерпывающий характер. С другой, в формулировке не учитывается баланс интересов, преследуемых работодателем и работником в отдельности. Требуется увязка системы вознаграждения со стратегией развития предприятия, его конкурентным потенциалом и индивидуальными целями работников. При таком подходе у руководства появится возможность координации работы отдельных подразделений, что позволит достигать поставленных целей и активизировать трудовое поведение отдельных работников.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали последние труды российских и зарубежных ученых в областях управления эффективностью производства при помощи эффективной заработной платы. Необходимая аргументация теоретических

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-borisova@bk.ru (T.G. Borisova), eyoo80505@mail.ru (G.P. Gagarinskaya), igumenova.julia@yandex.ru (I.M. Igumenov)

выводов достигается посредством применения общенаучных методов анализа и синтеза, дедукции и индукции, научной абстракции и конкретизации.

3. Обсуждение и результаты

Трудовая активность – степень реализации интеллектуального и физического потенциала работников в процессе трудовой деятельности. Трудовая деятельность – это жестко фиксированный во времени и пространстве целесообразный ряд операций и функций, совершаемых работниками, объединенными в производственной организации. Конечная цель этой деятельности – создание материальных благ, оказание услуг, научная работа, накопление и передача информации. Трудовое поведение как частная форма социального поведения включает в себя совокупность действий и поступков, в процессе которых достигается соединение профессиональных способностей и производственно-технологических условий.

Существующие в настоящее время подходы к вознаграждению работников базируются в основном на тривиальных методах и стандартных процедурах, не учитывающих будущие аспекты стратегического развития предприятий и потенциальные изменения всей структуры.

Таким образом, термин «эффективное вознаграждение за труд на сервисных предприятиях нефтегазового комплекса» можно определить как плата за качественно выполненную работу, способствующая созданию благоприятных условий для воплощения целей обеих сторон трудовых отношений и ориентированная на их проактивные потребности (Шмидт, 2018; Шмидт, 2019; Gagarinskaya, Schmidt, 2019).

Авторами проведено исследование проблемы в трудах современных ученых. В настоящее время системы информационных технологий (ИТ) в области человеческих ресурсов (HR) в первую очередь служат для оказания поддержки на предприятии. Это административный уровень, в то время как ИТ-поддержка для стратегических целей отсутствует. Хотя электронные приложения (e-HRM) используются в различных дисциплинах HRM, таких как подбор персонала, отбор, управление производительностью и начисление заработной платы (Mayer, 1995).

Администрации организации еще не осознают, что системы электронного управления персоналом могут помочь им принимать более эффективные кадровые решения. Текущее исследование представляет только «смешанные результаты и отдельные намеки на то, что e-HRM может внести свой вклад к более стратегической роли HRM» (Tzafir, 2005, Gould-Williams, Ferreira-Oliveira, 2003).

На наш взгляд, предварительным условием успешного использования электронного HRM в стратегических целях является учет стратегических соображений, учет в процессе принятия решений по внедрению электронного HRM. Однако есть лишь ограниченные эмпирические данные по этому вопросу. Основываясь на обзоре 20 опубликованных исследований (с 2007 по 2009 год) пришли к выводу, что «лишь в нескольких эмпирических исследованиях электронного управления человеческими ресурсами прямо изучаются стратегические вопросы». Таким образом, цель данного исследования – изучить роль стратегических соображений, лежащих в основе процесса принятия решений по внедрению приложений e-HRM, и представить предложения по лучшему включению таких соображений.

Считается, что e-HRM – это «(планирование, внедрение и) применение информационных технологий как для создания сетей, так и для поддержки как минимум двух индивидуальных или коллективных участников в их совместном исполнении кадровой деятельности» (Bowen, Ostroff, 2004). Это определение отражает потенциал электронного управления человеческими ресурсами для связи отдельных лиц и коллективов за пределами должностных обязанностей, организационных границ или даже национальных границ с помощью информационных технологий. Кроме того, подчеркивает поддерживающую или даже замещающую роль, которую e-HRM может играть в выполнении HR-операций (Whitener, 2001).

В отчетах Центра эффективных организаций приводятся данные об использовании и эффективности электронных систем в HRM в крупные корпорации в США; самые последние доступные данные представляют ситуацию в 2007 году.

Судя по цифрам, информационные системы по кадрам использовались большинством компаний (60%). Эти системы все чаще используются для управления производительностью. Рейтинги эффективности системы для роста бизнеса с годами, а также удовлетворенность сотрудников использованием систем. Когда HRIS внедрено,

очевидны доказательства того, что HRIS наиболее эффективна, когда она подходит стратегии организации (Tzafrir, 2005).

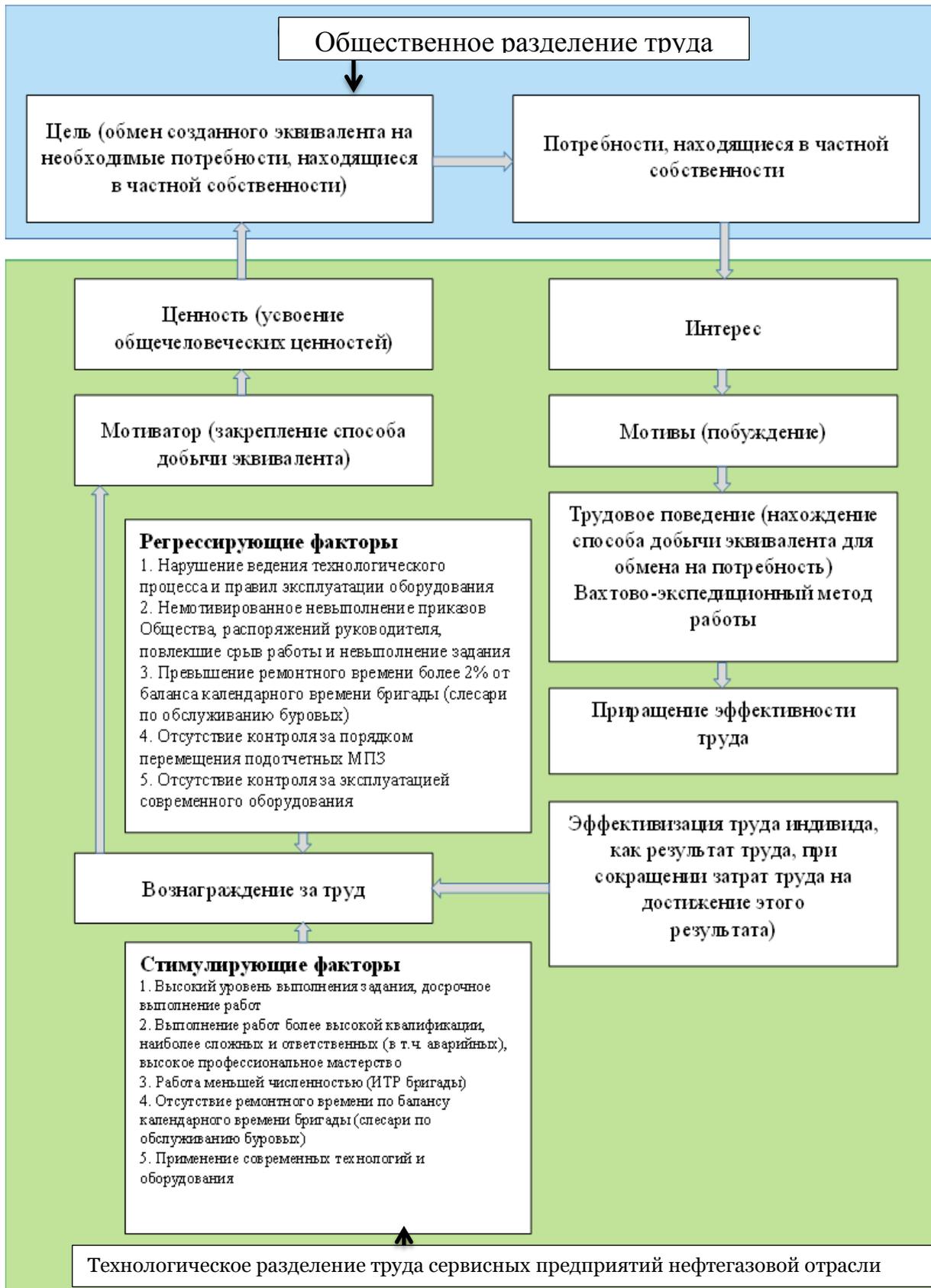

Рис. 1. Концептуальная модель эффективности в управлении персоналом для повышения результативности труда работников нефтегазового комплекса

Когда лица, принимающие стратегические решения, внедряют ERP, их мотивация, как правило, заключается в интеграции разнообразных бизнес-процессов. в своих организациях, чтобы установить связи с заинтересованными сторонами, добиться операционной эффективности и централизовать данные организации для облегчения принятия решений. HRIS можно определить как системы ERP для области управления персоналом, а e-HRM можно рассматривать как модули HRIS, которые обеспечивают «повсеместное использование» функций HR. Согласно ряду ученых классификацию давления на виртуальный HR в результате внедрения и использования электронного HRM, организации могут стремиться (1) улучшить стратегическую ориентацию HRM, (2) снизить затраты или повысить эффективность, (3) улучшить обслуживание клиентов или облегчить руководство и сотрудники и/или (4) улучшить глобальную ориентацию организации за счет стандартизации и гармонизации HR функция (Rousseau, 1998).

Концептуальная модель эффективности в управлении персоналом для повышения результативности труда работников нефтегазового комплекса, которая позволяет согласовывать интересы различных уровней управления (стратегический, тактический, оперативный уровень) сервисного предприятия на основе разработанных и закреплённых за ними систем индикаторов представлена на [Рисунке 1](#) (Rousseau, 1998).

Анализ производительности труда в разных странах представлен на [Рисунке 2](#).

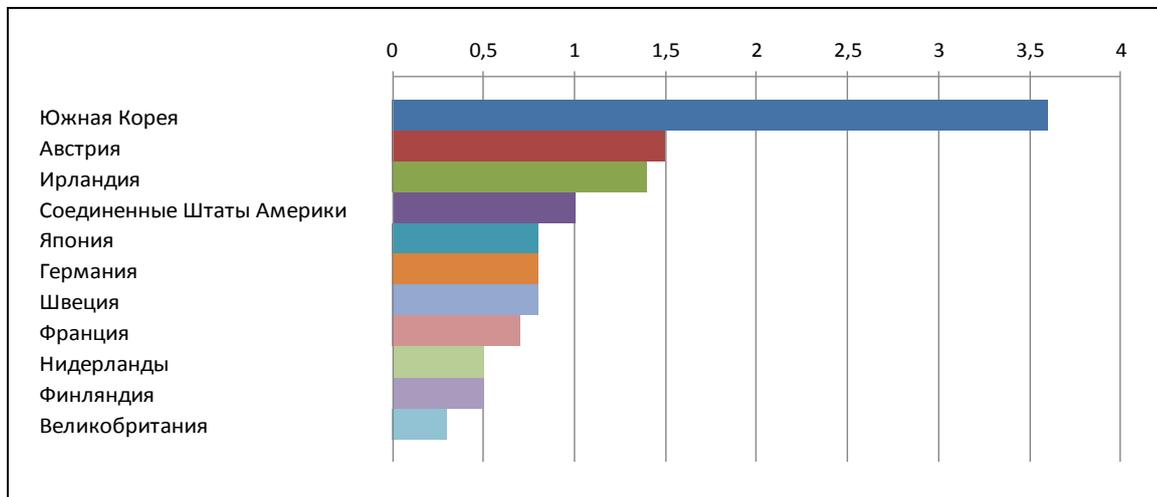

Рис. 2. Анализ производительности труда в разных странах

Рассмотрим стратегии управления персоналом сервисного предприятия нефтегазового комплекса. Современное нефтегазодобывающее предприятие, осуществляющее разработку нефтегазовых месторождений. В [Таблице 1](#) проведен анализ коммерческих, общехозяйственных и административных расходов.

Таблица 1. Анализ административно-управленческих расходов

Показатель	ГФО (8+4)	БП-2017	Откл.	
			+/-	%
Среднесписочная численность АУП, чел.	55	47	-8	85
Удельные АУР на 1 чел./мес., руб.	241,8	280,6	38,7	116,0
Норм. Удельные АУР на 1 чел./мес., руб.	241,8	231,7	-10,1	95,8

Анализ факторов отклонения административно-управленческих расходов показал:
 - вывод бухгалтерии на аутсорсинг -12,0 млн. руб.
 - индексация с 01.04.2017 г. на 4,9 % +3,6 млн. руб.
 Услуги аутсорсинга: +17,8 млн. руб.

- вывод бухгалтерии на аутсорсинг +17,8 млн. руб.
- Страхование: -4,3 млн. руб.
- распределение ДМС по местам возникновения затрат (МВЗ) -4,3 млн. руб.
- Социальные выплаты: -3,3 млн руб.
- распределение социальных выплат по МВЗ (места возникновения затрат) -3,3 млн руб.
- Прочие: -1,7 млн руб.
- снижение затрат по общественному питанию (смена Подрядчика) -1,7 млн. руб.

Для повышения эффективности управления авторами разработана концептуальная модель эффективности в управлении персоналом для повышения результативности труда работников нефтегазового комплекса (**Рисунок 3**).

Исходя из внешних и внутренних факторов и учитывая стратегию развития сервисных компаний в разных условиях деятельности сформируем модель согласования за труд персонала сервисного предприятия нефтегазовой отрасли, учитывающие: стратегию развития предприятия, принципы оперативного управления, трудовые ресурсы, риски принятия решений, отраслевые особенности (**Рисунок 4**).

Внешняя среда	Законны управления ЭС	Технологии управления ЭС	Технологии принятия управленческих решений	Конъюнктура рынка	Конкуренты
Государственная политика в области повышения экологических требований	Предприятие	Система управления предприятием	Цель управления	Проблемы	Результаты
	Технологическое разделение труда сервисных предприятий				
Технологический прогресс в нефтяной отрасли за рубежом	Цель – приращение эффективности труда	Стратегический уровень: предприятие - топ-менеджеры	Столкновение интересов		
			Достижение баланса интересов между подразделениями предприятий	Нарушение правил промышленной безопасности, охраны труда и охраны окружающей среды	Методика отбора экспертов при приеме на работу
			Сбалансированность стратегии развития	Нарушение ведения технологического процесса и правил эксплуатации	Эффективность труда. Компетентность руководителей бизнес проектов сервисного предприятия

Колебание цен на нефть	Вознаграждение за труд									Методика эффективности труда рассчитана на гибкие вилки окладов; -высокие премии; -ориентация на трудовое участие вовлекаемого персонала; - ориентация на оплату трудовому участию -уровень суммарного вознаграждения -высокая конкурентоспособность -ориентация на длинную перспективу
Рынок труда в области сервисных Предприятий учитывает вахтовый метод работы (спрос на услуги персонала определяется качеством разработки запасов и потребностью в запуске бездействующих скважин)	Корпоративная культура	Ресурсы								
	Объекты: - Стратегия; - Персонал - Финансы; - Информационная - Инновации; - Качество; - Маркетинг	Тактический уровень: подразделения - начальники подразделений								
	Оперативный уровень: бригада - бригадиры									

Ценности – уровни общечеловеческих ценностей								Удобства труда
	Поставщики							

Рис. 3. Концептуальная модель эффективности в управлении персоналом для повышения результативности труда работников нефтегазового комплекса

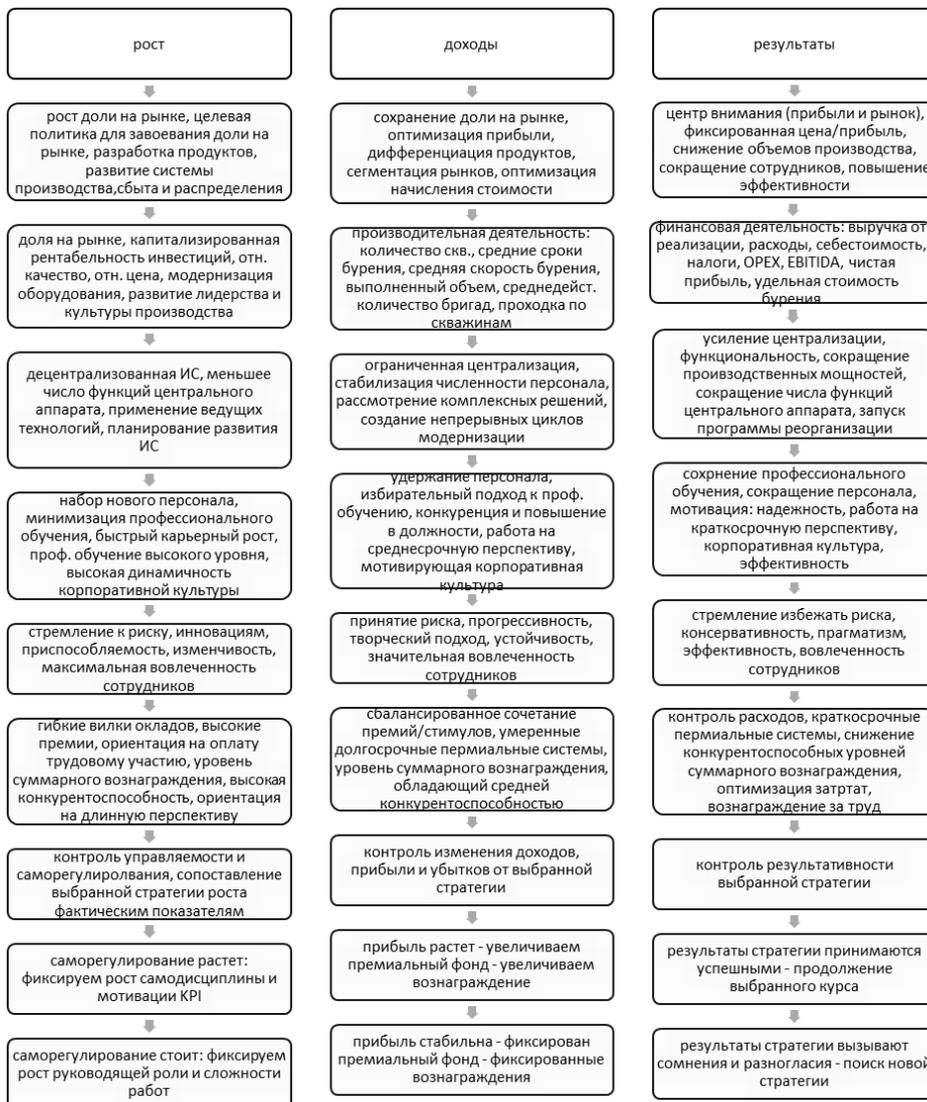

Рис. 4. Модель согласования за труд персонала сервисного предприятия нефтегазовой отрасли

4. Заключение

В настоящее время мы наблюдаем трансформацию понимания и внедрения системы эффективной оплаты труда в промышленных компаниях. Понятие «эффективность трудовой деятельности» с учетом специфики общественного и технологического разделения труда сервисного предприятия нефтегазового комплекса имеет свои особенности, где содержательной особенностью дефиниции выступает проекция данной категории на работников сервисного предприятия нефтегазового комплекса с учетом вахтово-экспедиционного метода производственной деятельности.

Взаимосвязь эффективности управления персоналом с результативностью труда работников сервисного предприятия нефтегазового комплекса должна учитывать внешние и внутренние факторы, а также отраслевые особенности вознаграждения за труд. Отличительной особенностью производственной деятельности сервисного предприятия выступает вахтовоэкспедиционный метод, при применении которого данные компании выполняют функции подрядчиков, оказывающих сопутствующие услуги нефтяным предприятиям в поддержании высокого уровня нефтедобычи, занимаясь, в свою очередь, повышением качества нефтеотдачи пластов (увеличением коэффициента извлечения нефти) и капитальным ремонтом скважин. При этом спрос на услуги персонала сервисных компаний обуславливается как качеством разработки запасов, так и потребностью в запуске бездействующих скважин. В настоящее время сохраняется влияние нефтегазовых компаний на принятие стратегических и оперативных решений руководством сервисных компаний, где отмечается высокий уровень применения специальных видов работ с использованием авторских технологий и соответствующего оборудования.

Литература

Шмидт, 2018 – Шмидт А.В. Основные проблемы управления человеческими ресурсами в нефтегазовой промышленности. Анализ зарубежного опыта / *Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики: материалы международной научно-практической конференции Самара, 11-12 декабря 2018 г.* Часть 1. С. 292-298.

Шмидт, Гагаринский, 2020 – Шмидт А.В. Гагаринский А.В. Формы вклада организации в развитие человеческого капитала / *Исследование, систематизация, кооперация, развитие, анализ социально-экономических систем в области экономики управления: сборник трудов III Всероссийской школы-симпозиума молодых ученых.* 30 сентября – 02 октября 2020 г., г. Симферополь. С. 236-240.

Шмидт и др., 2019 – Шмидт А.В., Гагаринский А.В. Лагута И.В., Чернецов А.В. Социально-производственные отношения в условия эффективности труда в нефтяной промышленности / *Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики: материалы международной научно-практической конференции 18-19 ноября 2019 г.: в 2 ч.* С. 228-234.

Blau, 1964 – Blau P. Exchange & Power in Social Life, 20th edn. Transaction Publishers, New Jersey.

Bowen, Ostroff, 2004 – Bowen D., Ostroff C. (2004). Understanding HRM-firm performance linkages: the role of the 'strength' of the HRM system // *Acad. Manag. Rev.* 2004. 29(2): 203-221.

Das, Teng, 2004 – Das T.K., Teng B.S. The risk-based view of trust: a conceptual framework // *J. Bus. Psychol.* 2004. 19(1): 85-116.

Gagarinskaya, Schmidt, 2019 – Gagarinskaya G.P., Schmidt A.V. The Development of Human Capital on the Basis of Wage Efficiency // *Sochi Journal of Economy.* 2019. 13(3): 300-307.

Gould-Williams, Ferreira-Oliveira, 2003 – Gould-Williams J., Ferreira-Oliveira A.T. et al. The importance of HR practices and workplace trust in achieving superior performance: a study of public-sector organizations // *Int. J. Hum. Resour. Manag.* 2003. 14(1): 28-54.

Mayer et al., 1995 – Mayer R.C., Davis J., Schoorman F. An integrative model of organizational trust // *Acad. Manag. Rev.* 1995. 20(3): 709-734.

Rousseau et al., 1998 – Rousseau D.M., Sitkin S.B., Burt R.S., Camerer C. Not so different after all: a crossdiscipline view of trust // *Acad. Manag. Rev.* 23(3): 393-404.

Schoorman et al., 2007 – Schoorman F.D., Mayer R.C., Davis J.H. An integrative model of organizational trust: past, present, and future // *Acad. Manag. Rev.* 2007. 32(2): 344-354.

Tzafir, 2005 – Tzafir S. The relationship between trust, HRM practices and firm performance // *Int. J. Hum. Resour. Manag.* 2005. 16(9): 1600-1622.

[Whitener, 2001](#) – Whitener E.M. Do “high commitment” human resource practices affect employee commitment? A cross-level analysis using hierarchical linear modeling // *J. Manag.* 27(5): 515-535.

[Zahra et al., 2006](#) – Zahra A., Yavuz R., Ucbasaran D. How much do you trust me? The dark side of relational trust in new business creation in established companies // *Entrepreneurship Theor. Pract.* 2006. 30(4): 541-559.

References

[Blau, 1964](#) – Blau P. Exchange & Power in Social Life, 20th edn. Transaction Publishers, New Jersey.

[Bowen, Ostroff, 2004](#) – Bowen D., Ostroff C. (2004). Understanding HRM-firm performance linkages: the role of the ‘strength’ of the HRM system // *Acad. Manag. Rev.* 2004. 29(2): 203-221.

[Das, Teng, 2004](#) – Das T.K., Teng B.S. The risk-based view of trust: a conceptual framework // *J. Bus. Psychol.* 2004. 19(1): 85-116.

[Gagarinskaya, Schmidt, 2019](#) – Gagarinskaya G.P., Schmidt A.V. The Development of Human Capital on the Basis of Wage Efficiency // *Sochi Journal of Economy.* 2019. 13(3): 300-307.

[Gould-Williams, Ferreira-Oliveira, 2003](#) – Gould-Williams J., Ferreira-Oliveira A.T. et al. The importance of HR practices and workplace trust in achieving superior performance: a study of public-sector organizations // *Int. J. Hum. Resour. Manag.* 2003. 14(1): 28-54.

[Mayer et al., 1995](#) – Mayer R.C., Davis J., Schoorman F. An integrative model of organizational trust // *Acad. Manag. Rev.* 1995. 20(3): 709-734.

[Rousseau et al., 1998](#) – Rousseau D.M., Sitkin S.B., Burt R.S., Camerer C. Not so different after all: a crossdiscipline view of trust // *Acad. Manag. Rev.* 23(3): 393-404.

[Schoorman et al., 2007](#) – Schoorman F.D., Mayer R.C., Davis J.H. An integrative model of organizational trust: past, present, and future // *Acad. Manag. Rev.* 2007. 32(2): 344-354.

[Shmidt i dr., 2019](#) – Shmidt, A.V., Gagarinskii, A.V. Laguta, I.V., Chernetsov, A.V. (2019). Sotsial'no-proizvodstvennye otnosheniya v usloviya effektivnosti truda v neftyanoi promyshlennosti [Social and industrial relations in the conditions of labor efficiency in the oil industry]. *Aktual'nye problemy i tendentsii razvitiya sovremennoi ekonomiki: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 18-19 noyabrya 2019 g.: v 2 ch.* Pp. 228-234. [in Russian]

[Shmidt, 2018](#) – Shmidt, A.V. (2018). Osnovnye problemy upravleniya chelovecheskimi resursami v neftegazovoi promyshlennosti. Analiz zarubezhnogo opyta [The main problems of human resource management in the oil and gas industry. Analysis of foreign experience]. *Aktual'nye problemy i tendentsii razvitiya sovremennoi ekonomiki: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Samara, 11-12 dekabrya 2018 g.* Chast' 1. Pp. 292-298. [in Russian]

[Shmidt, Gagarinskii, 2020](#) – Shmidt, A.V. Gagarinskii, A.V. (2020). Formy vklad organizatsii v razvitie chelovecheskogo kapitala [Forms of the organization's contribution to the development of human capital]. *Issledovanie, sistematizatsiya, kooperatsiya, razvitie, analiz sotsial'no-ekonomicheskikh sistem v oblasti ekonomiki upravleniya: sbornik trudov III Vserossiiskoi shkoly-simpoziuma molodykh uchenykh. 30 sentyabrya – 02 oktyabrya 2020 g., g. Simferopol'.* Pp. 236-240. [in Russian]

[Tzafrir, 2005](#) – Tzafrir S. The relationship between trust, HRM practices and firm performance // *Int. J. Hum. Resour. Manag.* 2005. 16(9): 1600-1622.

[Whitener, 2001](#) – Whitener E.M. Do “high commitment” human resource practices affect employee commitment? A cross-level analysis using hierarchical linear modeling // *J. Manag.* 27(5): 515-535.

[Zahra et al., 2006](#) – Zahra A., Yavuz R., Ucbasaran D. How much do you trust me? The dark side of relational trust in new business creation in established companies // *Entrepreneurship Theor. Pract.* 2006. 30(4): 541-559.

УДК 33

Управление человеческими ресурсами промышленной компании на основе эффективной оплаты труда

Галина Павловна Гагаринская ^{a, *}, Татьяна Геннадьевна Борисова ^b,
Александр Владимирович Гагаринский ^a, Илья М. Игуменов ^a

^a Самарский государственный технический университет, Российская Федерация

^b Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В современных условиях трансформации экономики задачей инновационного развития экономики РФ является использование передовых технологий в развитии сервисных предприятий нефтегазового комплекса. Внедрение передовых технологий невозможно без квалифицированного персонала, умеющего правильно принимать управленческие решения. Одной из главных составляющих формирования эффективной стратегии финансово-хозяйственной деятельности современной организации является квалифицированный персонал. Управление же персоналом отличается рядом присущих именно данному процессу особенностей и закономерностей. Посредством управления персоналом осуществляется формирование социальной политики, создается социальное партнерство и налаживается доверие между работниками и работодателями. Для любой организации человеческий ресурс является главным стратегическим ресурсом, основным «оружием» в борьбе с конкурентами. В настоящее время недостаточное исследование степени развития внутреннего потенциала хозяйствующего субъекта, недостаточная проработанность соответствия условий и стимулов осуществления деятельности определяют направленность исследований в области управления человеческими ресурсами в сервисных компаниях актуально.

Ключевые слова: менеджмент, экономика, эффективная оплата труда, человеческие ресурсы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-borisova@bk.ru (Т.Г. Борисова),
eyo080505@mail.ru (Г.П. Гагаринская), igumenova.julia@yandex.ru (И.М. Игуменов)

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 246-256

www.vestnik.sutr.ru

UDC 332.14

Analysis of Budget Revenues of the Krasnodar Krai

Tatyana E. Gvarliani^{a,*}, Emil L. Varvashtyan^a

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

This article reflects the main results of a study devoted to the study of budget revenues of the Krasnodar Krai. During the study, the economic features of the region were taken into account, such as agricultural specifics, the location of the region, the degree of development of various sectors of the economy. This information was used in the analysis of regional budget revenues. The most important task of the state authorities of the territories and local self-government bodies is to perform the functions assigned to them, namely: providing certain services to the population and economic entities, creating conditions for safe life, etc. The condition for performing these functions is the availability of sufficient financial resources in the budgets of various levels. Since the main share of regional budget revenues is tax revenues, and for the Krasnodar Krai this is primarily personal income tax, corporate income tax and corporate property tax, the issue of achieving an adequate assessment of the volume of tax revenues is a priority and relevant, which is reflected in the presented study. The study is based on an economic analysis of the dynamics and structure of regional budget revenues. At the same time, tax and non-tax revenues of the budget, as well as gratuitous receipts, budget revenues of the region in the context of various sectors of the economy were considered. The purpose of the article is to identify the factors that characterize the peculiarities of the formation of budget revenues of the Krasnodar Krai.

Keywords: economy, budget revenues and expenditures, tax and non-tax revenues, gratuitous receipts, budget levels, budget surplus, budget deficit.

1. Введение

Бюджет любого субъекта РФ играет огромную роль в развитии региона и его муниципальных образований. Расходы бюджета идут на оборону, образование, здравоохранение, культуру и прочие направления, которые обеспечивают развитие региона и качество жизни населения. Всё это обеспечивается за счёт региональных доходов, включающих в себя налоговые и неналоговые доходы, а также безвозмездные поступления из федерального бюджета и бюджетов других субъектов РФ.

Краснодарский край является одним из самых развитых регионов нашей страны, который вносит огромный вклад в ВВП. Поэтому формирование доходов бюджета Краснодарского края является первостепенным вопросом при проведении региональной бюджетной политики. Цель данной статьи направлена на выявление особенностей формирования этих доходов, для чего доходы бюджета края были рассмотрены в своей динамике и структуре.

* Corresponding author

E-mail addresses: antana-tata@mail.ru (T.E. Gvarliani), varvashtyan.emil@gmail.com (E.L. Varvashtyan)

2. Материалы и методы

В методологическую основу исследования положены следующие основные методы и подходы: абстрактно-логический, аналитический, статистический. Необходимая аргументация выводов достигается посредством применения общенаучных методов анализа и синтеза, дедукции и индукции, научной абстракции и конкретизации. Объектом исследования является Краснодарский край. Предмет исследования: экономика и бюджет Краснодарского края с более глубоким акцентом на рассмотрении динамики и структуры доходов бюджета края.

В качестве материалов исследования послужили бюджетный и налоговый кодексы, законы о краевом бюджете, работы различных экономистов, таких как А.С. Нешитой, Г.В. Цветова. Эти нормативно-правовые акты и экономические труды выступили в качестве теоретической основы исследования. Практическая часть исследования основывалась на данных Федеральной службы государственной статистики, Открытого бюджета Краснодарского края и справки о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Краснодарского края.

3. Обсуждение

Краснодарский край является уникальным регионом Российской Федерации. Выход к Чёрному морю, плодородная почва, умеренно-континентальный климат формируют особенности экономики региона, а потому и доходов его бюджета. Города-курорты, такие как Сочи, Туапсе, Анапа, Геленджик, создают уникальную на территории России курортную зону, плодородная почва и климат способствуют развитию сельского хозяйства. Относительно маленькая площадь территории края по сравнению с территорией остальных регионов (Краснодарский край занимает 41 место по площади среди всех регионов РФ ([Площадь субъектов Российской Федерации](#))), существующая сельскохозяйственная специфика и высокая степень выработанности запасов полезных ископаемых ограничивают потенциал края в их добыче. Всё это сказывается на экономике Краснодарского края, что мы можем наблюдать по объёму валового регионального продукта в разрезе предприятий различных отраслей в [Таблице 1](#).

Таблица 1. ВРП Краснодарского края за 2019 год

Показатель, в млн. руб.	2019	Удельный вес, в %
Валовой региональный продукт в том числе:	2569811	100,0
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	226761	8,8
добыча полезных ископаемых	12681	0,5
обрабатывающие производства	298352	11,6
водоснабжение; водоотведение; организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	18852	0,7
строительство	161195	6,3
оптовая и розничная торговля; ремонт авто	373308	14,5
транспортировка и хранение	372779	14,5
деятельность гостиниц и предприятий общепита	75516	2,9
деятельность в области информации и связи	64853	2,5
финансовая и страховая деятельность	4737	0,2
деятельность по операциям с недвижимостью	322152	12,5
профессиональная, научная и техническая деятельность	77540	3,0
гос. управление и обеспечение военной безопасности; соц. обеспечение	145876	5,7
образование	89439	3,5
здравоохранение и соц. услуги	142596	5,5
прочие виды услуг	183173	7,1

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики ([Краснодарский край в цифрах, 2020](#)).

По данным справки о состоянии и перспективах использования материально-сырьевой базы Краснодарского края ([Справка о состоянии...](#)), основу экономического потенциала региона составляют агропромышленный, топливно-энергетический, транспортный, курортно-рекреационный комплексы, машиностроение, лесное хозяйство, деревообработка и мебельное производство, промышленность строительных материалов. Это мы также наблюдаем по данным [Таблицы 1](#). Если составить топ отраслей Краснодарского края по вкладу в объём ВРП за 2019 год, то он будет выглядеть следующим образом:

1. Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта (14,5 %);
2. Транспортировка и хранение (14,5 %);
3. Деятельность по операциям с недвижимостью (12,5 %);
4. Обрабатывающие производства (11,6 %);
5. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (8,8 %).

Все особенности региона сказываются на его экономике, что мы наблюдаем по структуре валового регионального продукта. Структура ВРП также находит своё отражение в структуре доходов бюджета Краснодарского края, в чём мы убедимся позднее в [Таблице 2](#). Она является основополагающей в определении налоговых доходов бюджета Краснодарского края.

Краснодарский край всегда являлся одним из основополагающих регионов нашей страны, хоть и не всегда он был самодостаточным. В этом мы можем убедиться по [Рисунку 1](#) и [Рисунку 2](#).

Рис. 1. Топ регионов России по объёму ВРП в 2017 году
Источник: по данным Яндекса ([Какие регионы...](#)).

По объёму ВРП Краснодарский край в 2017 году занимал 6 место среди всех регионов РФ, уступая самым передовым регионам нашей страны. Удельный вес его ВРП в ВВП России составлял 3 % на 2017 год, хоть на 2019 год это значение и снизилось до 2,7 % ([Краснодарский край в цифрах, 2020](#)). Краснодарский край не только играет значимую роль в развитии экономики своих муниципальных образований, но и является системно-значимым регионом в масштабах экономики страны. Нельзя также принизить его роль по Южному федеральному округу, данные по ВРП которого представлены на [Рисунке 2](#).

Мы видим по [Рисунку 2](#), что Краснодарский край в течение более 10 лет является основным регионом Южного федерального округа с наибольшим объёмом валового регионального продукта. Удельный вес ВРП Краснодарского края в сумме валовых региональных продуктов по ЮФО в 2019 году составлял 38,9 %. Это говорит о его высокой роли в экономике ЮФО, и в очередной раз подтверждает высокую степень значимости для экономики страны в целом.

20.6. ВАЛОВОЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ
(в основных ценах; миллиардов рублей)

	2010	2015	2017 ¹⁾	2018 ¹⁾	2019 ¹⁾
Российская Федерация	37687,8	65750,6	79745,1	90202,9	94831,1
Южный федеральный округ	2337,9	4636,3	5833,5	6320,3	6598,7
Республика Адыгея	47,2	84,3	109,7	120,0	132,2
Республика Калмыкия	24,4	52,0	80,1	86,1	88,9
Республика Крым		266,0	385,0	437,4	469,3
Краснодарский край	1028,3	1933,5	2422,8	2499,9	2569,8
Астраханская область	144,9	322,3	442,6	579,2	602,3
Волгоградская область	433,5	740,5	850,3	927,8	961,4
Ростовская область	659,7	1189,1	1441,7	1548,2	1637,7
г. Севастополь		48,7	101,3	121,7	136,9

¹⁾ Здесь и далее - расчет ВРП произведен с учетом оценки жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья, и оценки потребления основного капитала исходя из его текущей рыночной стоимости.

Рис. 2. ВРП регионов Южного федерального округа

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики ([Краснодарский край в цифрах, 2020](#)).

Теперь, когда мы рассмотрели, что из себя представляет экономика Краснодарского края, и насколько он значим в масштабах страны, мы можем перейти непосредственно к анализу доходов бюджета края.

4. Результаты

В аналитике к [Таблице 1](#) было сказано, что структура ВРП определяет и структуру доходов бюджета края. ВРП в разрезе отраслей говорит не только об объемах произведённой продукции за период, но и о степени развитости той или иной отрасли в крае. Для того чтобы вносить значительный вклад в ВРП региона, отрасль должна быть развита, а потому у неё должно быть достаточно имущества, а деятельность должна быть прибыльной. Учитывая, что основные доходы бюджета Краснодарского края от предприятий это в основном налоговые доходы, включающие в себя налог на прибыль, налог на имущество, НДС и другие, зависимость структуры ВРП и этих доходов является очевидной. Для доказательства этого обратимся к [Таблице 2](#).

Таблица 2. Доходы бюджета края от предприятий в разрезе различных видов деятельности по ОКВЭД

Показатель (ед. изм. – млн. руб.)	2019		2020	
	Поступило в бюджет субъекта	Доля в общей сумме	Поступило о в бюджет субъекта	Доля в общей сумме
Итого	229 032	100 %	207 764	100%
Нет кода ОКВЭД	27 098	12 %	9 534	5 %
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	6 029	3 %	6 131	3 %
Добыча полезных ископаемых	3 933	2 %	4 322	2 %
Обрабатывающие производства	26 414	12 %	26 256	13 %
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	6 691	3 %	6 426	3 %
Строительство	10 386	5 %	10 186	5 %
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	36 846	16 %	38 080	18 %
Транспортировка и хранение	41 479	18 %	33 285	16 %
Деятельность гостиниц и предприятий общепита	5 021	2 %	4 600	2 %
Деятельность в области информации и связи	4 561	2 %	4 213	2 %

Финансовая и страховая деятельность	9 077	4 %	12 740	6 %
Деятельность по операциям с недвижимостью	10 417	5 %	9 610	5 %
Профессиональная, научная и техническая деятельность	8 066	4 %	8 691	4 %
Гос. управление и обеспечение военной безопасности; соц. обеспечение	6 908	3 %	7 914	4 %
Образование	6 891	3 %	6 862	3 %
Здравоохранение и соц. услуги	8 641	4 %	8 900	4 %
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	4 994	2 %	4 337	2 %
Остальные виды деятельности	5 582	2 %	5 678	3 %

Источник: по данным Открытого бюджета Краснодарского края ([Распределение доходов...](#)).

Мы можем наблюдать явное сходство между структурой ВРП, рассмотренной в [Таблице 1](#), и структурой доходов бюджета края от предприятий в [Таблице 2](#). Если составить топ предприятий различных видов деятельности по удельному весу в структуре доходов края за 2019 год, то он будет выглядеть следующим образом:

1. Транспортировка и хранение (18 %);
2. Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (16 %);
3. Нет кода ОКВЭД (12 %);
4. Обрабатывающие производства (12 %);
5. Деятельность по операциям с недвижимостью (5 %).

Этот топ во многом перекликается с топом отраслей Краснодарского края по вкладу в объём ВРП, составленным по данным [Таблицы 1](#). Все изменения и несоответствия в топах связаны со спецификой налогообложения, а потому и формирования доходов бюджета края от определённых отраслей (к примеру, предприятия сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства не включены в топ из-за особенностей их налогообложения при применении единого сельскохозяйственного налога). Таким образом, подтверждается зависимость между структурой ВРП и структурой доходов бюджета Краснодарского края.

Таблица 3. Доходы бюджета Краснодарского края

Показатель (ед. изм. – млн. руб.)	2019 год		2020 год		Темп прироста, в %
	Поступило в бюджет субъекта	Доля от общей суммы, %	Поступило в бюджет субъекта	Доля от общей суммы, %	
Доходы бюджета Всего	291 490	100,0	314 880	100,0	8,0
Налоговые и неналоговые доходы	242 961	83,4	219 492	69,7	-9,7
Налоговые доходы	236 241	81,1	212 965	67,6	-9,9
Налог на прибыль организаций	66 389	22,8	58 672	18,6	-11,6
НДФЛ	76 607	26,3	64 383	20,5	-16,0
Акцизы	28 077	9,6	27 454	8,7	-2,2
Налог на имущество организаций	38 467	13,2	35 114	11,2	-8,7
Транспортный налог	7 470	2,6	8 009	2,5	7,2
Прочие налоговые доходы	19 231	6,6	19 332	6,1	0,5
Неналоговые доходы	6 719	2,3	6 526	2,1	-2,9
Безвозмездные поступления	48 530	16,7	95 388	30,3	96,6
Дотации	14 274	4,9	32 055	10,2	124,6
Субсидии	11 432	3,9	27 312	8,7	138,9

Субвенции	13 613	4,7	21 153	6,7	55,4
Иные безвозмездные поступления	9 211	3,2	14 868	4,7	61,4

Источник: по данным Открытого бюджета Краснодарского края ([Доходы бюджета...](#)).

Теперь подробно рассмотрим в [Таблице 3](#), из каких источников формируются доходы бюджета Краснодарского края. Мы сразу замечаем, что по большей части доходы бюджета края формируются за счёт налоговых и неналоговых доходов, а по меньшей части за счёт безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Также стоит отметить, что сокращение налоговых и неналоговых доходов бюджета в 2020 году на 9,7 % было компенсировано увеличением безвозмездных поступлений на 96,6 %, в результате чего доходы бюджета выросли в целом на 8 %. Подобные изменения были вызваны влиянием коронавирусной инфекции на экономику края, а компенсированы государственной поддержкой из федерального бюджета в период пандемии. Если подробно рассмотреть структуру налоговых и неналоговых доходов, то можно сразу сказать, что доля неналоговых доходов и их роль в формировании доходов бюджета края крайне незначительна. Основная часть доходов бюджета края формируется за счёт налоговых доходов, а именно за счёт:

1. НДФЛ (26,3 % в 19 году и 20,5 % в 20 году);
2. Налога на прибыль организаций (22,8 % в 19 году и 18,6 % в 20 году);
3. Налога на имущество организаций (13,2 % в 19 году и 11,2 % в 20 году);
4. Акцизов (9,6 % в 19 году и 8,7 % в 20 году).

Можно сказать, что основная часть налоговых доходов Краснодарского края формируется за счёт федеральных налогов, таких как НДФЛ, налог на прибыль и акцизы, что не позволяет краю напрямую регулировать процентные ставки по ним. Налог на имущество организаций и транспортный налог – это те региональные налоги, ставки по которым могут регулироваться на уровне Краснодарского края. Представим доходы бюджета Краснодарского края графически на [Рисунке 3](#).

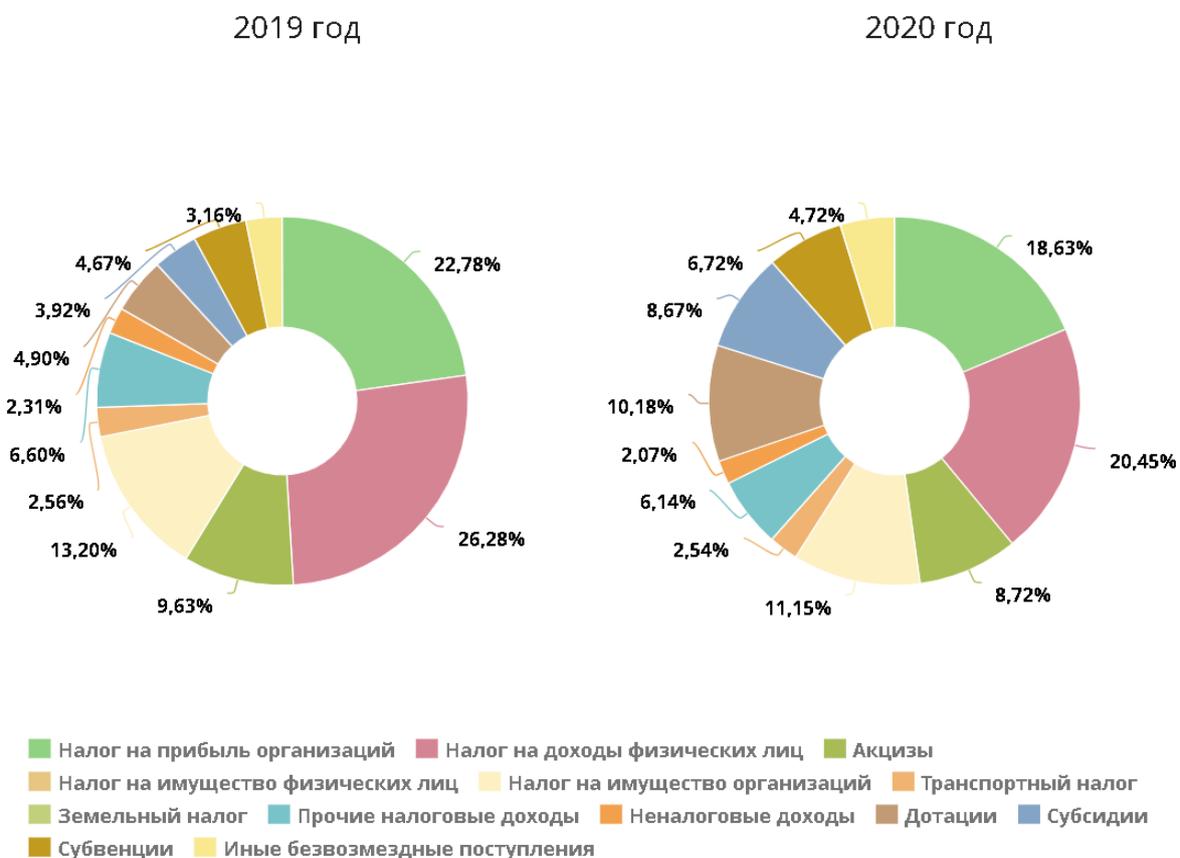

Рис. 3. Структура фактических доходов бюджета края
Источник: по данным Открытого бюджета Краснодарского края ([Структура фактических доходов бюджета](#)).

По [Рисунку 3](#) мы также можем заметить, насколько значимы федеральные налоги для формирования доходов бюджета нашего края – они составляют 58,7 % от всех доходов на 2019 год и 47,8 % на 2020 год. Также графически значительно выделяется увеличение доли безвозмездных поступлений, таких как дотации (с 4,9 % до 10,18 %), субсидии (с 3,9 % до 8,7 %), субвенции (с 4,7 % до 6,7 %) и иные безвозмездные поступления (с 3,2 % до 4,7 %). Всё это говорит о том, что Краснодарский край несмотря на всю его значимость для экономики страны и на то, что он входит в топ-10 регионов по объёму ВРП, является регионом-реципиентом и зависит от поступлений из федерального бюджета. Чтобы подтвердить это, рассмотрим динамику доходов и расходов бюджета Краснодарского края в [Таблице 4](#).

Таблица 4. Динамика доходов и расходов бюджета Краснодарского края

Показатель (ед. изм. – млн. руб.)	2016	2017	2018	2019	2020
Доходы бюджета Краснодарского края	201498	233300	248539	291490	314880
Расходы бюджета Краснодарского края	201484	216955	235406	262956	319459
Профицит (Дефицит) бюджета края	14	16344	13133	28534	-4579
Доходы консолидированного бюджета Краснодарского края	260331	296894	316239	366573	387084
Расходы консолидированного бюджета Краснодарского края	260866	279425	300333	335042	388022
Профицит (Дефицит) консолидированного бюджета края	-535	17469	15906	31531	-938
Безвозмездные поступления в доходы местного бюджета	63291	75934	87068	85328	98657
Безвозмездные поступления в доходы бюджета края	33651	43948	40537	48530	95388
Безвозмездные поступления в доходы консолидированного бюджета края	33682	44317	40644	48475	95291
Профицит (Дефицит) консолидированного бюджета края за вычетом безвозмездных поступлений в доходы консолидированного бюджета края	-34217	-26848	-24738	-16944	-96229

Источник: по данным Открытого бюджета Краснодарского края ([Доходы бюджета...](#), [Источники финансирования...](#)).

Что касается бюджета Краснодарского края, в течение 2016–2019 годов он был профицитным, и только в 2020 году наблюдался дефицит бюджета. Однако за вычетом безвозмездных поступлений в краевой бюджет он был бы дефицитным на протяжении всех этих 5 лет. Это связано с тем, что в расходы бюджета края также включается безвозмездное финансирование местных бюджетов, поскольку на территории Краснодарского края находятся муниципальные образования, дефицит бюджета которых покрывается как за счёт краевого, так и за счёт федерального бюджета. В этом мы можем убедиться, если обратим внимание на то, что безвозмездные поступления в доходы местных бюджетов превышают безвозмездные поступления в доходы консолидированного бюджета края практически в 2 раза во все года, кроме 2020 года. Это говорит о том, что местные бюджеты получают дотации, субсидии и субвенции как из краевого, так и из федерального бюджета, используя краевой бюджет в качестве посреднического звена. Безвозмездные поступления из федерального бюджета в местный бюджет напрямую исчисляются относительно маленькими суммами и их можно рассчитать, как разницу между объёмами безвозмездных поступлений в консолидированный бюджет края и бюджет края. Бюджет края выполняет обязанности по обеспечению местных бюджетов как за счёт собственных краевых доходов, так и за счёт поступлений из федерального бюджета и межбюджетных трансфертов приблизительно в равной степени, а потому он и нуждается в этих безвозмездных поступлениях. Изобразим графически профицит (дефицит) консолидированного бюджета Краснодарского края на [Рисунке 4](#).

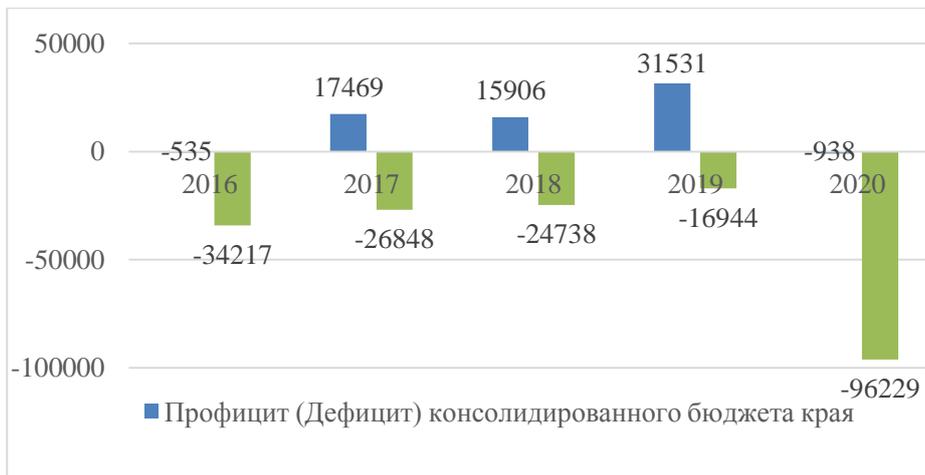

Рис. 4. Профицит (дефицит) консолидированного бюджета Краснодарского края
 Источник: по данным Открытого бюджета Краснодарского края
 (Доходы бюджета...; Источники финансирования...)

Как мы видим по **Рисунку 4**, дефицит консолидированного бюджета края наблюдался только в 2016 и 2020 годах и в основном нивелировался за счёт безвозмездных поступлений из федерального бюджета и межбюджетных трансфертов. В случае отсутствия финансирования из федерального бюджета и межбюджетных трансфертов дефицит консолидированного бюджета края был бы намного существеннее и наблюдался в каждом из 5 лет. Это говорит о том, что бюджет Краснодарского края так же, как и местные бюджеты в него входящие, зависимы от дотаций, субвенций и субсидий из федерального бюджета и межбюджетных трансфертов, что подтверждает тот факт, что Краснодарский край является регионом реципиентом.

5. Заключение

Как итог, хотелось бы обобщить все выводы, сделанные в ходе работы и заострить внимание на самых существенных из них:

- Наблюдается зависимость между структурой ВРП и структурой доходов бюджета Краснодарского края. Зависимость присутствует потому, что для того, чтобы вносить значительный вклад в ВРП региона, отрасль должна быть развита, а потому у неё должно быть достаточно имущества, а деятельность должна быть прибыльной. Чем больший вклад в ВРП вносит отрасль, тем больше имущества, трудозатрат она использует и прибыли получает, а основные доходы края формируются за счёт налоговых доходов от этих объектов налогообложения, поэтому и наблюдается зависимость;

- По большей части доходы бюджета края формируются за счёт налоговых доходов, а по меньшей части за счёт безвозмездных поступлений из федерального бюджета и межбюджетных трансфертов. Основная часть налоговых доходов Краснодарского края формируется за счёт федеральных налогов, таких как НДС, налог на прибыль и акцизы.

- Краснодарский край является регионом реципиентом. Это связано с тем, что местные бюджеты входящих в него муниципальных образований являются дефицитными, а потому край вынужден покрывать их дефицит за счёт собственных краевых средств и за счёт безвозмездных поступлений из федерального бюджета и межбюджетных трансфертов.

Литература

Бюджетный кодекс Российской Федерации – Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (в действующей редакции). 1997–2020. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 21.08.2021).

Доходы бюджета... – Доходы бюджета Краснодарского края за 2020 год. Таблица. Открытый бюджет Краснодарского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://openbudget23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/dokhody/dokhody-byudzheta> (дата обращения: 21.08.2021).

Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. – Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. N 3939-КЗ "О краевом бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов" (с изменениями и дополнениями). ООО "НПП "ГАРАНТ-СЕРВИС", 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/43693360/> (дата обращения: 21.08.2021).

Закон Краснодарского края от 23 декабря 2019 г. – Закон Краснодарского края от 23 декабря 2019 г. № 4200-КЗ "О краевом бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов" (с изменениями и дополнениями). Открытый бюджет Краснодарского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://openbudget23region.ru/o-byudzhete/dokumenty/ministerstv-o-finansov-krasnodarskogo-kрая/1113-zakon-krasnodarskogo-kрая-ot-23-dekabrya-2019-g-4200-kz-o-kraevom-byudzhete-na-2020-god-i-na-planovuy-period-2021-i-2022-godov> (дата обращения: 21.08.2021).

Источники финансирования... – Источники финансирования дефицита бюджета Краснодарского края. Открытый бюджет Краснодарского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://openbudget23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/istochniki-finansirovaniya-defitsita-byudzheta/istochniki-finansirovaniya-defitsita-byudzheta> (дата обращения: 21.08.2021).

Какие регионы... – Какие регионы делают экономику России? Политика и новости// Яндекс. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c92464482d27900b35f0400/kakie-regiony-delaiut-ekonomiku-rossii-5da215c46f5f6f00ad9b1a3e> (дата обращения: 21.08.2021).

Краснодарский край в цифрах, 2020 – Краснодарский край в цифрах, 2020. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Qxnk1bAT/Краснодарский%20край%20в%20цифрах%202020%20год.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).

Мещеряков, Козинец, 2021 – Мещеряков Г.В., Козинец Я.А. Некоторые аспекты экономического развития регионов-доноров и регионов-реципиентов на примере двух регионов. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-donorov-i-regionov-retsipientov-na-primere-dvuh-regionov> (дата обращения: 21.08.2021).

Налоговый кодекс Российской Федерации – Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31 июля 1998 года N 146-ФЗ (в действующей редакции). 1997–2020 КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 21.08.2021).

Нешиной, 2019 – Нешиной А.С. Бюджетная система Российской Федерации: учебник для бакалавров. 12-е изд. Москва: Дашков и К, 310 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/85134.html> (Дата обращения: 21.08.2021).

Площадь субъектов Российской Федерации – Площадь субъектов Российской Федерации. Wikipedia®. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Площадь_субъектов_Российской_Федерации (дата обращения: 21.08.2021).

Распределение доходов... – Распределение доходов бюджета по отраслям. Открытый бюджет Краснодарского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://openbudget23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/dokhody/raspredelenie-dokhodov> (Дата обращения: 21.08.2021).

Справка о состоянии... – Справка о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Краснодарского края на 15.06.2020 г. Справка подготовлена ФГБУ «ВСЕГЕИ» в рамках выполнения Государственного задания Федерального агентства по недропользованию от 26.12.2019 г. №049-00017-20-04. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202011/7340e7c1e3facaef72c1bb7e488808ce.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).

Структура фактических доходов бюджета – Структура фактических доходов бюджета. Диаграмма. Открытый бюджет Краснодарского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://openbudget23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/dokhody/dokhody-byudzheta> (дата обращения: 21.08.2021).

Цветова, 2019 – Цветова Г.В. Бюджетный процесс и межбюджетные отношения: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. 92 с. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/83807.html> (дата обращения: 21.08.2021).

References

- Byudzhetnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii** – Byudzhetnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 31.07.1998 N 145-FZ (v deistvuyushchei redaktsii) [Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 N 145-FZ (as amended). 1]. 1997–2020. Konsul'tantPlyus. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Dokhody byudzheta...** – Dokhody byudzheta Krasnodarskogo kraja za 2020 god. Tablitsa. Otkryty byudzhet Krasnodarskogo kraja [Budget revenues of the Krasnodar Territory for 2020. Table. Open budget of the Krasnodar Krai]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://openbudget23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/dokhody/dokhody-byudzheta> (data obrashcheniya: 21.08.2021). [in Russian]
- Istochniki finansirovaniya...** – Istochniki finansirovaniya defitsita byudzheta Krasnodarskogo kraja. Otkryty byudzhet Krasnodarskogo kraja [Sources of financing the budget deficit of the Krasnodar Territory. Open budget of the Krasnodar Krai]. [Electronic resource]. URL: <https://openbudget23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/istochniki-finansirovaniya-defitsita-byudzheta/istochniki-finansirovaniya-defitsita-byudzheta> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Kakie regiony...** – Kakie regiony delayut ekonomiku Rossii? Politika i novosti [Which regions make up the Russian economy? Politics and news]. Yandeks. [Electronic resource]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c92464482d27900b35f0400/kakie-regiony-delaiut-ekonomiku-rossii-5da215c46f5f6f00ad961a3e> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Krasnodarskii kraï v tsifrakh, 2020** – Krasnodarskii kraï v tsifrakh, 2020. Statisticheskii sbornik [Krasnodar Krai in figures, 2020. Statistical Book]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. [Electronic resource]. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Qxnk1bAT/Krasnodarskii%20kraï%20v%20tsifrakh%202020%20god.pdf> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Meshcheryakov, Kozinets, 2021** – Meshcheryakov, G.V., Kozinets, Ya.A. (2021). Nekotorye aspekty ekonomicheskogo razvitiya regionov-donorov i regionov-retsipientov na primere dvukh regionov [Some aspects of economic development of donor and recipient regions on the example of two region]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-donorov-i-regionov-retsipientov-na-primere-dvuh-regionov> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii** – Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (NK RF) ot 31 iyulya 1998 goda N 146-FZ (v deistvuyushchei redaktsii). 1997–2020 [Tax Code of the Russian Federation (Tax Code of the Russian Federation) dated July 31, 1998 N 146-FZ (as amended)]. Konsul'tantPlyus. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Neshitoy, 2019** – Neshitoy, A.S. (2019). Byudzhetnaya sistema Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov [The budgetary system of the Russian Federation: a textbook for bachelors]. 12-e izd. Moskva: Dashkov i K, 310 p. // Elektronno-bibliotchnaya sistema IPR BOOKS. [Electronic resource]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/85134.html> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Ploshchad' sub"ektov Rossiiskoi Federatsii** – Ploshchad' sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Area of constituent entities of the Russian Federation]. Wikipedia. [Electronic resource]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ploshchad'_sub"ektov_Rossiiskoi_Federatsii](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ploshchad'_sub) (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Raspredelenie dokhodov...** – Raspredelenie dokhodov byudzheta po otraslyam. Otkryty byudzhet Krasnodarskogo kraja [Distribution of budget revenues by industry. Open budget of the Krasnodar Krai]. [Electronic resource]. URL: <https://openbudget23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/dokhody/raspredelenie-dokhodov> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Spravka o sostoyanii...** – Spravka o sostoyanii i perspektivakh ispol'zovaniya mineral'no-syr'evoi bazy Krasnodarskogo kraja na 15.06.2020 g. [Information on the state and prospects of using the mineral resource base of the Krasnodar Krai as of 15.06.2020]. Spravka podgotovlena FGBU «VSEGEI» v ramkakh vypolneniya Gosudarstvennogo zadaniya Federal'nogo agentstva po nedropol'zovaniyu ot 26.12.2019 g. №049-00017-20-04. [Electronic resource]. URL: <https://rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202011/7340e7c1e3facaef72c1bb7e488808ce.pdf> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]
- Struktura fakticheskikh dokhodov byudzheta** – Struktura fakticheskikh dokhodov byudzheta. Diagramma. Otkryty byudzhet Krasnodarskogo kraja [Structure of actual budget revenues. Diagram. Open budget of the Krasnodar Krai]. [Electronic resource]. URL: <https://openbudget>

23region.ru/analitika/ispolnenie-byudzheta/dokhody/dokhody-byudzheta (date of access: 21.08.2021). [in Russian]

Tsvetova, 2019 – *Tsvetova, G.V.* (2019). Byudzhetnyi protsess i mezhbyudzhetnye otnosheniya: uchebnoe posobie [The budgetary process and interbudgetary relations: a tutorial]. Saratov: Ai Pi Er Media, 92 p. Elektronno-bibliotechnaya sistema IPR BOOKS. [Electronic resource]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/83807.html> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]

Zakon Krasnodarskogo kraja ot 21 dekabrya 2018 g. – Zakon Krasnodarskogo kraja ot 21 dekabrya 2018 g. N 3939-KZ "O kraevom byudzhete na 2019 god i na planovyi period 2020 i 2021 godov" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [the Law of the Krasnodar Territory of December 21, 2018 N 3939-KZ "On the regional budget for 2019 and for the planning period 2020 and 2021" (with amendments and additions)]. OOO "NPP "GARANT-SERVIS", 2021. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/43693360/> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]

Zakon Krasnodarskogo kraja ot 23 dekabrya 2019 g. – Zakon Krasnodarskogo kraja ot 23 dekabrya 2019 g. № 4200-KZ "O kraevom byudzhete na 2020 god i na planovyi period 2021 i 2022 godov" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Law of the Krasnodar Region of December 23, 2019 - Law of the Krasnodar Region of December 23, 2019 No. 4200-KZ "On the regional budget for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022" (with amendments and additions)]. Otkrytyi byudzhet Krasnodarskogo kraja. [Electronic resource]. URL: <https://openbudget23region.ru/o-byudzhete/dokumenty/ministerstv-o-finansov-krasnodarskogo-kraja/1113-zakon-krasnodarskogo-kraja-ot-23-dekabrya-2019-g-4200-kz-o-kraevom-byudzhete-na-2020-god-i-na-planovyyj-period-2021-i-2022-godov> (date of access: 21.08.2021). [in Russian]

УДК 332.14

Анализ доходов бюджета Краснодарского края

Татьяна Евгеньевна Гварлиани ^{a, *}, Эмиль Леонович Варвашян ^a

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье отражены основные результаты исследования, посвященного изучению доходов бюджета Краснодарского края. Во время исследования учитывались экономические особенности региона, такие как сельскохозяйственная специфика, расположение региона, степень развитости различных отраслей экономики. Эта информация использовалась при аналитике доходов бюджета края. Важнейшей задачей органов государственной власти территорий и органов местного самоуправления является выполнение возложенных на них функций, а именно: предоставление населению и хозяйствующим субъектам определенных услуг, создание условий для безопасной жизнедеятельности и т.п. Условием выполнения указанных функций является наличие достаточного объема финансовых ресурсов в бюджетах различных уровней. Поскольку основную долю доходов региональных бюджетов составляют налоговые доходы, а для Краснодарского края это, прежде всего, НДФЛ, налог на прибыль организаций и налог на имущество организаций – вопрос о достижении адекватной оценки объемов налоговых поступлений приоритетным и актуальным, что нашло отражение в представленном исследовании. Исследование выстроено на основе экономического анализа динамики и структуры доходов бюджета края. При этом рассматривались налоговые, неналоговые доходы бюджета, а также безвозмездные поступления, доходы бюджета края в разрезе различных отраслей экономики. Целью статьи является выявление факторов, характеризующих особенности формирования бюджетных доходов Краснодарского края.

Ключевые слова: экономика, доходы и расходы бюджета, налоговые и неналоговые доходы, безвозмездные поступления, уровни бюджета, профицит, дефицит бюджета.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: antana-tata@mail.ru (Т.Е. Гварлиани), varvashtyan.emil@gmail.com (Э.Л. Варвашян)

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 257-263

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

Educational Tourism Development Trends

Tatyana E. Gvarliani^{a,*}, Madina B. Kamkiya^a

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the mechanisms of spatial and economic organization of national tourism. In terms of macroeconomic instability, stimulating national demand for tourist and recreational services contributes to a positive socio-economic effect for the regions of Russia. The article considers the problems of the development of tourist and recreational activities and the creation of conditions for the sustainable growth of new types of tourism. Trends in the global and Russian demand for tourist services led to the conclusion that there is a growing interest in educational types of tourism, the historical and cultural heritage of the country and regions, and education. The modern consumer strives to combine several goals: recreation and recreation, obtaining professionally significant education and advanced training, leisure and entertainment. In terms of limited opportunities, national tourism is an urgent direction of socio-economic development of many states, to which Abkhazia belongs. The effective use of available resources can contribute to the intensification of the national tourist flow, information and cultural exchange, and improvement of public health. The most effective mechanisms for the development of domestic tourism in the Republic of Abkhazia are identified: project, cluster, based on a programmatic approach to overcoming industry, infrastructure and economic constraints. The concept of the mechanism of development of national tourism, its management elements is characterized. A comprehensive analysis of the socio-economic potential of the development of domestic tourism of the Republic of Abkhazia is presented. A model of the mechanism for the development of national tourism in the region is proposed, which is appropriate in the situational conditions of macroeconomic instability.

Keywords: national tourism, development mechanisms, spatial and economic organization, project-cluster approach.

1. Введение

Современный период развития глобальной экономики можно охарактеризовать как экономику услуг, так как данный сектор развивается стремительными темпами и, несмотря на затяжные кризисы, занимает все большую долю в валовом региональном продукте стран. Туризм является интегральным видом экономической, социальной и культурной деятельности, способствует информационно-коммуникационному обмену и развитию деловых связей между государствами и регионами. Для многих стран особую актуальность приобретает развитие внутреннего туризма, что обусловлено неблагоприятным геополитическим фоном.

Проблемы развития туристско-рекреационной деятельности и создания условий для устойчивого роста новых видов туризма традиционно актуальны, им посвящены работы

* Corresponding author

E-mail addresses: antana-tata@mail.ru (T.E. Gvarliani), madinakamkia@gmail.com (M.B. Kamkiya)

многих отечественных авторов, условно их можно разделить на несколько направлений:

- особенности пространственно-экономического развития туризма в различных ситуационных условиях и ограничениях (Александрова, 2018; Берлин и др., 2018; Оборин, 2021; Карпова, Валеева, 2021);

- тенденции и факторы устойчивого развития отдельных направлений туристско-рекреационной деятельности, обусловленные системными и территориальными особенностями российских регионов (Карпова, Ткачев, 2019; Гварлиани, Карандасова, 2021; Цулая, Кучер, 2014);

- инновационное развитие и ресурсно-кадровое обеспечение сферы туризма (Гриненко, 2019; Романова, Ветитнев, 2015; Романова, Ветитнев, 2015).

Тенденции мирового и российского спроса на туристские услуги позволяют сделать вывод о том, что растет интерес к познавательным видам туризма, историко-культурному наследию страны и регионов, образованию. Современный потребитель стремится сочетать несколько целей: отдых и оздоровление, получение профессионально значимого образования и повышения квалификации, досуг и развлечения.

Внутренний туризм является актуальным направлением социально-экономического развития многих государств, к которым относится Абхазия. Эффективное использование имеющихся ресурсов может способствовать интенсификации внутреннего туристского потока, информационно-культурному обмену, улучшению здоровья населения.

2. Материалы и методы

В статье использовались методологические основы, сформулированные в программе стратегического социально-экономического развития страны, системный и управленческий анализ, результаты научно-теоретических и практических исследований по реализации проектного и кластерного подходов к организации и формированию туристско-рекреационных систем различного уровня. В числе методов исследования использовали анализ, синтез, системный анализ, ситуационный подход.

3. Обсуждение

Развитие внутреннего туризма регионов объективно обусловлено сложной макроэкономической и геополитической ситуацией, различными ограничениями, вызванными пандемией COVID-19. Республика Абхазия обладает необходимыми туристско-рекреационными ресурсами, обеспечивающими стабильный туристский поток и платежеспособный спрос.

Общая численность населения Абхазии на 1 января 2020 года составляла 245 424 человека, что на 0,9 % больше в сравнении с показателями за 2015 год и на 12,8 %, чем в 2003 году, такие данные опубликованы на сайте Государственной статистики страны.

Динамика численности населения представлена на [Рисунке 1](#).

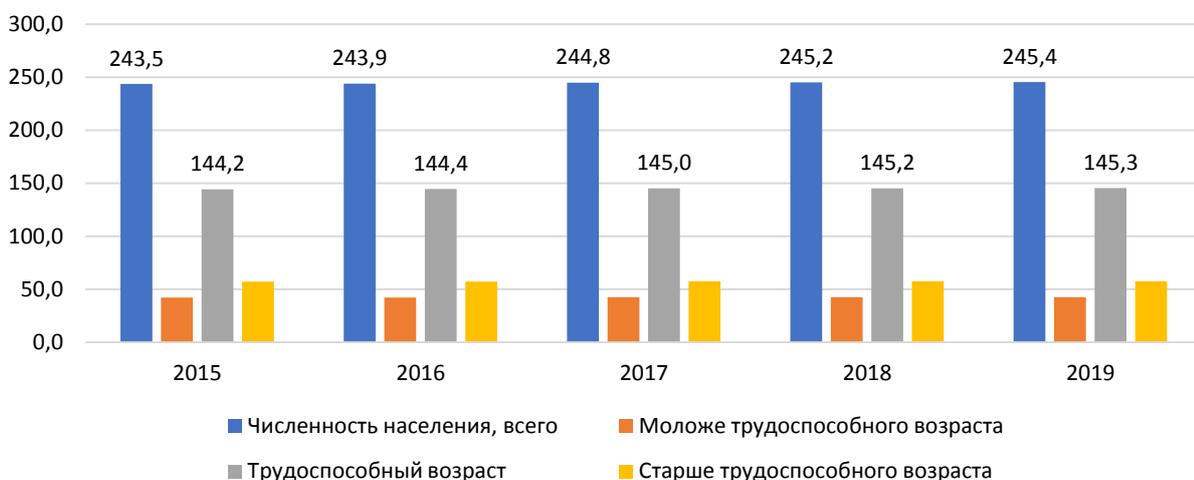

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Абхазия в 2015-2019 гг., тыс. чел. (Абхазия в цифрах, 2019)

Чуть больше половины населения в 2019 году проживало в городах республики, а количество проживающих в Сухуме людей почти дотянуло до 27% от общего числа населения. В прошлом году в Абхазии числилось 115 139 мужчин и 130 285 женщин. Соотношение численности населения по половозрастной структуре представлено на [Рисунке 3](#).

Среди районов Абхазии по численности населения лидирует Гагрский район, где к началу 2020 года проживало более 39 тысяч человек. На втором месте – Гудаутский район с населением чуть больше 38 с половиной тысяч человек, а на третьем – Галский район, где в тот период проживало 30 268 человек. Наименьшие показатели зафиксированы в Сухумском районе – почти 11 с половиной тысяч человек. Абхазы, грузины и армяне составляют большинство населения (51 %, 17,7 %, 17,06 % соответственно), доля русского населения менее 10 %.

По официальным данным, число занятого населения в 2019 году в Абхазии составляло 42 тысячи 188 человек, что на 89 человек меньше, чем в 2015 году, и на 639 человек меньше, чем годом ранее. Динамика соотношения численности населения с трудоспособным и официально трудоустроенным представлена на [Рисунке 2](#).

Рис. 2. Динамика соотношения численности населения Республики Абхазия с трудоспособным и официально трудоустроенным в 2015-2019 гг., чел. ([Абхазия в цифрах, 2019](#))

Самая значительная часть занятых распределена по сферам управления и услуг, которые растут значительными темпами в последние 3 года: 18 тыс. чел. и 9,5 тыс. чел. соответственно. В сфере, относящейся к курортам и туризму, работают около трех тысяч населения. Отраслевая структура занятости представлена семью основными отраслями, в которых занята большая часть населения республики ([Рисунок 3](#)).

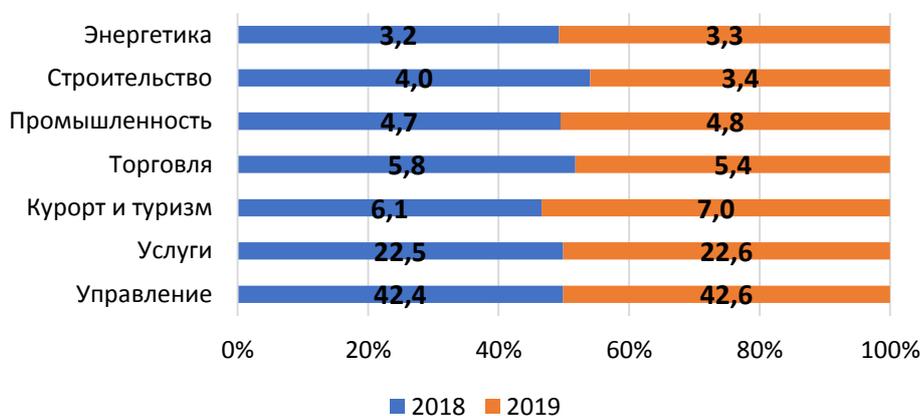

Рис. 3. Отраслевая структура занятости населения Республики Абхазия в 2018-2019 гг., % ([Абхазия в цифрах, 2019](#))

Больше занятых стало в секторах управления, услуг, энергетики и строительства, снижение численности трудоустроенных в торговле и туризме объясняется нелегальным характером бизнеса.

Уникальные рекреационные возможности, которыми обладает Абхазия, располагают всеми условиями для создания горнолыжного курорта и в летний курортный сезон. В 2019 году в санаториях и учреждениях отдыха лечилось и отдыхало 138,9 тыс. чел., из них 132,5 тыс. чел. пользовались длительным лечением и отдыхом. Численность участников экскурсий в 2019 году составила 984,3 тыс. чел., из них 277,5 тыс. чел. посетили Ново-Афонскую пещеру. Динамика численности санаториев, учреждений отдыха и туризма республики Абхазия представлена в [Таблице 1 \(Абхазия в цифрах, 2019\)](#).

Таблица 1. Динамика численности санаториев, учреждений отдыха и туризма республики Абхазия

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Санатории и пансионаты с лечением, ед.	4	4	4	4	11	9	9
Дома и пансионаты отдыха, ед.	43	40	41	45	38	41	44
Другие учреждения отдыха и туризма, ед.	26	29	29	28	27	29	39

В 2018–2019 годах отмечается положительная динамика численности средств размещения сферы туризма региона. Динамика численности лечившихся и отдохавших в санаториях, учреждениях отдыха и туризма республики Абхазия представлена в [Таблице 2 \(Абхазия в цифрах, 2019\)](#).

Таблица 2. Динамика численности лечившихся и отдохавших в санаториях, учреждениях отдыха и туризма республики Абхазия

Показатель	2012	2015	2018	2019
Всего лечилось и отдыхало, чел.	126387	152925	131742	138957
Санатории и пансионаты с лечением, чел.	6168	5393	60778	49374
Дома и пансионаты отдыха, чел.	95098	120655	46309	66341
Другие учреждения отдыха и туризма, чел.	25121	26877	24655	23242

Характерной чертой сферы туризма и рекреации Республики Абхазия на современном этапе развития является сезонный характер функционирования большинства средств размещения, как в сегменте коллективных, так и индивидуальных средств размещения.

4. Результаты

Основываясь на результатах проведенного анализа, наибольшим потенциалом развития обладают такие виды туризма, как образовательный, лечебно-оздоровительный, спортивный и познавательный, который может быть представлен несколькими программами для таких групп, как школьники начальной и средней школы; школьники старших классов; студенты.

Каждая программа включает несколько услуг, формируя многокомпонентную услугу, ориентированную на гармоничное развитие и отдых школьников и студентов. Сочетание познавательного и образовательного компонентов дополняется лечебно-оздоровительным курсом, рассчитанным на 7, 10 или 14 дней в зависимости от каникул. Летом могут предлагаться более длительные программы, сходя из опыта совместной работы, соотношения затрат и дохода.

Познавательные программы будут реализованы по направлениям, которые обладают ценностными характеристиками для различных категорий населения, связаны с

достопримечательностями республики.

Образовательные программы: профильные лагеря в каникулярное время, предусматривающие посещение учебных заведений – СПО и ВУЗов – по предполагаемым направлениям поступления, прохождение практик, экскурсий и мастер-классов на предприятиях, чтобы получить первичные профессиональные навыки, что особенно актуально для учащихся старших классов, выбора экзаменов и будущей профессии.

Лечебно-оздоровительные и спортивные программы: предусматривают комплекс мероприятий, направленных на восстановление психофизиологических ресурсов организма.

Основными факторами риска реализации проектно-кластерного подхода являются финансовая и инвестиционная зависимость, кризисная ситуация в экономике, вызванная пандемией.

5. Заключение

Республика Абхазия характеризуется разнонаправленными социально-экономическими тенденциями, выявленные проблемы дисбаланса туристского потока по районам и низкий уровень платежеспособности населения существенно усугубились кризисом, вызванным пандемией. Выбранная группа внутренних потребителей (школьники, студенты) является достаточно многочисленной. Комплексное предложение направлено на социально-экономический эффект, его целесообразно реализовать на проектно-кластерной основе, поскольку таким образом будут развиваться отраслевые предприятия, инфраструктура, территория, возникнут благоприятные условия для трудоустройства и привлечения бизнеса. Проекты развития внутреннего туризма будут включать: программу (описание предложения из многокомпонентной услуги), инфраструктурное, организационно-экономическое и кадровое обеспечение, описание маршрутов по региону присутствия. Основные предприятия будут объединяться в кластер на основе совместной проектной работы. Результаты кластера будут распределяться на потребителей, участников рынка и территорию.

Литература

Абхазия в цифрах, 2019 – Абхазия в цифрах 2019: Государственный Комитет Республики Абхазия по статистике. Сухум: ИП «Лагвилава А.», 2020. 157 с.

Александрова, 2018 – Александрова А.Ю. Современные особенности пространственного развития туризма // *География и туризм*. 2018. № 2. С. 12-16.

Берлин и др., 2018 – Берлин С.И., Берлина С.Х., Хуако Х.Ш., Шишкина Н.А. Системные проблемы туризма в России и пути их решения // *Курорты. Сервис. Туризм*. 2018. № 2 (27). С. 62-67.

Гварлиани, Карандасова, 2021 – Гварлиани Т.Е., Карандасова Я.В. Экосистемный подход к социально-экономической ответственности предприятий курортных территорий // *Сервис в России и за рубежом*. 2021. Т. 15. № 1 (93). С. 14-23.

Гриненко, 2019 – Гриненко С.В. Управление формированием и развитием инновационных туристско-рекреационных кластеров в императивах устойчивого экономического роста // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2019. № 25 (3). С. 58-65.

Карпова, Валеева, 2021 – Карпова Г.А., Валеева Е.О. Проблемы и перспективы развития туризма в условиях пандемии // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2021. № 1 (127). С. 97-104.

Карпова, Ткачев, 2019 – Карпова Г.А., Ткачев В.А. Перспективные направления развития экологического туризма в России // *Вестник Национальной академии туризма*. 2019. № 2 (50). С. 15-16.

Оборин, 2021 – Оборин М.С. Последствия влияния пандемии COVID-19 на мировой туризм // *Сервис в России и за рубежом*. 2021. Т. 15. № 1 (93). С. 47-58.

Романова, Ветитнев, 2015 – Романова Г.М., Ветитнев А.М. Подготовка кадров для индустрии спорта и туризма – стратегическая задача // *Теория и практика физической культуры*. 2015. № 1. С. 3-5.

Романова, Ветитнев, 2015 – Романова Г.М., Ветитнев А.М. Импортзамещение в туризме: новые возможности для российской туристической индустрии // *Известия Сочинского государственного университета*. 2015. № 1. С. 144-150.

Цулая, Кучер, 2014 – Цулая И.В., Кучер М.О. Анализ туристского рынка Гагрского района Республики Абхазия в 2014 // *Вестник Адыгейского государственного*

университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2016. № 2 (161). С. 116-124

References

- [Abkhaziya v tsifrakh...](#), 2019 – Abkhaziya v tsifrakh 2019: Gosudarstvennyj Komitet Respubliki Abkhaziya po statistike [Abkhazia in numbers 2019: The State Committee of the Republic of Abkhazia on Statistics]. Suhum: IP «Lagvilava A», 2020. 157 p. [in Russian]
- [Aleksandrova, 2018](#) – *Aleksandrova, A.Yu.* (2018). Sovremennye osobennosti prostranstvennogo razvitiya turizma [Modern features of the spatial development of tourism]. *Geografiya i turizm*. 2: 12-16. [in Russian]
- [Berlin i dr., 2018](#) – *Berlin, S.I., Berlina, S.H., Huako, H.Sh., Shishkina, N.A.* (2018). Sistemnye problemy turizma v Rossii i puti ih resheniya [Systemic problems of tourism in Russia and ways to solve them]. *Kurorty. Servis. Turizm*. 2(27): 62-67. [in Russian]
- [Gvarliani, Karandasova, 2021](#) – *Gvarliani, T.E., Karandasova, Ya.V.* (2021). Ekosistemnyj podhod k social'no-ekonomicheskoj otvetstvennosti predpriyatij kurortnyh territorij [Ecosystem approach to the socio-economic responsibility of resort enterprises]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 15. 1(93): 14-23. [in Russian]
- [Grinenko, 2019](#) – *Grinenko, S.V.* (2019). Upravlenie formirovaniem i razvitiem innovacionnyh turistsko-rekreacionnyh klasterov v imperativah ustojchivogo ekonomicheskogo rosta [Managing the formation and development of innovative tourist and recreational clusters in the imperatives of sustainable economic growth]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 25 (3): 58-65. [in Russian]
- [Karpova, Valeeva, 2021](#) – *Karpova, G.A., Valeeva, E.O.* (2021). Problemy i perspektivy razvitiya turizma v usloviyah pandemii [Problems and prospects of tourism development in the context of a pandemic]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 1(127): 97-104. [in Russian]
- [Karpova, Tkachev, 2019](#) – *Karpova, G.A., Tkachev, V.A.* (2019). Perspektivnye napravleniya razvitiya ekologicheskogo turizma v Rossii [Promising directions for the development of ecological tourism in Russia]. *Vestnik Nacional'noj akademii turizma*. 2(50): 15-16. [in Russian]
- [Oborin, 2021](#) – *Oborin, M.S.* (2021). Posledstviya vliyaniya pandemii COVID-19 na mirovoj turizm [The impact of the COVID-19 pandemic on world tourism]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 15. 1 (93): 47-58. [in Russian]
- [Romanova, Vetitnev, 2015](#) – *Romanova, G.M., Vetitnev, A.M.* (2015). Podgotovka kadrov dlya industrii sporta i turizma – strategicheskaya zadacha [Training of personnel for the sports and tourism industry is a strategic task]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1: 3-5. [in Russian]
- [Romanova, Vetitnev, 2015](#) – *Romanova, G.M., Vetitnev, A.M.* (2015). Importozameshchenie v turizme: novye vozmozhnosti dlya rossijskoj turindustrii [Import substitution in tourism: new opportunities for the Russian tourism industry]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 144-150. [in Russian]
- [Tsulaya, Kucher, 2014](#) – *Tsulaya, I.V., Kucher, M.O.* (2014). Analiz turistskogo rynka Gagrskogo rajona Respubliki Abkhaziya v 2014 [Analysis of the tourist market of the Gagra district of the Republic of Abkhazia in 2014]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*. 2 (161): 116-124. [in Russian]

УДК 348

Механизмы пространственно-экономического развития внутреннего туризма

Татьяна Евгеньевна Гварлиани ^{a, *}, Мадина Беслановна Камкия ^a

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: antana-tata@mail.ru (Т.Е. Гварлиани), madinakamkia@gmail.com (М.Б. Камкия)

Аннотация. Статья посвящена исследованию механизмов пространственно-экономической организации внутреннего туризма. В условиях макроэкономической нестабильности стимулирование внутреннего спроса на туристско-рекреационные услуги способствует положительному социально-экономическому эффекту для регионов России. В статье рассмотрены проблемы развития туристско-рекреационной деятельности и создания условий для устойчивого роста новых видов туризма. Тенденции мирового и российского спроса на туристские услуги позволили сделать вывод о том, что растет интерес к познавательным видам туризма, историко-культурному наследию страны и регионов, образованию. Современный потребитель стремится сочетать несколько целей: отдых и оздоровление, получение профессионально значимого образования и повышения квалификации, досуг и развлечения. В условиях ограниченных возможностей внутренний туризм является актуальным направлением социально-экономического развития многих государств, к которым относится Абхазия. Эффективное использование имеющихся ресурсов может способствовать интенсификации внутреннего туристского потока, информационно-культурному обмену, улучшению здоровья населения. В статье определены наиболее эффективные механизмы развития внутреннего туризма республики Абхазия: проектный, кластерный, основанные на программном подходе к преодолению отраслевых, инфраструктурных и экономических ограничений. Охарактеризовано понятие механизма развития внутреннего туризма, его управленческих элементов. Представлен комплексный анализ социально-экономического потенциала развития внутреннего туризма республики Абхазия. Предложены элементы механизма развития внутреннего туризма региона, целесообразная в ситуационных условиях макроэкономической нестабильности.

Ключевые слова: внутренний туризм, механизмы развития, пространственно-экономическая организация, проектно-кластерный подход.

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 264-272

www.vestnik.sutr.ru

UDC 339.3

Analysis of the Growth of E-Commerce in Russia

Vyacheslav E. Konovalov ^{a, *}

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the dynamics of e-commerce development and provides statistics on popular trends in online commerce in Russia. According to the data presented in the article, currently online commerce is a rapidly developing industry all over the world, and especially in Russia. Russia ranks 10th in terms of money in consumer e-commerce among all countries in the world, as well as 1st in the world in terms of the growth dynamics of consumer e-commerce. Over the past couple of years, the share of online sales in Russia from the entire retail has grown almost 2 times and occupies not a small part of the entire sales market in the country. This article will identify the reasons for this abnormal growth, as well as consider the calculations of this market from specialists for the next three years. The analysis of data and statistics was carried out, which show why the growth of this market was made, and also the most developing industries and directions of Russian e-commerce were identified. The factors affecting the market due to the coronavirus pandemic and the restrictions associated with it were also identified.

Keywords: e-commerce, online trading, trade Russia, online shopping, coronavirus trade factors, online business, marketplace.

1. Введение

Интернет-торговля — это динамично развивающаяся отрасль во всем мире ([Интернет-торговля в России](#)). Интернет предоставляет все больше возможностей потребителю для изучения продукции, так как потребитель может быстро ознакомиться с продукцией и определить, является ли товар, предлагаемый местными торговыми компаниями, продукцией высокого или низкого качества.

Электронная коммерция, включает в себя все финансовые и торговые транзакции, осуществляемые при помощи компьютерных сетей, и бизнес-процессы, связанные с проведением таких транзакций ([Волохов, 2019](#)).

В результате известных событий 2020 года, повлекшими за собой существенные экономические потрясения и преобразования, тенденция роста рынка электронной коммерции многократно усилилась. Наблюдаемое ранее энергичное движение бизнеса в сторону освоения и развития своего бренда в сети, в результате пандемии стало еще более активным ([Виси.ру](#)).

И в этом нет ничего удивительного, ведь, во-первых, возникшие ограничения, связанные с предотвращением распространения COVID-19, поставили многие компании в положение, при котором единственно возможным вариантом их выживания стала интернет торговля. А, во-вторых, пандемия оказала влияние и на поведенческую активность

* Corresponding author

E-mail addresses: slk2395@yandex.ru (V.E. Konovalov)

потребителя, который в условиях ковид-ограничений и масочного режима стал меньше посещать привычные торговые офлайн-площадки, предпочитая им интернет-магазины.

2. Материалы и методы

В методологическую основу исследования положены следующие основные методы и подходы: статистический, аналитический и сравнительный.

Источниками информации для написания данной статьи являются статистические и аналитические труды, отечественных и иностранных исследовательских агентств, которые изучали рынок последние несколько лет.

3. Обсуждение и результаты

На 2021 год доля электронной коммерции от всего ретейла в целом составляет 17,6 %, хотя в том же 2018 году, эта доля была меньше 12 % (Рисунок 1). Такой большой рост, говорит о том, что интернет торговля уже перестает быть нишевой торговлей и начинает адаптироваться во все сферы продаж (Алексейчева и др., 2019). Ко всему прочему, эта статистика предоставляет только размер продаж магазинов в интернете, и она не учитывается влияние интернет площадки на оффлайн продажи. Наличие магазина в онлайн, влияет на все стороны бизнеса, его представленность и прозрачность для покупателей.

Рис. 1. Доля интернет коммерции от общего рынка в мире

По подсчету аналитиков, эта доля превысит 20 % уже в 2023 году (E-Marketer). Такие темпы роста говорят, что в скором времени, интернет коммерция может отобрать большую часть рынка у оффлайн продаж.

Хоть Россия на данный момент имеет низкую базу электронной продажи и за 2020 год она составила меньше 2,5 триллионов рублей (Euromonitor International). Однако темпы роста огромные и составили 44 % (Рисунок 2), что является наивысшим результатом, среди всех стран в мире. К сравнению общемировая тенденция роста составляет около 17 % (Data Insight). Так же доля интернет торговли от всего рынка в России составила 9 % в 2020 году. Всего несколько лет назад, говоря об онлайн продажах в России, насчитывались всего 3-4 %, и казалось, что эта доля незначительна, чтобы ей уделять фокусное внимание.

Количество покупателей в России через электронную коммерцию на конец 2020 года составило больше 10 миллионов, при этом на начало года этот показатель был всего в 6,7 млн человек (Яндекс.Маркет Аналитика). Но такой большой рост, естественно, произошел не сам по себе, а по большей части из-за пандемии и коронавирусных ограничений в стране, которые подвинули тех покупателей, которые не решались на покупки в онлайн, начать это делать (Панкратова, 2019). На графике ниже (Рисунок 3), виден большой искусственный рост, вызванный локдауном и после его окончания, количество покупателей в интернете упало на прежний уровень, связанно это в большей степени с тем, что люди соскучились по оффлайн магазинам. Но начиная с осени, люди решили вернуться в онлайн и естественным образом график пошел вверх.

Оборот крупнейших потребительских e-commerce рынков мира, 2020E г., млрд \$

Рост потребительских e-commerce рынков мира, 2019-20E г., %

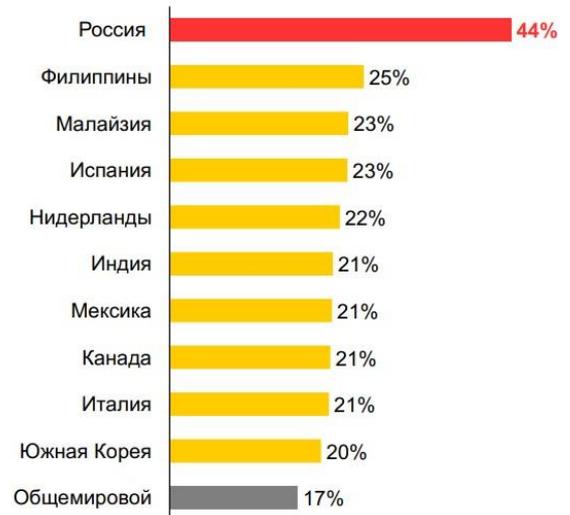

Рис. 2. Позиции России в электронной коммерции

Январь—декабрь 2020

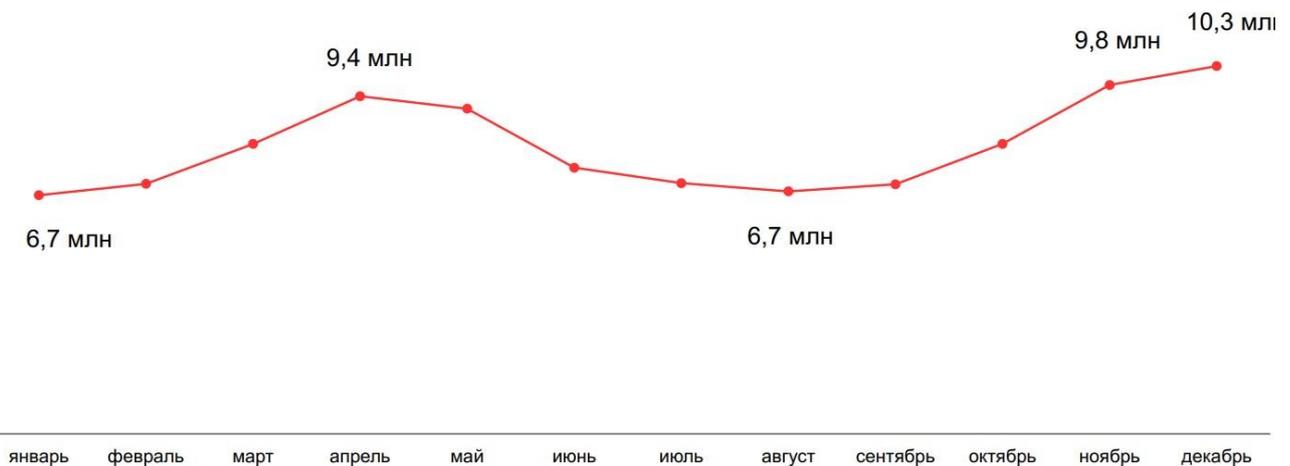

Рис. 3. Количество покупателей в интернете в России

Эффекты эпидемии:

- Рост охвата онлайн-покупок в некоторых категориях, такие как средства личной гигиены, продукты, одежда и обувь.
- Заметное увеличение частоты онлайн-покупок в таких категориях как продукты, товары для малышей и детская одежда и обувь.
- Снижение охвата трансграничной торговли. Доля покупок только в российских онлайн-магазинах выросла за год с 21 % до 32 %. То есть люди в России стали предпочитать наши магазины, нежели зарубежные.
- Средний чек покупок в российских магазинах немного снизился, за счет увеличения охвата и частоты покупок в категориях повседневных товаров.

Если посмотреть на категории товаров и их динамику последних двух лет, то все они, кроме электроники значительно выросли (Рисунок 4). Не такой большой сравнительный рост в категории электроники можно объяснить тем, что она и так в большом объеме продавалась в интернете и до пандемии (Баскакова, Сейко, 2020). Можно выделить очевидный рост категории компьютерная техника в 79 %, т.к. когда населению пришлось

сесть на карантин, многие люди стали работать из дома и для большинства работников, наличие компьютерной техники для нахождения в рабочем процессе было очень важным фактором, поэтому спрос на эти товары вырос (Новиков и др., 2020). Рост 276 % на продукты тоже весьма очевиден и понятен из-за того, что люди меньше хотели появляться в общественных местах и снизить вероятность заражения. Но есть категории, рост которых был не столь очевиден и рост которых не ограничился одной лишь пандемией – это товары для дома. Большим цифрам такого роста, эта категория обязана так же тем, что появилось много контента, который раньше не существовал в онлайн и большинство магазинов научились делать качественный контент, который позволяет покупателю увидеть товар с разных сторон, увидеть товар таким образом, которым покупатель хотел бы его увидеть для того, что бы совершить свой выбор.

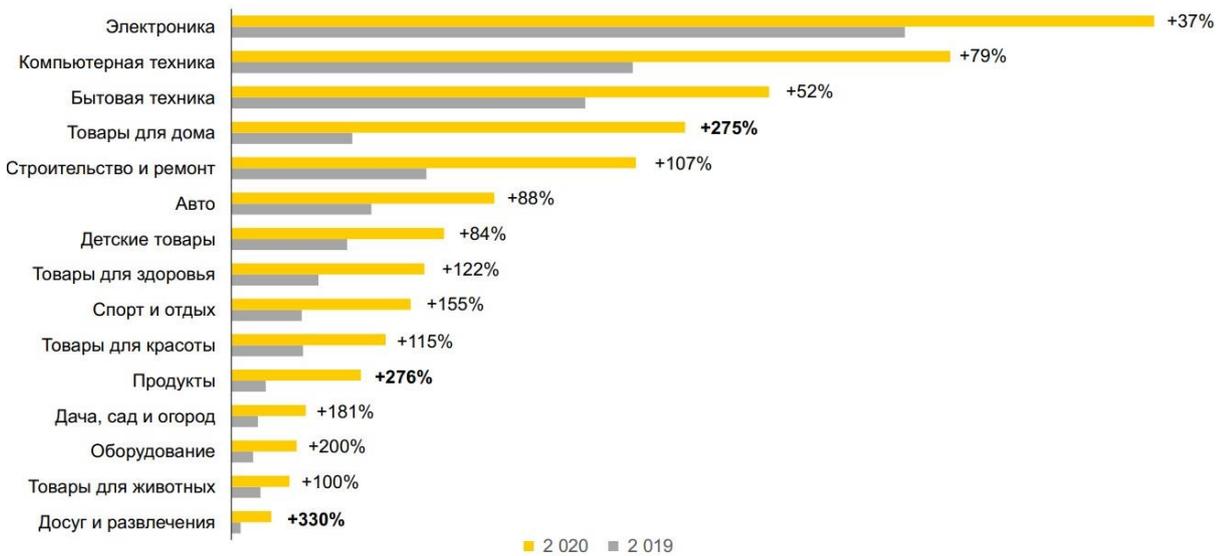

Рис. 4. Динамика категорий продаж в электронной коммерции

Если говорить о возрастной сегментации рынка, то большую часть рынка составляют люди 25-34 лет с 33 % и 35-44 лет с 31 % (Рисунок 5). Что же касается пола, то это будет 51 % женщины от рынка и 49 % мужчин соответственно. Учитывая, что возраст целевой аудитории 25-44 года и женщин в этом возрасте как раз чуть больше, чем мужчин, то можно сказать, что количество покупателей разных полов поровну.

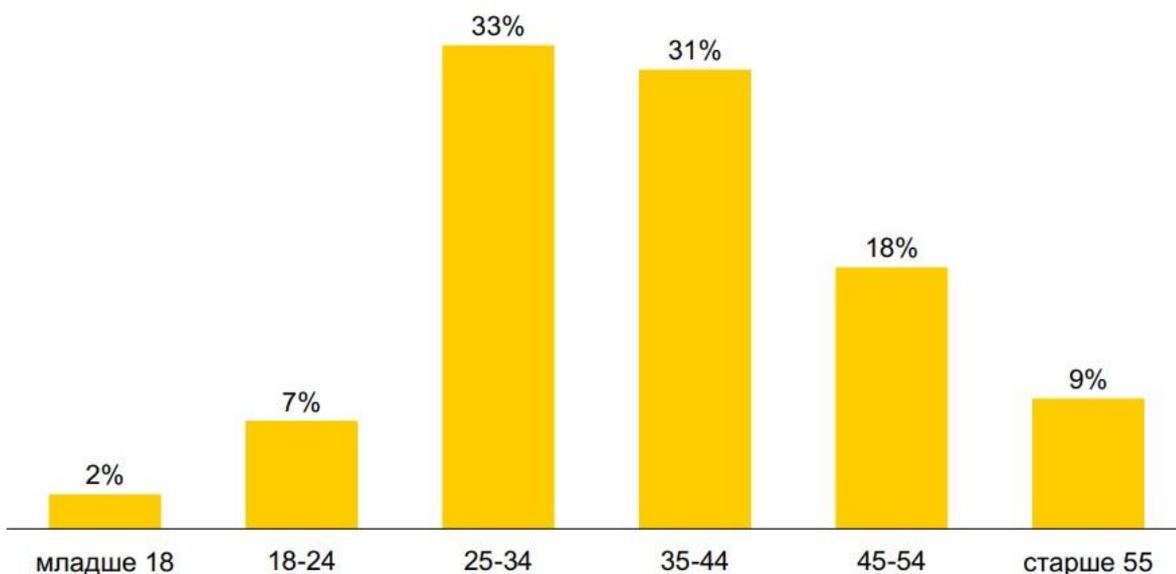

Рис. 5. Возраст покупателей в онлайн в 2020 году

Что же, говоря о структуре электронной коммерции в России, то можно выделить, что доля топ-100 интернет-магазинов, упала с 85 % до 68 % (Статистический сборник..., 2020).

Это говорит о том, что для бизнеса разного уровня, появилась больше возможности получить долю рынка в интернет торговле и успешно развиваться (Балабанов, 2019). Если посмотреть на динамику по регионам, то предсказуемо большую часть рынка имеет Центральный Федеральный округ. Если посмотреть на график, то видно, чем восточней округ, тем меньшую долю рынка он имеет (Рисунок 6).

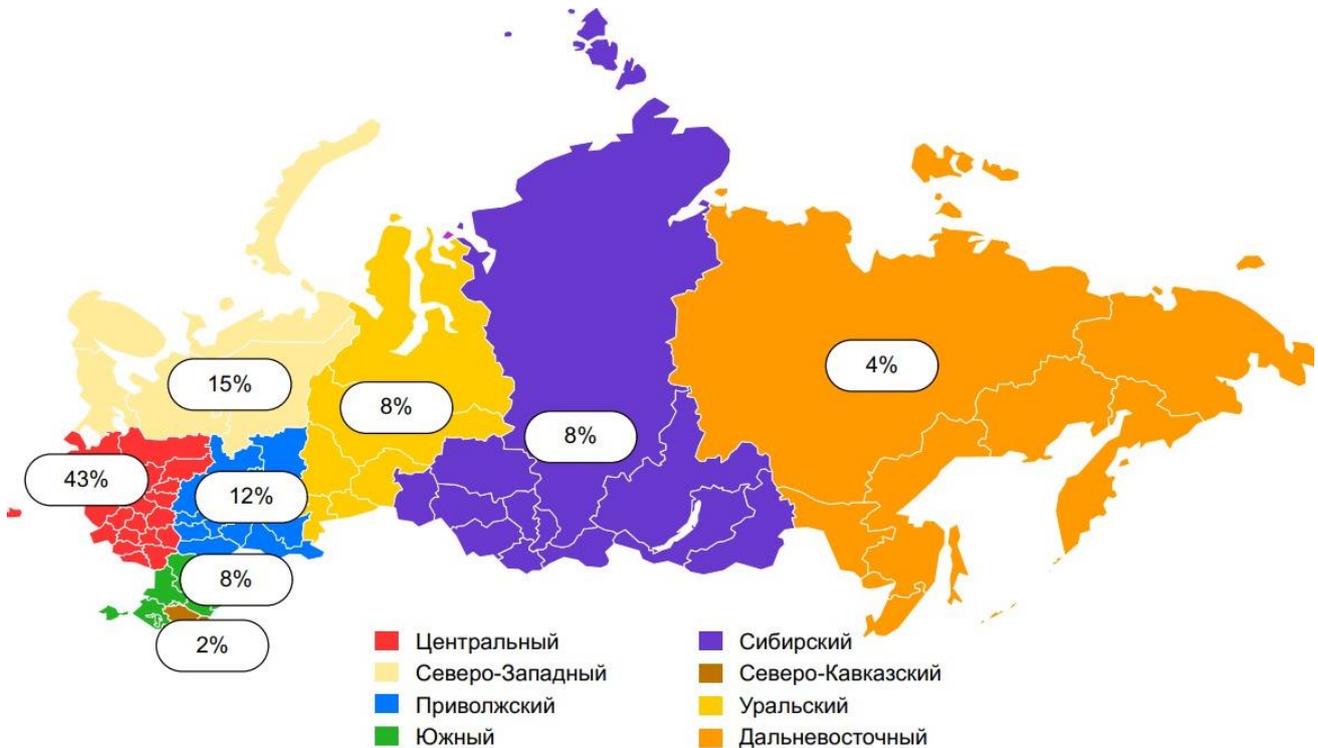

Рис. 6. Доли округов в обороте за 2020 год

Но если смотреть на динамику и скорость роста, то тут уже будет картина другая и чем восточнее округ, тем выше рост в доле электронной коммерции (Рисунок 7).

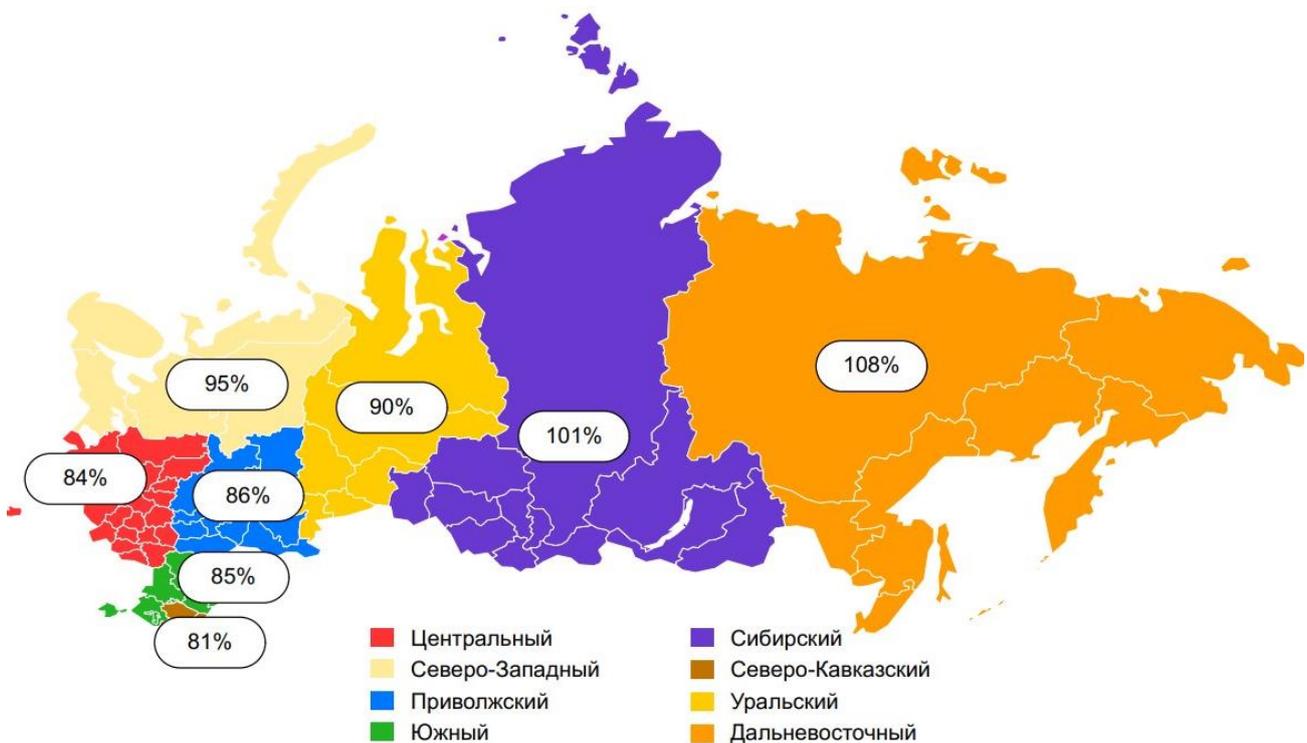

Рис. 7. Динамика округов за 2020 год

Если раньше бизнес рассматривал в основном Центральный Федеральный округ (Технология розничной торговли) и большие города как целевые сегменты рынка, то сейчас средние и даже небольшие города со 100 тысячным населением демонстрируют значительный рост. Это подвигает открывать рынки в разных сегментах и в самых разных регионах страны.

Что же касается причин лояльности к интернет-магазинам, то можно выделить такие критерии, как большой ассортимент, акции и скидки, известность магазина, а также большое количество пунктов выдачи заказов (**Рисунок 8**).

Рис. 8. Причины выбора любимого интернет-магазина

Цена товара, удобная доставка и большой ассортимент – основные факторы выбора магазина у покупателей среди конкурентов на интернет площадке (**Рисунок 9**).

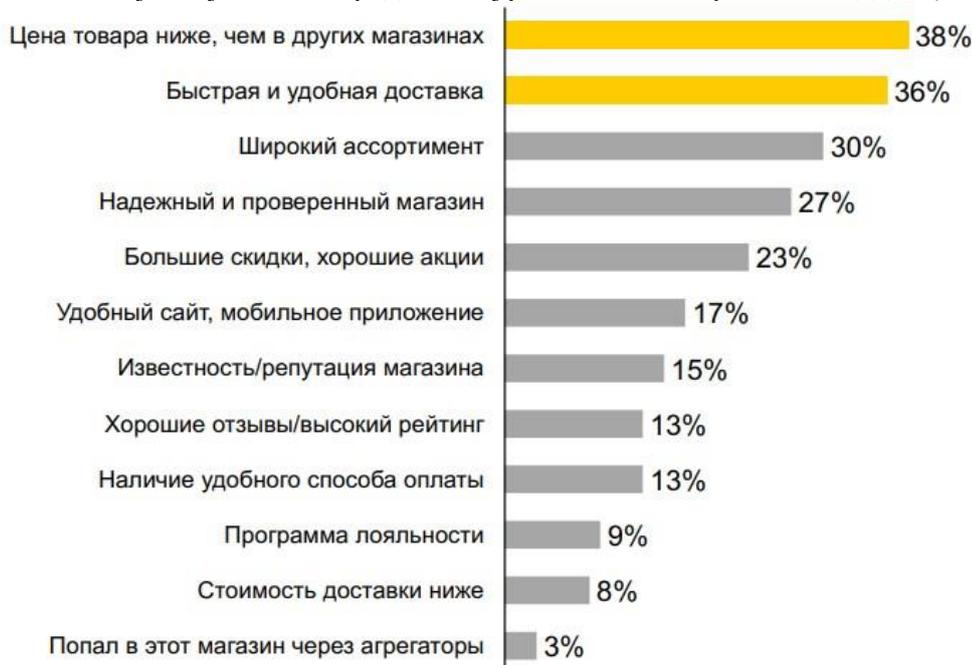

Рис. 9. Факторы выбора магазина у покупателей

По опросам, почему люди посещали офлайн магазины, в основном были ответы:

1. Увидеть, потрогать товар вживую – 55 %
2. Примерить товар, оценить его габариты – 42 %
3. Получить информацию от консультанта – 27 %
4. Люблю ходить по магазинам – 23 %

Пункты выдачи с возможностью посмотреть и примерить товары и возврат вещей курьеру еще до оплаты дома, решило два основных фактора, почему люди покупали в офлайн. А появления тех поддержки с ответами на вопросы прям на ресурсе магазина, так же решило и третью причину, почему покупатель мог предпочесть офлайн магазин, онлайн магазину.

Что же касается каналов продаж, то крупные интернет-магазины электроники, компьютерной и бытовой техники получили 33 % рост продаж за 2020 год. Универсальные магазины получили рост 64 %. А интернет-магазины, основанные на продажах на одной сферы товаров, получили целых 84%.

Но самый большой рост за 2020 год получила модель маркетплейса с невероятным 186% ростом продаж. Маркетплейсы – это интернет-магазины, в которых выставлены товары от разных продавцов. И именно они становятся с каждым днем все более приоритетными среди всех сфер населения.

В ответ на увеличивающийся спрос на интернет покупки в России, практически все отрасли бизнеса стали производить интеграцию своих магазинов в онлайн. Увеличился бюджет маркетплейсов, который был направлен на маркетинг и увеличение количества пунктов вывоза заказов, посредством франшиз (**Интернет-реклама...**). Большие компании, все больше стали переключать свой фокус с оффлайн продаж, в свои интернет-магазины. Средний и малый бизнес, в большой его части, стали уходить в онлайн за счет партнерских программ в маркетплейсах или же осуществлять продажи в социальных сетях.

4. Заключение

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы. Доля электронной коммерции от всего ретейла увеличивается с каждым годом и в России этот тренд начал проявляться с огромной скоростью. Доля электронной коммерции в РФ уже превышает 9 % с ростом 44 % в 2020 году, и с каждым годом онлайн продажи забирают все большую долю продаж из общего рынка. Огромное влияние на этот тренд произвел коронавирус и ограничения, связанные с ним, но даже после локдауна и открытия оффлайн магазинов, многие люди предпочли остаться делать часть покупок в интернете после того, как попробовали это. Так же можно выделить, что основная часть покупателей в интернете, это молодая финансово-обеспеченная часть населения страны возрастом 25-44 года. Стоит отметить и снижение доли рынка топ-100 интернет-магазинов в России, что говорит о развитии других менее крупных магазинов. Интернет коммерция стала ориентироваться не только на большие города и центральные регионы, но также стала развиваться и в регионах. Скидки, акции, ассортимент и большое количество ПВЗ, стали причинами покупателей, чтобы осуществлять покупки в онлайн. А большое количество пунктов самовывоза интернет-магазинов, снизило влияние основных преимуществ оффлайн магазинов для покупателя.

Литература

Алексейчева и др., 2019 – *Алексейчева Е.Ю., Магомедов М.Д., Костин И.Б.* Экономика организации (предприятия): Учебник для бакалавров. М.: Дашков и К, 2019. 292 с.

Балабанов, 2019 – *Балабанов И.Т.* Электронная коммерция. М.: Питер, 2019. 335 с.

Баскакова, Сейко, 2020 – *Баскакова О.В., Сейко Л.Ф.* Экономика предприятия (организации): Учебник. М.: Дашков и К, 2020. 372 с.

Бирюков, 2017 – *Бирюков П.И.* Интернет-шопинг. М.: Феникс, 2017. 160 с.

Виси.ру – Виси.ру – Интернет-издание о бизнесе, стартапах, инновациях, маркетинге и технологиях URL: <https://vc.ru/trade/243482-elektronnaya-kommerciya-v-2021-godu-kak-randemiya-vliyaet-na-online-rupok> (дата обращения: 15.09.2021).

Волохов, 2019 – *Волохов А.А.* Каналы коммуникации с потребителями в интернете // *Путеводитель предпринимателя.* 2019. № 42. С. 67-72.

Голик, Толкачев, 2018 – *Голик В.С., Толкачев А.И.* Интернет-реклама или как делаются деньги в сети. М.: Издательство деловой и учебной литературы, 2018. 160 с.

Интернет-торговля в России – Интернет-торговля в России – Энциклопедия маркетинга. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marketing.spb.ru/mr/it/e_trade.htm (дата обращения 18.09.2021)

Новиков и др., 2020 – *Новиков О.А., Бахарев В.О., Уваров С.А. и др.* Коммерческая деятельность производственных предприятий (фирм). Учебник. Под общ. ред.: О.А. Новикова. В.В. Щербакова. СПб.: Изд-во 2020. 416 с.

[Панкратова, 2019](#) – Организация и технология торговых процессов. / Под ред. Ф.Г. Панкратова. М.: Экономика, 2019. 334 с.

[Статистический сборник..., 2020](#) – Статистический сборник: «Торговля в России – 2019» Росстат 2020. М.

[Технология розничной торговли](#) – Технология розничной торговли. М.: Маркетинг, 2020. 284 с.

[Яндекс.Маркет Аналитика](#) – Яндекс.Маркет Аналитика – сайт статистики объёма продаж и доле брендов в 900+ категориях, популярных товарах, ценах и о многом другом. [Электронный ресурс]. URL: <https://analytics.market.yandex.ru/welcome> (дата обращения: 15.09.2021).

[Data Insight](#) – Data Insight – первое в России исследовательское агентство, специализирующееся на интернет-рынке. [Электронный ресурс]. URL: <https://datainsight.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

[E-Marketer](#) – E-Marketer – Компания по исследованию рынка на основе подписки, которая предоставляет информацию и тенденции, связанные с цифровым маркетингом, СМИ и коммерцией. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.emarketer.com/> (дата обращения: 15.09.2021).

[Euromonitor International](#) – Euromonitor International – исследовательская компания. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euromonitor.com> (дата обращения 18.09.2021).

References

[Alekseicheva i dr., 2019](#) – Alekseicheva, E.Yu., Magomedov, M.D., Kostin, I.B. (2009). *Ekonomika organizatsii (predpriyatiya): Uchebnik dlya bakalavrov* [The economy of the organization (enterprise): Textbook for bachelors]. М.: Dashkov i K. 292 p. [in Russian]

[Balabanov, 2019](#) – *Balabanov, I.T.* (2019). *Elektronnaya kommertsiya* [E-commerce]. М.: Piter. 335 p. [in Russian]

[Baskakova, Seiko, 2020](#) – *Baskakova, O.V., Seiko, L.F.* (2020). *Ekonomika predpriyatiya (organizatsii): Uchebnik* [Economics of enterprise (organization): Textbook]. М.: Dashkov i K, 2020. 372 p. [in Russian]

[Biryukov, 2017](#) – *Biryukov, P.I.* (2017). *Internet-shopping* [Online shopping]. М.: Feniks. 160 p. [in Russian]

[Data Insight](#) – Data Insight – pervoe v Rossii issledovatel'skoe agentstvo, spetsializiruyushcheesya na internet-rynke [Data Insight is Russia's – first research agency specializing in the Internet market]. [Electronic resource]. URL: <https://datainsight.ru/> (date of access: 15.09.2021). [in Russian]

[E-Marketer](#) – E-Marketer – Kompaniya po issledovaniyu rynka na osnove podpiski, kotoraya predostavlyayet informatsiyu i tendentsii, svyazannye s tsifrovym marketingom, SMI i kommertsiei [A subscription-based market research company that provides information and trends related to digital marketing, media and commerce]. [Electronic resource]. URL: <https://www.emarketer.com/> (date of access: 15.09.2021). [in Russian]

[Euromonitor International](#) – Euromonitor International – issledovatel'skaya kompaniya [Euromonitor International is a research company]. [Electronic resource]. URL: <https://www.euromonitor.com> (data obrashcheniya 18.09.2021). [in Russian]

[Golik, Tolkachev, 2018](#) – *Golik, V.S., Tolkachev, A.I.* (2018). *Internet-reklama ili kak delayutsya den'gi v seti* [Internet advertising or how money is made online]. М.: Izdatel'stvo delovoi i uchebnoi literatury. 160 p. [in Russian]

[Internet-torgovlya v Rossii](#) – Internet-torgovlya v Rossii – Entsiklopediya marketinga [E-commerce in Russia – Encyclopedia of marketing]. [Electronic resource]. URL: https://www.marketing.spb.ru/mr/it/e_trade.htm (data obrashcheniya 18.09.2021) [in Russian]

[Novikov i dr., 2020](#) – *Novikov, O.A., Bakharev, V.O., Uvarov, S.A. i dr.* (2020). *Kommercheskaya deyatel'nost' proizvodstvennykh predpriyatii (firm). Uchebnik* [Commercial activity of manufacturing enterprises (firms). Textbook]. Pod obshch. red.: O.A. Novikova., V.V. Shcherbakova. SPb.: Izd-vo. 416 p. [in Russian]

[Pankratova, 2019](#) – Organizatsiya i tekhnologiya torgovykh protsessov [Organization and technology of trading processes]. Pod red. F.G. Pankratova. М.: Экономика, 2019. 334 p. [in Russian]

[Statisticheskii sbornik..., 2020](#) – Statisticheskii sbornik: «Torgovlya v Rossii – 2019» [Statistical collection: "Trade in Russia - 2019"]. Rosstat, 2020. М. [in Russian]

[Tekhnologiya roznichnoi trgovli](#) – Tekhnologiya roznichnoi trgovli [Retail trade technology]. M.: Marketing, 2020. 284 p. [in Russian]

[Visi.ru](#) – Visi.ru – Internet-izdanie o biznese, startapakh, innovatsiyakh, marketinge i tekhnologiyakh [Vc.ru – Online publication about business, startups, innovations, marketing and technologies]. [Electronic resource]. URL: <https://vc.ru/trade/243482-elektronnaya-kommerciya-v-2021-godu-kak-pandemiya-vliyaet-na-onlayn-rynok> (date of access: 15.09.2021). [in Russian]

[Volokhov, 2019](#) – *Volokhov, A.A.* (2019). Kanaly kommunikatsii s potrebitelyami v internete [Channels of communication with consumers on the Internet]. *Putevoditel' predprinimatel'ya*. 42. Pp. 67-72. [in Russian]

[Yandeks.Market Analitika](#) – Yandeks.Market Analitika – sait statistiki ob "ema prodazh i dole brendov v 900+ kategoriakh, populyarnykh tovarakh, tsenakh i o mnogom drugom [Yandex.Market Analytics – website for statistics on sales volume and brand share in 900+ categories, popular products, prices and much more]. [Electronic resource]. URL: <https://analytics.market.yandex.ru/welcome> (date of access: 15.09.2021). [in Russian]

УДК 339.3

Анализ роста электронной коммерции в России

Вячеслав Эдуардович Коновалов ^{а, *}

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена динамика развития электронной коммерции и приведена статистика популярных трендов интернет торговли в России. По данным, представленным в статье, в настоящее время интернет-торговля – это быстро развивающаяся отрасль во всем мире, а особенно в России. Россия занимает 10 место по объему денежных средств в потребительской электронной коммерции среди всех стран в мире, а также 1 место в мире по динамике роста потребительской интернет торговли. За последние пару лет доля онлайн продаж в России от всего ритейла выросла практически в 2 раза и занимает уже не малую часть от всего рынка продаж в стране. В этой статье будут выявлены причины этого аномального роста, а также рассмотрены расчеты этого рынка от специалистов, на ближайшие три года. Была проведена аналитика данных и статистики, которые показывают, из-за чего был произведен рост этого рынка, а также были выявлены самые развивающиеся отрасли и направления российской электронной коммерции. Также были выявлены факторы воздействия на рынок из-за коронавирусной пандемии и ограничений, связанных с ней.

Ключевые слова: электронная коммерция, онлайн-торговля, торговля в России, интернет-магазины, факторы торговли коронавирусом, онлайн-бизнес, маркетплейс.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: slk2395@yandex.ru (В.Э. Коновалов)

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 273-279

www.vestnik.sutr.ru

UDC 330.16

Contours of Post-Covid Trajectories of Behavioral Economics Development

Sergey N. Novoselov ^{a,*}, Oksana A. Gorkusha ^b

^a Hebrew University, Moscow, Russian Federation

^b Moscow State University of Food Production, Moscow, Russian Federation

Abstract

The relevance of scientific understanding of the current realities of economic development in our country and in the world is beyond doubt. Of particular interest are the attempts to study the impact of the pandemic and related quarantine measures on all aspects of our life, including the algorithms of behavior of individual individuals as economic agents in production, in the fields of education, healthcare, in everyday life and some other segments. The attempts of extrapolation and scientific forecasting of processes that can be realized and become relevant in the post-covid era also look natural.

This article presents a brief overview of the development of behavioral economics, outlines the range of its subject interests, emphasizes the importance of this direction of the new economic theory as a scientific direction that considers mainly irrationality in the economic behavior of individuals as opposed to the traditional, economically reasonable, and therefore predictable behavior of citizens. An attempt is made to describe the key vectors of the development of behavioral economics at the present time, examples of behavior that is atypical from the point of view of the traditional view of the researcher of economic processes are given, and possible forecasts of economic development for the post-pandemic period are articulated.

Keywords: economic theory, behavioral theory, economic development, pandemic, post-pandemic period.

1. Введение

Традиционные постулаты экономической теории базируются на концепции рационального поведения индивида, который в процессе своей разнообразной деятельности движим реализацией комплексом динамично изменяющихся экономических интересов.

Однако в экстремальных условиях 2020–2021 гг., к которым мы можем отнести пандемиогенные процессы, во многом рациональность действия индивидов уступает место своему антиподу, и иррациональное поведение становится их доминирующим вектором.

Интересное само по себе научное направление в данных условиях приобретает черты дополнительной актуальности, поскольку выходит на макроэкономический уровень не только национальной, но и мировой экономики в целом.

Данный процесс сопровождается целым рядом научных феноменов, которые были чужды и потому не исследовались в рамках традиционной экономической парадигмы.

В настоящее время, когда человечество еще не до конца победило коронавирус, делать какие-либо окончательные выводы чрезвычайно сложно и бесперспективно. Однако

* Corresponding author

E-mail addresses: nsn-maize@yandex.ru (S.N. Novoselov), liana_1407@mail.ru (O.A. Gorkusha)

определение некоторых направлений дальнейших исследований выглядит вполне реалистичным.

Именно в этой связи, прекрасно отдавая себе отчет в предварительности полученных изысканий, мы можем говорить о несомненной актуальности данного исследования, которое ставит перед собой целью предпринять попытки изучения ключевых векторов развития данного научного направления экономической теории в постковидную эпоху.

2. Материалы и методы

В процессе написания данной статьи использовались научно-исследовательские материалы ряда организаций в различных отраслях экономики. При проведении исследования были применены монографический, аналитический, компаративный, описательный и статистический методы, позволившие не только прийти к некоторым выводам и результатам, но и экстраполировать выявленные тенденции на постпандемийный период.

3. Обсуждение

Поведенческая экономика, оформившееся в XX веке направление экономической теории, сегодня воспринимается научным сообществом как особая и уже в достаточной степени обособленная экономическая дисциплина, являющаяся частью экономической психологии и предметно с ней связанная (Пожилов, 2021). В последние десятилетия она бурно развивается, опираясь на достижения когнитивной науки (междисциплинарная наука на стыке экономики, психологии, нейрофизиологии, гносеологии, этологии, нейроэкономики, филологии и некоторых других, изучающая процессы познания и механизмы их регулирования), политэкономии (которая считается предшественницей экономической теории, особенно в ее современном воплощении - новой экономической теории, и рассматривает взаимоотношения рынка и государства, и, что особенно важно в свете рассматриваемой нами тематики, взаимодействия индивида и общества и опирается при этом на экономическую, философскую, политологическую и социологическую методологию).

Суть рассматриваемого научного направления заключается в теоретическом обосновании, прогнозировании и практическом использовании нерационального поведения homo economicus (в отличие от рационального паттерна как предмета исследования классической экономической теории).

Появившись практически одновременно и даже несколькими годами ранее с классической моделью политической экономии, поведенческая экономика своим рождением также обязана Адаму Смиту, который в своих работах рассматривал как рациональные, так и нерациональные аспекты поведения человека в процессе экономической деятельности (речь идет соответственно о его трудах «Теория нравственных чувств» (1759 г.) и «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.)).

Мощный толчок поведенческая экономика приобрела уже в XX веке, когда достижения когнитивной психологии были экстраполированы на фундаментальные основания экономической теории путем ее актуального прочтения и превращения в новую экономическую теорию.

Современный менеджмент и, в частности, его часть, касающаяся принятия управленческих решений, является типичным разделом именно рассматриваемой поведенческой экономики.

Развитие общества потребления, немислимая ранее искушенность потребителя в желаемых и приобретаемых благах заметно актуализирует исследования в области поведенческой экономики.

Среди общепризнанных авторитетов в области данного направления следует назвать целый ряд зарубежных исследователей, в числе которых Гэри Беккер, Герберт Саймон, Джордж Эйнсли, Дэвид Лейбсон, Меттью Рабин, Тэд О'Донохью, Даниэль Эллсберг и др.

Особый авторитет и важность данному направлению придало признание нобелевского комитета, который только в XXI в. несколько раз выделял работы именно в этой сфере: Даниэль Канеман (За исследования в области принятия решений и механизмов альтернативных рынков, 2002 г.), Ричард Талер (За вклад в поведенческую экономику, 2017 г.) (Злотников, Злотникова, 2018).

Однако при всей важности данного научного направления экономической теории и практики исследований в этой области в новых социально-экономических реалиях ковидной действительности в литературе нет. Именно поэтому попытка обобщения имеющегося немногочисленного материала и предварительный характер некоторых авторских рассуждений может иметь определенную научную ценность.

4. Результаты

Специфическое положение поведенческой экономики среди направлений экономической теории и других наук определяют обширность методологической платформы, и широкий спектр ее методического инструментария (экспериментальные наблюдения, опыты, опросы, тестирования, эконометрическое моделирование, даже магнитно-резонансную томографию и др.) (Воронина, Шапошников, 2019).

Бурно развивающиеся исследования поведенческой экономики, зафиксированные в допандемийный период, получили свое дополнительное практическое продолжение в эпоху повсеместных локдаунов. Еще впереди глубокие исследования межстрановых особенностей экономического поведения индивидов в условиях начального периода пандемии, ее апогея и, смеем надеяться, скорого завершения, но прагматичный взгляд исследователя заставляет нас рассматривать все эти процессы с точки зрения именно поведенческой экономики, поскольку в сложившихся условиях только оно наиболее адекватно отражает модели человеческой деятельности в новых экстремальных условиях.

Помимо чисто познавательных целей подобного рода исследования представляются чрезвычайно ценными в практическом отношении, поскольку могут служить пробной попыткой наметить контуры постпандемийного поведения и стать фундаментальной основой для грядущего экономикостроительства и соответственно грядущих направлений исследований в области поведенческой экономики (Дрогобыцкий, 2016, Дрогобыцкий, 2017; Коровникова, 2019).

Говоря о практических примерах действия данной дисциплины, отметим ряд следующих моментов. Применительно к избранной теме, мы можем привести примеры с не до конца прояснённой природой и логикой процесса ажиотажазации вокруг некоторых товаров в начальном периоде пандемии. Создание запасов продуктов питания и средств гигиены (первое вполне понятное, и трудно объяснимое второе еще долго будет основой для выдвижения исследовательских гипотез в пользу такого иррационального потребительского поведения).

При этом наверняка фокус внимания не обойдет и национальные (межстрановые) особенности такого поведения. Так, в этой ситуации граждане Соединённых Штатов Америки и стран Европейского Союза запасали туалетную бумагу, а в Японии все средства гигиены (Бутенко, Руднева, 2021).

Уникальным в данной ситуации явилось редко наблюдающееся сочетание шокового паралича спроса и предложения (May, 2021), что имело одним из своих следствием крайне противоречивые меры по поддержке экономики и граждан со стороны правительств, которые впервые столкнулись с таким феноменом.

По данным экспертов компании «Эвотор», помимо вполне предсказуемых следствий, пандемия затронула и деятельность менее очевидных сфер и отраслей: в частности, во время российского квазилокдауна оборот химчисток уменьшился на 32 %, доходы предприятий общественного питания – на 20 %, парфюмерии – на 19 %, одежды – на 16 % (Тренды поведенческой экономики...). Причины такой ситуации находятся на поверхности и меньше всего касаются вынужденной экономии со стороны граждан. Понятно, что объяснением этому является перевод большинства работников на удаленный режим работы.

При этом в странах Европейского Союза в наибольшей степени возросли объемы реализации средств санитарной гигиены, а в России же эта группа товаров занимает лишь третье место, уступив энергетическим напиткам и макаронам.

Эксперты объясняют неожиданный феномен с доминированием энергетиков своеобразной заменой данной категории напитков спиртного как традиционного средства досуга, хотя не исключено, что это может свидетельствовать о массовом бегстве россиян от стресса в мир интернета.

Любопытная ситуация складывается с зависимостью темпов вакцинации и финансовой сферой государств. Делались прогнозы экспертов финансовой корпорации Citigroup, заключающиеся в падении курса доллара к российской валюте на 20 % как

следствие активизации инвестиционных процессов в активы российской экономики с последующей массовой дедолларизацией сбережений населения. Справедливости ради следует сказать, что эти прогнозы при всей их логичности пока не оправдываются.

Всплески (волны) коронавирусной инфекции также приобретают не только эпидемиологическое и социальное значение, но имеют и непосредственный выход на экономические процессы, в том числе на микро- и макроэкономических уровнях. В частности, массовая заболеваемость и выход работников на больничные неуклонно приведет к снижению их доходов, а, соответственно, и покупательской способности, что, в свою очередь, вызовет сокращение предложения и будет стимулировать сворачивание производства и рост безработицы. Понимание данных процессов, безусловно, может способствовать разработке более адекватных мер поддержки экономики, особенно сегментов малого и среднего предпринимательства.

Общеизвестно, что пандемия дала мощный импульс он-лайн коммерции. И улучшение эпидемиологической ситуации коренным образом не изменит данный тренд, поскольку граждане, воспользовавшиеся данным видом услуг, а таких в нашей стране, по данным Data Insight, примерно 10 млн человек, не намерены в полной мере отказываться от удобства и комфорта e-commerce. Эксперты прогнозируют к 2024 г. ежегодное увеличение объёмов прироста выручки данной отрасли на 33,2 % (**Тренды поведенческой экономики...**).

Интернет-торговля продуктами питания и другими товарами, растущая из-за компенсации отложенного в период локдауна спроса, коснулась не только традиционных секторов розничной торговли, но и таких нетрадиционных сегментов как недвижимость, юридические и нотариальные сопровождение, телемедицинский (**Сазонова**) сервис и даже ритуальные услуги.

Вполне закономерно выросли и очевидно не будет сокращаться в постпандемийный период рынок дистанционных образовательных услуг. При этом вероятно, что большая часть традиционных технологий в сфере образования (школы, лицеи, вузы) несколько снизят активность на интернет-платформах, но уже полностью не откажутся от них (**Шляпников, 2021**). Речь может идти о разумном сочетании традиционных оф-лайн и он-лайн технологий. Особенно активность в дистанционном формате удобна и применима к дополнительному профессиональному образованию, рынок которого испытывает в пандемию во всем мире настоящий, впрочем вполне объяснимый, бум.

Пандемия заметно ускорила многие процессы, которые только развивались в предшествующий период (**Гусарова, 2011**) или только начинали институционально формализовывать свою активность (**Кривошеев, 2020**). В результате в пандемию мы имеем бурный всплеск институциональных преобразований, который оперативно удовлетворяли имеющиеся потребности, но в самой ближайшей перспективе будут нуждаться не только в осмыслении, но и практических трансформациях, в частности, в процессах гармонизации и оптимизации институциональной инфраструктуры во многих сферах.

Следует также указать и еще на один важный блок проблем, на первый взгляд не имеющих отношения к экономике, который имеет значительный потенциал к развитию и риск обострения в постпандемийный период. Это потребность работников и в целом граждан к справедливости. Экстремальные условия локдауна мало способствуют рассуждениям о морали, выводя на первый план вопросы элементарного выживания, однако постпандемийные реалии и поведение как работодателей, так и властей различных рангов во время пандемии могут стать предметом весьма пристального (и не всегда объективного из-за искажений, вызванных психолого-стрессовыми факторами) внимания, а, соответственно, несут в себе существенный риск попыток предъявления претензий к справедливому осуществлению операций экономического обмена (**Rees, 1993; Бондарев**). Накапливаемое в период пандемии массовое недовольство может иметь в отдаленной перспективе крайне негативные социальные последствия как в масштабе предприятия, так и на уровне всей национальной экономики.

5. Заключение

Таким образом, рассматриваемое нами относительно новое направление экономической теории – поведенческая экономика – показало свою особую верифицируемость именно в экстремальных условиях пандемии COVID-19 и связанных с ней карантинными мероприятиями, что является дополнительным доказательством его практической ценности и неопровержимым аргументом для более глубокого изучения ее

аспектов именно в складывающихся условиях. Во многом это вызвано иррациональным поведением индивидов как экономических субъектов, изучение которых в рамках концепций традиционной экономической теории представляется недостаточно адекватным и корректным. Именно этим обусловлены весьма значительные перспективы данного научного направления.

Литература

Бондарев – *Бондарев С.* Непобеждённая пандемия: как катаклизм повлияет на экономику и мышление тех, кто его пережил. [Электронный ресурс]. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/nepobezhdyonnaya-pandemiya-kak-kataklizm-povliyaet-na-ekonomiku-i-myshlenie-teh-kto-ego-perezhil>

Бутенко, Руднева, 2021 – *Бутенко Н.А., Руднева А.О.* Ажиотажный спрос в условиях пандемии covid-19 в России и мире: 3 кейса поведенческой экономики // *Актуальные вопросы современной экономики*. 2021. № 6. С. 280-286.

Воронина, Шапошников, 2019 – *Воронина Л.А., Шапошников А.М.* Научные подходы и генезис методологии поведенческой экономики // *Экономика: теория и практика*. 2019. № 3 (55). С. 3-13.

Гусарова, 2011 – *Гусарова Л.Ф.* Институциональные преобразования в поведенческой экономике // *Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее*. 2011. № 1. С. 91-94.

Дрогобыцкий, 2016 – *Дрогобыцкий И.Н.* Контуры поведенческой экономики // *Вестник таганрогского института управления и экономики*. 2016. № 1(23). С. 3-11.

Дрогобыцкий, 2017 – *Дрогобыцкий И.Н.* Есть ли будущее в поведенческой экономике? // *Управленческие науки в современном мире*. 2017. Т. 1. С. 318-331.

Злотников, Злотникова, 2018 – *Злотников А.Г., Злотникова Л.М.* Новая поведенческая экономика Ричарда Талера в системе экономических теорий // *Потребительская кооперация*. 2018. № 2 (61). С. 60-67.

Коровникова, 2019 – *Коровникова Н.А.* Поведенческая экономика: современное состояние и перспективы развития // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал*. 2019. № 1. С. 9-14.

Кривошеев, 2020 – *Кривошеев В.В.* Поведенческие практики индивидов в условиях пандемии // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5. № 4. С. 541-548.

Пожилов, 2021 – *Пожилов Г.А.* Поведенческая экономика как раздел экономической науки // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 26. С. 269-272.

Сазонова – *Сазонова М.* Доктор онлайн: правовые аспекты телемедицины в России. Гарант.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/article/1405237/#ixzz76djulhpz>

Тренды поведенческой экономики... – Тренды поведенческой экономики: как «коронование» россиян изменило потребительский рынок. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/202138/>

Шляпников, 2021 – *Шляпников В.В.* Развитие дистанционного образования в контексте пандемии коронавируса // *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2021. № 2 (51). С. 5-9.

Мау, 2021 – *Мау В.А.* Раздел 1. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // *Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы*. Вып. 42. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 712 с.

Rees, 1993 – *Rees A.* The role of fairness in wage determination // *Journal of Labor Economics*. 1993. 11(1): 243-252.

References

Bondarev – *Bondarev S.* Nepobezhdyonnaya pandemiya: kak kataklizm povliyaet na ekonomiku i myshlenie teh, kto ego perezhil [Invincible pandemic: how the cataclysm will affect the economy and thinking of those who survived it]. [Electronic resource]. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/nepobezhdyonnaya-pandemiya-kak-kataklizm-povliyaet-na-ekonomiku-i-myshlenie-teh-kto-ego-perezhil> [in Russian]

Butenko, 2021 – *Butenko, N.A., Rudneva, A.O.* (2021). Azhiotazhnyj spros v usloviyah pandemii covid-19 v Rossii i mire: 3 kejsa povedencheskoj ekonomiki [Rush demand in the context of the covid-19 pandemic in Russia and the world: 3 cases of behavioral economics]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki*. 6: 280-286. [in Russian]

[Drogobyckij, 2016](#) – *Drogobyckij, I.N.* (2016). Kontury povedencheskoj ekonomiki [Contours of behavioral economics]. *Vestnik taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*. 1(23): 3-11. [in Russian]

[Drogobyckij, 2017](#) – *Drogobyckij, I.N.* (2017). Est' li budushchee v povedencheskoj ekonomike? [Is there a future in behavioral economics?]. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire*. 1: 318-331. [in Russian]

[Gusarova, 2011](#) – *Gusarova, L.F.* (2011). Institucional'nye preobrazovaniya v povedencheskoj ekonomike [Institutional transformations in behavioral economics]. *Ekonomicheskaya psihologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. 1: 91-94. [in Russian]

[Korovnikova, 2019](#) – *Korovnikova, N.A.* (2019). Povedencheskaya ekonomika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Behavioral economics: current state and development prospects]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyj zhurnal*. 1: 9-14. [in Russian]

[Krivosheev, 2020](#) – *Krivosheev, V.V.* (2020). Povedencheskie praktiki individov v usloviyah pandemii [Behavioral practices of individuals in a pandemic]. *Social'naya kompetentnost'*. 5(4): 541-548. [in Russian]

[Mau, 2021](#) – *Mau, V.A.* (2021). Razdel 1. Pandemiya koronavirusa i trendy ekonomicheskoy politiki. Rossijskaya ekonomika v 2020 godu [Part 1. Coronavirus pandemic and economic policy trends]. *Tendencii i perspektivy*. Vyp. 42. Moskva: Izd-vo In-ta Gajdara, 712 p. [in Russian]

[Pozhilov, 2021](#) – *Pozhilov, G.A.* (2021). Povedencheskaya ekonomika kak razdel ekonomicheskoy nauki [Behavioral economics as a section of economic science]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*. 26: 269-272. [in Russian]

[Rees, 1993](#) – *Rees, A.* (1993). The role of fairness in wage determination // *Journal of Labor Economics*. 11(1): 243-252.

[Sazonova](#) – *Sazonova, M.* Doktor onlajn: pravovye aspekty telemeditsiny v Rossii [Doctor online: legal aspects of telemedicine in Russia]. *Garant.ru*. [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru/article/1405237/#ixzz76djuhlpz> [in Russian]

[Shlyapnikov, 2021](#) – *Shlyapnikov, V.V.* (2021). Razvitie distancionnogo obrazovaniya v kontekste pandemii koronavirusa [Development of distance education in the context of the coronavirus pandemic]. *Psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*. 2 (51): 5-9. [in Russian]

[Trendy povedencheskoj ekonomiki...](#) – Trendy povedencheskoj ekonomiki: kak «koronovanie» rossiyan izmenilo potrebitel'skij rynek [Behavioral economics trends: how Russians' coronation changed the consumer market]. [Electronic resource]. URL: <https://snob.ru/entry/202138/> [in Russian]

[Voronina, Shaposhnikov, 2019](#) – *Voronina, L.A., Shaposhnikov, A.M.* (2019). Nauchnye podhody i genezis metodologii povedencheskoj ekonomiki [Scientific approaches and genesis of behavioral economics methodology]. *Ekonomika: teoriya i praktika*. 3(55): 3-13. [in Russian]

[Zlotnikov, Zlotnikova, 2018](#) – *Zlotnikov, A.G., Zlotnikova, L.M.* (2018). Novaya povedencheskaya ekonomika Richarda Talera v sisteme ekonomicheskikh teorij [Richard Thaler's new behavioral economics in the system of economic theories]. *Potrebitel'skaya kooperaciya*. 2 (61): 60-67. [in Russian]

УДК 330.16

Контуры постковидных траекторий развития поведенческой экономики

Сергей Николаевич Новоселов ^{a,*}, Оксана Анатольевна Горкуша ^b

^a Еврейский университет, Москва, Российская Федерация

^b Московский государственный университет пищевых производств, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nsn-maize@yandex.ru (С.Н. Новоселов), liana_1407@mail.ru (О.А. Горкуша)

Аннотация. Актуальность научного осмысления происходящих в настоящее время реалий экономического развития в нашей стране и в мире не вызывает сомнений. Особый интерес вызывают попытки исследования влияния пандемии и связанных с нею карантинных мероприятий на все стороны нашей жизни, в том числе на алгоритмы поведения отдельных индивидов как экономических агентов на производстве, в сферах образования, здравоохранения, в быту и некоторых других сегментах. Закономерными выглядят также попытки экстраполяции и научного прогнозирования процессов, которые могут реализоваться и стать актуальными в постковидную эпоху.

В настоящей статье представлен краткий экскурс развития поведенческой экономики, очерчен круг ее предметных интересов, подчеркивается важность данного направления новой экономической теории как научного направления, рассматривающего преимущественно иррациональность в экономическом поведении индивидов в противовес традиционному, экономически разумному, а потому предсказуемому поведению граждан. Предпринята попытка описания ключевых векторов развития поведенческой экономики в настоящее время, приводятся примеры атипичного с точки зрения традиционного взгляда исследователя экономических процессов поведения, и артикулируются возможные прогнозы развития экономики на постпандемийный период.

Ключевые слова: экономическая теория, поведенческая теория, экономическое развитие, пандемия, постпандемийный период.

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 280-287

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

The Uncharted Potential of the North Caucasus. National Tourism-Travel in Russia as Part of a Lifestyle

Grigory Ya. Ratushnyak ^{a, *}, Maria A. Aseeva ^a

^aWest Moscow Region Institute of Tourism-branch of the RMAT, Bolshye Vyazemy, Russian Federation

Abstract

In their study, the authors focus on increasing the role of the service sector in the total GDP, both within Russia and globally. The special attention is paid to the development of the tourism business. The article defines the concept of "national tourism". The article describes the current trends in the development of national tourism in the Russian Federation in connection with the new coronavirus infection Covid-19. The main problems of the development of national tourism in the Russian Federation are highlighted and the ways of their solution are proposed. The article deals with the main problems of the low popularity of Russian resorts among Russians, provides a statistical analysis of national tourism market in the Russian Federation, its assessment in the context of the economic crisis and other causes. The article examines the spread of prices for tourist services in different regions of the Russian Federation, as well as the process of forming these prices. The main directions of development of the tourist and recreational cluster of Russia are touched upon. The article analyzes popular tourist destinations in Russia by region. The analysis of the tourist potential of the Karachay-Cherkess Republic is carried out, the potential of the resort of Arkhyz is described. Despite the problems, national tourism continues to develop actively and should bring tangible income to the budget not only of the regions, but also to the consolidated budget of the country.

Keywords: tourism, national tourism, tourism industry, Arkhyz, resorts of the North Caucasus.

1. Введение

Рассматривая вектор экономического развития в период с 1960-1970-х гг., можно наблюдать, как научный интерес смещается с промышленной и аграрной стороны на сферу услуг. К концу 2020 г. Международный валютный фонд опубликовал отчет по объемам ВВП разных стран. Считается, что чем выше ВВП, тем развитее экономика.

Объем экономики той или иной страны принято определять по валовому внутреннему продукту (ВВП). Это общая рыночная стоимость всех товаров и услуг, произведенных в государстве за определенный период, как правило, год. Регулярный подсчет ВВП в разных странах помогает составлять рейтинг крупнейших экономик в мире.

По состоянию на 2021 год Соединенные Штаты и Китай обладают самыми крупными экономиками на планете, существенно опережая другие страны как по уровню номинального ВВП, так и по ВВП, рассчитанному с учетом паритета покупательной способности (Беляев, 2020: 88).

* Corresponding author

E-mail addresses: ratushnyak@yandex.ru (G.Ya. Ratushnyak), aseevamaria@mail.ru (M.A. Aseeva)

Если же анализировать структуру ВВП, то в настоящее время более 75 % всего мирового валового продукта приходится на сферу услуг.

Революционный толчок систем автоматизации и роботизации, к сожалению, приводит к тому, что большое количество трудоспособного населения ищут себе новое применение, обращаясь в частности в третичный сектор экономики, представляющий собой ту самую сферу услуг, обслуживания, на которую приходится 75 % мирового ВВП.

2. Материалы и методы

Информационной основой написания данной статьи послужили материалы научно-практических конференций; концепции, изложенные в современных научных исследованиях; материалы отраслевой периодической печати; нормативно-методические и законодательные акты государственных органов управления.

В качестве научного инструментария использован метод диалектического познания, статистические и аналитические методы: сравнения, обобщения и классификации.

3. Обсуждение

Именно на рубеже XX-XXI веков постиндустриальное производство при 30 % занятости полностью удовлетворяло потребности населения, но при этом открылась новая потребность, появляется сфера услуг.

Однако она не только служит для удовлетворения потребностей человечества, но и как бы входит в сельскохозяйственное и промышленное производство.

Согласно данным Росстата, общий объём розничных торговых операции в течение 2020 года составил 35 532,1 млрд рублей, что свидетельствует об её постоянном росте на протяжении последних десятилетий ([Росстат](#)).

Невзирая на бурное развитие данной сферы, точное определение «услуги» трудно найти в научной литературе. Ведь в начале 2000-х гг. имело место быть мнение, что «услуги в отличие от товаров неосвязаемы и услуги производятся людьми, а товары машинами», но тут же возникает вопрос, а как же банкоматы могут осуществлять операции без непосредственного участия человека, как и многие другие реалии современности в различных сферах деятельности ([Коржова, 2020: 110](#)).

И если раньше делали упор на то, что «нематериальные активы – это ценности, которые не имеют физической формы, но имеют стоимость и денежную оценку». «Услугу же рассматривали как процесс, порядок или набор действий, которые служат для производства нематериальных активов», т.е. услуга может создавать ценность, но сама ценностью не является. В современных реалиях российской экономики сферу услуг представляют в качестве основного элемента всей экономики страны, ведь благодаря ее развитию можно наблюдать взаимосвязь между различными регионами, тем самым расширяя интеграционные процессы ([Морева и др., 2017: 45](#)). Но гостиничные услуги – это неотъемлемая часть, объединяя в себе и услуги общественного питания, индустрию красоты, мир спорта, разнообразные развлечения, туристские услуги, логистику и другие отрасли, все они дополняют и развивают друг друга.

Современные экономические реалии российской экономики 2021 года можно охарактеризовать двумя простыми словами – «состояние спада», безусловно, пандемия «Covid-19» внесла свои корректировки во все главные отрасли страны, в том числе, наибольший отпечаток получила туристская отрасль. Множество банкротств туристских компаний, которые специализировались на выездном туризме, а те, кто пытался продвигать внутренний туризм, столкнулись с не менее серьезной проблемой – неразвитой инфраструктурой, и как следствие – это низкая популярность путешествий по России.

Согласно отчету Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ количество потенциальных туристов по России растет и приближается к 41,6 млн. человек в 2020 году, эту цифру можно сопоставить с выездными туристами 2019 года – 45 млн. человек ([Саченок, 2020: 272](#)).

Данные Росстата свидетельствуют, что если в 2019 года около 65 % россиян регулярно выезжали в отпуск за границу, то в 2020 году эта цифра снизилась на 45 % и составила всего 20%. В том же 2020 году 21,7 млн россиян провели свой отпуск в России, из них 84 % в целом остались довольны путешествиями ([Росстат](#)).

Естественным выбором места отдыха стали курорты Краснодарского края и Крыма (26 % и 17 % соответственно). Около 5-7 % россиян совершили путешествия в Минеральные воды и Калининградскую область, 4 % посетили Байкал, Алтай, Золотое кольцо.

В 2021 году в период зимнего туристского сезона в путешествия по России отправилось более 15 млн. человек, особым спросом стали пользоваться новые раскрытые зимние экологические направления Алтай, Байкал, Русский Север и курорты Карачаево-Черкесии

Путешествия внутри страны в целом стали очень популярны в 2020 году. Вследствии пандемии «Covid-19» выезд в другие страны был запрещен. Внутренний туризм получил новый скачок развития. И, безусловно, ценовой фактор тоже играет свою роль. И здесь совсем недавно на вершину олимпа внутреннего туризма был возведен Кавказ, а именно та его часть, которая относится к Карачаево-Черкесской Республике.

4. Результаты

По данным Рейтинга социально-экономического положения регионов – 2021 Карачаево-Черкессия является одним из самых перспективных и интересных для туристов регионов России для внутренних путешествий. И конечно, это благодаря двум самым известным местам – Домбай и Архыз, бренды в туристской сфере, не требующие особых представлений. И все же не много россияне знают о всех достоинствах данных мест ([РИА Рейтинг...](#)).

Если в начале 2000-х гг. эти курорты пользовались огромной популярностью в большей мере среди туристов-альпинистов, то в последнее время они стали популярны не только как горнолыжные места, но и места отдыха семейного туризма.

Безусловно, это отразилось на усилении интереса туристов для путешествий в данном направлении. Так за 2020 г. КЧР посетило более 1,5 млн человек. Это даже больше, чем в 2019 году. При этом нужно учитывать, что из-за режима пандемии, практически с апреля по июнь 2020 г. курорты КЧР не могли осуществлять прием туристов. И многие эксперты в связи с этим прогнозировали большой кризис в этой сфере. Но этого удалось избежать по ряду причин. Во-первых, в стране и регионе пандемия прошла относительно спокойно, с меньшим ущербом, что дало возможность уже летом 2020 г. снять часть ограничительных мер, в частности в отношении работы курортов. Однако, противоэпидемиологические меры и масочный режим обязаны были соблюдать все субъекты бизнеса. Во-вторых, выездной туризм сейчас развивается в строго ограниченных условиях, и как следствие, россияне обратили свое внимание к объектам внутреннего туризма.

Повышенный интерес туристы стали проявлять в начале горнолыжного сезона 2020–2021 года. За 3 месяца зимы по данным ВТРК «Архыз» посетителей стало больше на 54 %, относительно 2019 года. Согласно статистике около 500 тыс. туристов приобрели более 420 тыс. ски-пассов. Практически все отдыхающие были довольны и безопасными трассами различного уровня подготовки, комфортным размещением, доступными ценами, даже относительно Красной Поляны в Сочи, а местный этнический колорит оставляет неизгладимые приятные впечатления ([Будущее и настоящее...](#)).

И если раньше летний отдых уступал зимнему, то сейчас в республике делают все возможное, чтобы сократить эту разницу. Первым шагом разрабатываются новые туристские маршруты, идет активное привлечение инвесторов для расширения спектра услуг. Буквально недавно было заключено соглашение со Сбербанком о льготном кредитовании (3-5 % годовых) на бизнес-проекты строительства объектов туристской инфраструктуры.

Один из новых направлений туризма стало разработка уникальных пеших маршрутов по курорту Архыз. «Архыз Многоликий» - экскурсия полная тайн и загадок, здесь идет смешение древнейшей истории самого географического места Северного Кавказа и судьбы народов, природная красота гор и туристский потенциал.

Архыз – это уникальный природный заповедник, ведь поселок расположен в красивом месте- котловине, со всех сторон окруженный высокими горами Северного Кавказа. Активный туризм нашел свое развитие на курорте «Романтик». Славя по бурным горным рекам, мощные водопады, горные озера, вершины гор, подъемы с рюкзаками, и это лишь малая часть того, что ждет туристов.

Паломнический туризм. В православном мире Архыз известен как духовная столица Кавказской Алании. По некоторым источникам считается, что Архыз – это еще и эпицентр появления христианства на Северном Кавказе, а в научных сообществах – место, где можно познать Вселенную ([АРХЫЗ Многоликий](#)).

Весь Архыз, начиная со станицы Зеленчукской до предгорья Главного Кавказского Хребта – это огромный музей под открытым небом. Это неисчислимые памятники в виде поселений, захоронений, дорог, менгиров и культовых сооружений – наследие многочисленных народов, населявших эти места с палеолита до наших дней.

Главная составляющая паломнического туризма – духовно-просветительская. При посещении святых мест туристы узнают об истории и духовных традициях монастырей и храмов.

Недалеко от Карачаевска расположились пологие вершины, которые служили городам древности. Сейчас их называют Дольмены. Об этих достопримечательностях знают только некоторые проводники. Они скрыты от взора человека и доступны только 3 месяца в году. Самая известная гора называется "Город Солнца". Первое место на дольмене занимает "Храм Свободы" – это место освобождения от блоков. В "Храме Экзорцизма" выявляют магов и колдунов, а в "Храме Солнца" людям лечат нарушение систем организма.

"Храм семьи" и дольмен "Матери и ребёнка" помогает молодым. В "Храме полётов" наши древние предки левитировали, а в "Храме знаний" обучались высшим вселенским законам. "Дольмен Силы" восстанавливает энергию, а в "Дольмене Вселенной" раскрываются творческие способности. "Дольмен кармы" исправляет серьёзные нарушения прошлых воплощений и выстраивает будущее. "Долина погребения" снимает стрессы от потери близких людей, отрабатывая всё, что осталось незавершённым при их жизни ([АРХЫЗ Многоликий](#)).

Александр-Невский Зелчукский монастырь – по свидетельствам Струкова и Нарышкиных (1867 год), бывший византийский монастырь (конец IX века) ([АРХЫЗ Многоликий](#)). В 1897 г. был отреставрирован русскими монахами и в нем проводились церковные богослужения. И сейчас там проводятся богослужения один раз в году 6 мая в день памяти Георгия Победоносца.

По преданию, монастырь был окружен многочисленными кельями-пещерами, где селились отшельники. Они выбирали себе скальные навесы, которые искусно вписывались в ландшафт горной местности. Даже сейчас, можно найти остатки утвари, печи ([АРХЫЗ Многоликий](#)).

Именно рядом с одной из таких келий в мае 1999 года на плоской песчаниковой скале было обнаружено изображение Христа, так называемый Архызский Лик. Дата его написания пока остается неизвестной. На сегодняшний день имеется два мнения: либо это творение создано в аланскую эпоху, либо монахами монастыря. Есть несколько фактов, подтверждающих, что Архызский Лик исполнен исключительно по православному канону, взор его обращен строго на восток, краски, которыми выполнена работа можно отнести к неяркой цветовой гамме, характерной именно для иконографического искусства Византии IX-XI века. Есть мнения, что это самое раннее изображение Спаса нерукотворного в России ([АРХЫЗ Многоликий](#)).

Ученые, исследовавшие наскальную икону, обратили внимание на схожесть образа с двумя другими известными святынями – ликом Христа на Туринской плащанице и иконой Христос Пантократор из Синайского монастыря. Точная дата и обстоятельства создания образа до сих пор неизвестны, как и его автор. Ученые и верующие продолжают выдвигать версии, но Лик Христа по-прежнему окружен тайнами.

Настоящим музеем под открытым небом является историко-археологический комплекс – Нижнеархызское городище. Это место было подробно изучено в 1950-е гг. археологами, и по сей день представляет интерес для любителей истории России и Кавказа. Основу городища составляют 3 древних храма: Ильинский, или Южный, Троицкий или Средний, Георгиевский или Северный. Храмы датированы X–XI вв. н. э. Только один из них действующий. Когда-то на месте этого городища располагалась столица Кавказской Алании – город Маас, и через город проходили караваны в Закавказье. Благодаря этому, здесь зарождалось христианство на 50 лет раньше, чем в Киевской Руси, а мастерами из Византии строились святилища ([АРХЫЗ Многоликий](#)).

На территории городища храмы соседствуют с языческими культовыми сооружениями, поскольку до принятия христианства большинство алан поклонялись огню и солнцу ([Старейшие церкви России](#)).

Все храмы объединены в один исторический комплекс «Аланское городище». Южный храм – построенный в X веке, позднее перестроен в русский стиль, является одним из древнейших действующих храмов в России. Перестройка храма – дело рук монахов,

основавших в 1880-х гг. при древних церквях Александро-Афонскую "нештатную общежительную пустынь" ([Зеленские храмы](#)).

Средний храм – датирован IX веком, сложен из песчаниковых плит на известковом растворе. Строивший его зодчий соблюдал не только пропорции, но и руководствовался византийскими стилями архитектуры, сделав храм по форме креста. Полная высота храма соответствует его длине, а высота окон равна радиусу купола. Этот храм, так же как и Северный храм, был восстановлен монахами в 1897 г., был освящен в честь Троицы и проводились богослужения, ныне нуждается в реставрации. Северный храм – расположен на некотором удалении от первых двух храмов, служил кафедральным собором Аланской епархии в X–XIII веках нашей эры. По одной из версий, этот храм был построен первым в 914–916 годах и был посвящен святому Николаю Чудотворцу ([Старейшие церкви России](#)). Сооружен из песчаника по правилам средневекового зодчества, в плане имеет форму креста. Длина храма без притвора составляет 21 метр и равна высоте, ширина – в два раза меньше. Тройка церквей древнего городище на берегу реки Большой Зеленчук – это самые крупные и самые главные памятники аланского христианства. Побывав здесь, невозможно не заинтересоваться историей этих храмов, которым уже 1 тыс. лет.

Широкую научную известность приобрел Архыз в связи с деятельностью Специальной астрофизической обсерватории Российской Академии Наук (САО РАН), являющейся крупнейшим российским астрономическим центром наземных наблюдений объектов Вселенной. К числу инструментов САО относятся Большой Азимутальный Телескоп (БТА), установленный на горе Пастухова на высоте 2100 м.н.у.м., и крупнейший в мире рефлекторный радиотелескоп РАТАН-600, позволяющий исследовать радиосигналы из Вселенной ([АРХЫЗ Многоликий](#)).

Сейчас, в эпоху урбанизации, туристы могут наблюдать за отарами овец, лошадей. Многие туристы, живущие в городах, с трудом представляют, как делается творог, сыр, как печется хлеб, они хотят погрузиться в эту среду. Благодаря многообразию национальных и бытовых особенностей, которые можно развивать с точки зрения маркетинга и туристической привлекательности, горный экотуризм запустит в регионе множество интересных проектов.

Стремительное развитие туристской отрасли в настоящее время является одной из основных составляющих региональной экономики Карачаево-Черкесии, приобретая характер локомотива, который приводит в движение смежные отрасли народного хозяйства, решает проблемы трудоустройства и занятости. Этому способствуют богатая природно-рекреационная база и уникальное культурно-историческое наследие. Карачаево-Черкесия имеет большой туристический потенциал, который можно представить в следующих туристско-рекреационных ресурсах: Во-первых, на территории региона имеются уникальные лечебно-оздоровительные территории и знаменитые курорты, такие как: курорт Теберда, курорт Домбай, курорт Архыз, туристические комплексы Медовые водопады и Мара, урочище Махар, бальнеологический центр на территории поселка Пхия, где расположены знаменитые Кислые источники ([Темерезова, 2021](#)).

Во-вторых, республика имеет на своей территории два крупных заповедника, такие как: Тебердинский государственный природный биосферный заповедник и Кавказский государственный природный биосферный заповедник. Территории республики богата природными ресурсами, в Карачаево-Черкесии зарегистрировано около 200 пещер размером не менее 4 метров, 10 из них отнесены к памятникам природы, сотни водопадов, более 400 озер, множество ледников, большое количество ботанических и ландшафтных памятников природы ([Темерезова, 2021](#)).

И все же существует ряд проблем, решение которых позволит увеличить туристский поток в Архыз. Одна из которых – это дефицит квалифицированных кадров, а туризм основывается на хорошем сервисе. Также следовало бы больше внимания уделить полянам в долине Архыз: Таулу и Софийской (популярные места отдыха, от которых начинается большое количество горных маршрутов в Архызе), они довольно активно эксплуатируются, но являются слаборазвитыми по предоставлению услуг туристам. Сейчас никто эту деятельность не координирует, и долины могут пострадать. Люди едут за красивой природой, а если ее не сохранить, то она потеряет свою привлекательность, будут экологические проблемы.

Экспертный совет по туристско-рекреационным особым экономическим зонам при Минэкономразвития уже одобрил заявки 11 инвесторов на получение статуса резидента ОЭЗ

«Архыз» с общим объемом вложений более 4,5 млрд руб. До 2022 г. действующими резидентами планируется осуществить ввод в эксплуатацию трех гостиничных комплексов на 344 места ([Стратегия развития..., 2019](#)).

Один из крупных интересантов – туроператор «Библио-глобус». В ноябре 2020 г. компания заявила о готовности вложить более 2,5 млрд руб. в развитие гостиничного фонда «Архыза». Инвестора заинтересовала деревня Лунная Поляна, где пока нет ни одного отеля, при этом работают канатные дороги и горнолыжные трассы, которые генерируют постоянный трафик туристов. «Развитие Лунной Поляны выведет курорт на новый уровень как по количеству посетивших туристов, так и по качеству сервисов», – отмечает представитель «Библио-глобуса» ([Тасс](#)). По данным туроператора, общее количество мест размещения на «Архызе» сейчас не превышает 900, и компания планирует увеличить их до 2000–2500 – это дополнительно около 150 тыс. туристов в год ([Тасс](#)).

Туристическая инфраструктура курортов КЧР дает возможности для развития профессионального и массового спорта. В летнем сезоне 2019 г. на территории велосипедного парка «Архыза» прошло 10 российских и международных соревнований в дисциплинах маунтинбайк – скоростного спуска, в том числе соревнования, которые были включены в единый календарный план Министерства спорта. В феврале – марте 2020 г. в рамках благотворительного проекта «Лыжи зовут!» школьники учились кататься на лыжах на склонах «Архыза». В январе – феврале 2021 г. здесь прошли чемпионат России по горным лыжам и первенство России по горным лыжам среди юниоров (в дисциплинах «скоростной спуск» и «суперкомбинация»), а также третий заключительный этап Кубка России по горным лыжам в дисциплине «супергигант».

5. Заключение

Сейчас Архыз – прекрасный развивающийся курортный поселок, куда устремляются потоки желающих покорять горные вершины и просто отдыхающих. Туристско-рекреационный потенциал рассматриваемого региона очень высок и заслуживает максимальное увеличение его доли на рынке туристических услуг.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что Карачаево-Черкесия является всесезонным туристическим регионом, курорты республики отдыхающие посещают летом и зимой, весной и осенью, туристический поток не прекращается, а только возрастает, соответственно необходимо приведение всех объектов туристической инфраструктуры в современные отвечающие общероссийским и мировым стандартам качества требованиям.

Литература

[АРХЫЗ Многоликий](#) – АРХЫЗ Многоликий. Храмы. Лик Христа. Курорт «Романтик». Павел Бойко. [Электронный ресурс]. URL: <https://guidekavkaz.ru> (дата обращения: 03.05.2021).

[Беляев, 2020](#) – *Беляев С.А.* Анализ динамики валового внутреннего продукта ключевых партнеров России по внешней торговле // *Региональный вестник*. 2020. №3(42). С. 87-89.

[Будущее и настоящее...](#) – Будущее и настоящее нового горнолыжного курорта Архыз. [Электронный ресурс]. URL: <https://nedoma.ru> (дата обращения: 03.05.2021).

[Зеленские храмы](#) – Зеленские храмы. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.05.2021).

[Коржова, 2020](#) – *Коржова Г.А.* Перспективы развития предприятий сферы услуг в условиях глобальной пандемии // *Проблемы развития предприятий: теория и практика*. 2020. №1-1. С. 109-112.

[Морева и др., 2017](#) – *Морева С.Н., Зобова Е.В., Яковлева Л.А.* Основные тенденции развития индустрии гостеприимства в России // *Социально-экономические явления и процессы*. 2017. №5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-tendentsii-razvitiya-industrii-gostepriimstva-v-rossii-1> (дата обращения: 27.05.2021).

[РИА Рейтинг](#) – Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru> (дата обращения: 03.05.2021).

[Росстат](#) – Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2021)

Саченок, 2020 – Саченок Л.И. Оценка бизнес-среды предприятия сферы услуг // *Евразийское Научное Объединение*. 2020. №4-4(62). С. 271-274.

Старейшие церкви России – Старейшие церкви России. [Электронный ресурс]. URL: <http://diletant.ru> (дата обращения: 03.05.2021).

Стратегия развития..., 2019 – Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года №2129-р). Справочно-Правовая системы Консультант Плюс.

Тасс – Дочерние структуры туроператора "Библио-Глобус" вложат 2,5 млрд руб. в развитие Архыза. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 03.05.2021).

Темerezова, 2021 – Темerezова З.С. Особенности развития туризма в карачаево-черкесской республике // *Форум молодых ученых*. 2021. № 1 (53). С. 323-327.

Троян, 2021 – Троян И.А. Антикризисные факторы конкурентоспособности предприятий сферы услуг // *Вестник университета*. 2021. №1. С. 62-69.

References

Belyaev, 2020 – Belyaev, S.A. (2020). Analiz dinamiki valovogo vnutrennego produkta klyuchevykh partnerov Rossii po vneshnei torgovle [Analysis of the dynamics of the gross domestic product of Russia's key partners in foreign trade]. *Regional'nyi vestnik*. 3(42): 87-89. [in Russian]

Budushchee i nastoyashchee... – Budushchee i nastoyashchee novogo gornolyzhnogo kurorta Arkhyz [The future and the present of the new ski resort Arkhyz]. [Electronic resource]. URL: <https://nedoma.ru> (date of access: 03.05.2021). [in Russian]

Korzhova, 2020 – Korzhova, G.A. (2020). Perspektivy razvitiya predpriyatii sfery uslug v usloviyakh global'noi pandemii [Prospects for the development of enterprises in the service sector in the context of a global pandemic]. *Problemy razvitiya predpriyatii: teoriya i praktika*. 1-1: 109-112. [in Russian]

Moreva i dr., 2017 – Moreva, S.N., Zobova, E.V., Yakovleva, L.A. (2017). Osnovnye tendentsii razvitiya industrii gostepriimstva v Rossii [The main trends in the development of the hospitality industry in Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 5. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-industrii-gostepriimstva-v-rossii-1> (date of access: 27.05.2021). [in Russian]

RIA Rating – Reiting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov – 2021 [Rating of the socio-economic situation of the regions-2021]. [Electronic resource]. URL: <http://riarating.ru> (date of access: 03.05.2021).

Rosstat – Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (date of access: 05.05.2021)

Sachenok, 2020 – Sachenok, L.I. (2020). Otsenka biznes-sredy predpriyatii sfery uslug [Assessment of the business environment of an enterprise in the service sector]. *Evraziiskoe Nauchnoe Ob"edinenie*. 4-4(62): 271-274. [in Russian]

Stareishie tserkvi Rossii – Stareishie tserkvi Rossii [The oldest churches in Russia]. [Electronic resource]. URL: <http://diletant.ru> (date of access: 03.05.2021). [in Russian]

Strategiya razvitiya..., 2019 – Strategiya razvitiya turizma v Rossiiskoi Federatsii na period do 2035 goda (utverzhdена Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 20 sentyabrya 2019 goda №2129-r) [Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035 (approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2019 No. 2129-r)]. Spravochno-Pravovaya sistema Konsul'tant Plyus. [in Russian]

Troyan, 2021 – Troyan, I.A. (2021). Antikrizisnye faktory konkurentosposobnosti predpriyatii sfery uslug [Anti-crisis factors of competitiveness of enterprises in the service sector]. *Vestnik universiteta*. 1: 62-69. [in Russian]

Zelenskie khramy – Zelenskie khramy [Zelensky temples]. [Electronic resource]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (date of access: 03.05.2021). [in Russian]

ARKHYZ Mnogolikii – ARKHYZ Mnogolikii. Khramy. Lik Khrista. Kurort «Romantik». Pavel Boiko [RKHYZ Many-sided. Temples. The face of Christ. Resort "Romantic". Pavel Boyko]. [Electronic resource]. URL: <https://guidekavkaz.ru> (date of access: 03.05.2021). [in Russian]

УДК 33

Неизведанный потенциал северного Кавказа. Внутренний туризм – путешествия по России как часть образа жизни

Григорий Яковлевич Ратушняк ^{а, *}, Мария Алексеевна Асеева ^а

^а Западно-Подмосковный институт туризма – филиал РМАТ, Большие Вяземы, Российская Федерация

Аннотация. В своем исследовании авторы акцентируют внимание на повышении роли сектора услуг в общем объеме ВВП как в России, так и в мире. Особое внимание уделяется развитию туристического бизнеса. В статье дается определение понятия "внутренний туризм". В статье описаны современные тенденции развития внутреннего туризма в Российской Федерации в связи с новой коронавирусной инфекцией Covid-19. Выделены основные проблемы развития внутреннего туризма в Российской Федерации и предложены пути их решения. В статье рассматриваются основные проблемы низкой популярности российских курортов среди россиян, приводится статистический анализ рынка внутреннего туризма в Российской Федерации, его оценка в контексте экономического кризиса и других причин. В статье рассматривается разброс цен на туристические услуги в различных регионах Российской Федерации, а также процесс формирования этих цен. Затронуты основные направления развития туристско-рекреационного кластера России. В статье анализируются популярные туристические направления России по регионам. Проведен анализ туристического потенциала Карачаево-Черкесской Республики, описан потенциал курорта Архыз. Несмотря на проблемы, внутренний туризм продолжает активно развиваться и должен приносить ощутимые доходы в бюджет не только регионов, но и в консолидированный бюджет страны.

Ключевые слова: туризм, внутренний туризм, туристская отрасль, Архыз, курорты Северного Кавказа.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ratushnjak@yandex.ru (Г.Я. Ратушняк),
aseevamaria@mail.ru (М.А. Асеева)

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 288-301

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338.48

Process Approach in Managing Sustainable Reproduction of Regional Tourism Product

Galina M. Romanova ^a, Vladimir N. Sharafutdinov ^a, Elena V. Onishchenko ^{a,*}

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The subject of the article is the problem of sustainable reproduction of the regional tourist product with the help of the tourist technological platform, relying in its activity on the process approach. The authors present a graphic model of sustainable reproduction of the regional tourist product; the conditions of controllability of this process are outlined, the key elements of its object decomposition are identified; the main, according to the researchers, criterion of effectiveness of interaction between the key participants of the tourist sphere on the basis of the technological platform in relation to the socio-economic development of the region is defined. The conclusion is made that the integral efficiency of interaction between the participants of the regional tourist product reproduction process, first of all, should be determined by the choice of such a vector of self-development of the tourist sphere, which would provide the best way to preserve and develop human potential in the free spatial and temporal coordinates of human activity.

Keywords: tourism, tourism sector of the economy, regional tourism product, tourism technology platform, process approach, strategizing, sustainable reproduction.

1. Введение

Всестороннее представление процессного подхода, основанного на достижениях подхода функционального, изначально было разработано зарубежными исследователями в первой половине XX века. В данной области заслуживают внимания работы А. Файоля, Р. Шонбергера, М. Фоллетта, У. Шухарта, Дж. Джуран, Э. Деминга, А. Фейгенбаума, Ли Якокки и др. Но эти учёные, в основном, акцентировали внимание только на улучшении качества бизнес-процессов на микроуровне, то есть уровне предприятий, сыграв определённую роль в обогащении теории менеджмента новыми направлениями, такими как управление качеством, логистика, управление проектами, философия «бережливого производства» и др.

Отличительной особенностью периода с 70-х годов прошлого века по настоящее время становится то, что процессный подход включён в число основополагающих в системе управления не только корпоративных структур и некоммерческих организаций, но и социально-экономических систем более высокого уровня и порядка. То есть «управление бизнес-процессами переходит на более высокий межорганизационный уровень, приобретая, в том числе, аспект региональности» (Евдокимова, 2011).

Эпоха информатизации и цифровизации мировой экономики буквально подстегнула применение процессного подхода на уровне крупных транснациональных компаний, где их

* Corresponding author

E-mail addresses: elon@list.ru (E.V. Onishchenko), romanova@sutr.ru (G.M. Romanova), 398993@gmail.com (V.N. Sharafutdinov)

взаимодействие с многочисленными контрагентами можно изобразить в виде многозвенной цепочки процессов, охватывающих территории не только нескольких государств, но и целых регионов, превращая межорганизационные процессы в процессы глобальные.

Всё это мы можем наблюдать и в туристском секторе мировой экономики, где туристские технологические платформы разного уровня и масштаба, начиная уже от ставших традиционными маркет-плейсов до технологических платформ дестинаций, в полной мере используют процессный подход для достижения стратегических целей, наращивая не только инвестиционную, но и туристскую привлекательность своих регионов и продуктов, решая таким образом, проблемы и социально-экономического характера, в том числе выдерживая всевозможные угрозы и потрясения, типа коронавирусной пандемии (Kock et al., 2017; Foris et al., 2020; Paskova et al., 2021).

Учитывая многоотраслевой характер туристского сектора экономики многих регионов мира, включая отечественные регионы туристско-курортной специализации, управление развитием туризма в них вызывает всё более настоятельную необходимость моделирования механизма взаимодействия всех многочисленных участников туристской сферы, как сложной саморазвивающейся системы в пространственной структуре регионов (Шарафутдинов и др., 2020). Степень эффективности их взаимодействия уже прямо начинает зависеть от наличия разработанных и используемых туристским сектором экономики регионов технологических платформ, способных функционировать в режиме Big Data и интегрировать на своей основе все основные информационные потоки о воспроизводстве региональных туристских продуктов (далее – РТП) в пространстве туристской сферы. Одновременно, органично увязывая интересы власти, науки, бизнеса и общественности, как в стратегии развития туризма, так и в устойчивое социально-экономическое развитие регионов. Но такого рода туристские технологические платформы должны обладать свойством генерирования перехода, как минимум, всех отраслей экономики регионов, охватываемых туристским сектором, на современные информационные и цифровые технологии, а также налаживания всех своих процессов с максимальной эффективностью и результативностью.

В этой связи целью статьи является исследование проблемы обеспечения устойчивого воспроизводства региональных туристских продуктов с помощью возможностей и потенциала процессного подхода.

2. Материалы и методы

Наряду с общенаучными методами, исследование опирается на методологию системного, процессного и воспроизводственного подходов, теорию саморазвития социально-экономических систем. Использование структурно-логического метода позволяет воссоздать туристско-рекреационную сферу региона как целостность, которую можно визуализировать для анализа и дальнейшего перспективного планирования воспроизводственного процесса регионального туристского продукта.

3. Обсуждение

В научных исследованиях, посвящённых *процессному подходу* в управлении социально-экономическими системами, его рассматривают «как универсальный управленческий принцип, позволяющий совершенствовать и повышать эффективность разнообразных видов деятельности вне зависимости от их специфики» (Евдокимова, 2011: 6), а сам *процесс* представляют в виде последовательности действий (или шагов, этапов), которые формируют дополнительные ценности для всех заинтересованных сторон процесса путём преобразования с помощью ресурсов входящих элементов в требуемые выходящие.

Применительно к туристской сфере экономики региона данный процесс можно представить в виде схемы, демонстрирующей в укрупнённом виде модель обеспечения устойчивого воспроизводства РТП, основанной на процессном подходе (Рисунок 1).

Рис. 1. Модель обеспечения устойчивого воспроизводства регионального туристского продукта, основанного на процессном подходе
 Источник: составлено авторами

В модели показано, что потребители и производители РТП, равно как и другие заинтересованные стороны (ими могут быть администрации всех уровней, научные, образовательные, общественные организации и др.) играют существенную роль в предоставлении входных данных, характеризующих их потребности и спрос. С другой стороны, воспроизводственный процесс РТП, включающий определённые стадии (производство, распределение, обмен и потребление), опирается на использование всех видов туристско-рекреационных ресурсов (природно-рекреационных, культурно-исторических, материально-технических, кадровых, технологических и пр.), управление которыми, вкуче с постоянным процессом стратегирования и мониторинга всех параметров РТП, на выходе в значительной степени влияет на результаты данного процесса в каждом воспроизводственном цикле. Полученная информация от потребителей, характеризующая удовлетворённость или неудовлетворённость от качества РТП, должна поступать в систему управления, как «регулятора» процесса, и использоваться с целью улучшения следующего воспроизводственного цикла.

Следует отметить, что в основе управляемости процесса воспроизводства РТП должно присутствовать соблюдение следующих условий: 1) наличие разработанных регулирующих механизмов управления процессом воспроизводства РТП и определение их адекватных институциональных форм; 2) право и обязанность включения и вовлечения в эти механизмы всех необходимых туристско-рекреационных ресурсов региона; 3) наличие технологий или отработанных процедур выполнения процесса, включая их

документирование; 4) выстроенная система сбора объективной информации о ходе и параметрах процесса, удовлетворённости потребителей и эффективного использования туристской ресурсной базы региона; 5) обеспечение устойчивого воспроизводства и конкурентоспособности РТП.

В современных условиях, на наш взгляд, регулируемыми механизмами такого рода управления процессами воспроизводства РТП в отечественных туристско-рекреационных регионах вполне уже могут и должны выступать *туристские технологические платформы*, как системы «правил и алгоритмов сетевого взаимодействия всех заинтересованных участников» туристской сферы «в получении прорывных конкурентных преимуществ, функционирующие на основе базовых и прикладных уникальных технологий (информационных, цифровых, организационных, коммуникационных, производственных, образовательных, социальных и др.), способных обеспечить стратегическое инновационное развитие по выбранным направлениям со значительным экономическим и социальным эффектом» (Онищенко, Гордиенко, 2020: 1460).

4. Результаты

Управление процессами, в данном случае процессами воспроизводства РТП в пространстве туристской сферы региона, имеет свои существенные особенности. Оно кардинально отличается от управления конкурентоспособностью отдельных турпродуктов, так как требования «к процессу могут быть значительно шире, чем к продукту. Требования к продукту являются частным случаем общих требований к процессу» (Васильков, 2008a; Васильков, 2008b).

При этом главное здесь не столько сам конечный продукт (РТП) в заключительных фазах его воспроизводственных циклов (обмена – потребления), сколько *качество всего процесса его воспроизводства*. Оно должно гарантировать именно такой длительный воспроизводственный процесс, который бы обеспечивал постоянное соответствие турпродуктов спросу со стороны туристов в пространственно-временных координатах регионов и, одновременно, устойчивость воспроизводства РТП, высокую эффективность использования туристского потенциала, которым обладает регион, не превышение оптимальных рекреационных и экологических нагрузок на все его системы.

Более того, РТП должен воспроизводиться таким образом, чтобы удовлетворение потребностей со стороны туристов не только не ущемляло интересов местных жителей, но и за счёт генерируемых туристами финансовых потоков, одновременно, повышало их уровень жизни и обеспечивало устойчивое социально-экономическое развитие региона.

Понятно, что решение такого рода многоплановой задачи должно основываться, прежде всего, на управлении качеством всего процесса воспроизводства РТП. И первый шаг в этом направлении – это его адекватная декомпозиция¹ как целого на различные отдельные взаимосвязанные подпроцессы в пространственно-временных координатах воспроизводства РТП.

При этом следует отметить необходимость органической встроенности стратегирования² и учёт процессов саморазвития туристских сфер регионов. По оценке специалистов теории саморазвития экономических систем, пора уже отказаться от мифов, «будто программирование развития противоречит логике развёртывания рынков и

¹«Декомпозиция в теории управления – это метод, с помощью которого системы делятся на подсистемы или составные части, цели на подцели, задачи на ряд взаимосвязанных подзадач, каждая из которых функционирует и решается независимо друг от друга, а затем производится их увязка между собой. Декомпозиция или упрощение системы необходима для выполнения второй стадии системного анализа – выявления взаимосвязи элементов данной системы» (Большой экономический..., 2021).

²«Под стратегированием, как правило, понимается системный подход к использованию имеющихся в обществе рычагов и стимулов для реализации поставленных целей посредством достижения консенсуса государства, частного бизнеса и институтов гражданского общества в направлении обеспечения его устойчивого развития. По сути, под стратегированием понимается «инкрементный (incremental – непрерывный) процесс, эволюционно отражающий изменения институтов (формальных и неформальных) и эффективность работы всей институциональной системы в процессе достижения поставленных целей. Процесс стратегирования включает в себя элементы стратегического планирования, прогнозирования и бюджетирования с учетом объективно складывающейся ситуации» (Зельднер, 2012: 13; Сорокин и др., 2017).

рыночной самоорганизации».³ Иными словами, процесс саморазвития туристской сферы на современном этапе развития общества, как сложной открытой целостной его подсистемы, обязательно должен включать в себя стратегирование как один из компонентов образования её свойств саморазвития. Причём это происходит под воздействием и влиянием таких факторов внешней среды, как научно-технический прогресс (или регресс), природные катаклизмы, типа коронавирусной пандемии, или других форм стихийных процессов в окружающей нас природе, органической частью которой мы являемся сами.

В результате целенаправленные действия человека в форме стратегирования оказываются органической составляющей спонтанных взаимодействий акторов всех уровней и масштабов участников туристской сферы, их интеграции и дезинтеграции в ходе воспроизводства востребованных современными турпотоками турпродуктов в самых различных объёмах, структурах и масштабах пространственных охватов.

В этих условиях всё более значимыми и актуальными вопросами, выходящими на первый план, когда мы сталкиваемся с проблематикой развития туризма в регионах или на региональном уровне, является *разработка критериев, определяющих эффективность взаимодействия ключевых участников туристской сферы*, на базе начинающихся сегодня попыток создания технологических платформ с целью обеспечения устойчивого воспроизводства конкурентоспособных региональных туристских продуктов во взаимосвязи с социально-экономическим развитием региона. При этом в первом приближении эти попытки, с точки зрения нашей гипотезы, должны основываться на следующих предположениях.

Во-первых, в содержание эффективности взаимодействия ключевых участников туристской сферы должно закладываться *определение степени достижения поставленных стратегических целей социально-экономического развития регионов*, хотя достижение этих целей зависит не только от туристского сектора экономики регионов.

Поэтому, во-вторых, должно иметь место *выявление роли туристского сектора в реализации поставленных стратегических целей социально-экономического развития*.

И, в-третьих, необходимо *достижение таких структур воспроизводственных пропорций процесса воспроизводства РТП, которые могли бы обеспечивать должный уровень их конкурентоспособности*.

Это обусловлено тем, что любые серьёзные изменения, в том числе в уровне конкурентоспособности таких крупномасштабных и многоотраслевых продуктов как РТП, возможны только при условии позитивных преобразований, как в структуре туристских секторов экономики, так и отражения этих изменений в структуре воспроизводимых РТП, востребованных туристами. Поэтому, как отмечают специалисты теории саморазвития региональной экономики, «постановка структурных задач развития в региональном разрезе является адекватной стоящим вызовам регионального развития» (Сухарев, 2017).

Таким образом, с этих позиций можно говорить о том, что *разработка критериев эффективности взаимодействия ключевых участников туристской сферы на базе технологической платформы устойчивого воспроизводства РТП должна определяться на основе успешного управления процессом структурообразования воспроизводственного процесса РТП*.

То есть, если структурообразование процесса воспроизводства РТП будет управляться, то у нас появляются определённые основания утверждать, что воспроизводимые в этих условиях РТП будут обладать достаточной конкурентоспособностью в своих ежегодных (или любых других периодах) воспроизводственных циклов. А вместе с тем и взаимодействие основных участников такого воспроизводственного процесса будет носить эффективный характер. Отсюда возникает вопрос, что собой представляет структура воспроизводственного процесса и, какие основные компоненты эту структуру

³«Программно-целевое управление региональными экономическими системами в России имело явные ограничения в применении, в том числе, по причине присутствовавшего мифа, будто программирование развития противоречит логике развёртывания рынков и рыночной самоорганизации. Однако, успешное развитие рынков вне программно-целевого подхода представляется сегодня крайне несостоятельным, так как теряются ориентиры развития, социальная значимость многих полезных в этом смысле видов хозяйственной деятельности, стохастически изменяется структура, выступающая правилом перелива ресурсов между секторами региональной экономики и регионами» (Сухарев, 2017).

образовывают? При этом следует отметить, что мы рассматриваем структуру туристской сферы производства как сложной открытой целостной системы, уже обладающей определёнными свойствами саморазвития (Шарафутдинов и др., 2020).

Отвечая на поставленный таким образом вопрос, исходя из достигнутых на сегодня результатов исследований по теории саморазвития или синергетики, полагаем, что в основе структуры любой сложной саморазвивающейся системы находятся образующиеся в ней на срединном уровне или мезоуровне ключевые параметры её саморазвития. Это обусловлено тем, что параметры саморазвития в любых сложных целостных саморазвивающихся системах являются такого рода узловыми информационно-организационными точками в пространственно-временных координатах их образования и функционирования, предопределяя, по мнению специалистов в области саморазвивающихся социально-экономических систем, зарождение и становление их структур (Дерябина, 2019: 94). Тем самым, по Хакену Г., «подчиняя» себе процессы самоорганизации этих систем (Хакен, 1991), как по отношению к их микроуровню, т.е. тысячам локальных предприятий и фирм в различных отраслях туристского сектора экономики, так и к макроуровню. Воздействуя, таким образом, на формирование ключевых направлений развития туризма в туристских пространствах регионов и системах управления его развитием.

Схема формирования параметров порядка саморазвития туристской сферы регионов в процессе воспроизводства конкурентоспособных региональных туристских продуктов нами была рассмотрена ранее (Sharafutdinov et al., 2020). Она включает семь взаимосвязанных и взаимно обуславливающих друг друга групп показателей:

a – группа показателей, характеризующих имеющуюся туристскую ресурсную базу регионов, вовлекаемую в ежегодное воспроизводство РТП без превышения рекреационной ёмкости регионов;

b – показатели перечня отраслей и сфер экономики региона, определённые доли продукции которых реально вовлекаются в воспроизводство РТП;

c – показатели спроса (объёмы, структура, динамика финансовых потоков), генерируемых турпотоками, вовлекаемыми в пространство регионов;

d – группа показателей, характеризующих эффективность использования имеющегося туристского потенциала региона;

e – показатели предложения воспроизводимых РТП;

f – показатели наличия и уровня стратегирования развития туристской сферы;

g – показатели качества и эффективности системы управления развитием туристской сферы.

Упустив хоть один из них, мы не сумеем правильно определить краеугольные элементы структуры туристских сфер как целостных систем.

Следует отметить, что эффективность взаимодействия каждого актора, вовлекаемого в пространство туристской сферы, зависит не только от эффективности его самостоятельных действий (компетентности, производительности, объёмов и других параметров функционирования), но не в меньшей степени от синхронности его взаимодействий с другими участниками процесса воспроизводства региональных турпродуктов. Зависит от осмысления их роли, значимости в создании конечного продукта, взаимозависимости каждого участника от действий его прямых и косвенных партнёров, от своевременности, надёжности и слаженности их совместных действий в процессе воспроизводства РТП во времени и пространстве туристской сферы данного региона.

При этом должна быть не только хорошая статистическая видимость каждого такого подпроцесса, но и *вытекающая из целей его стратегирования* сопряжённая динамика с параметрами других выделяемых подпроцессов в ходе происходящей декомпозиции. Только в этом случае на основе современных технологических подходов мы будем иметь возможность гарантированно воспроизводить такой РТП, параметры которого отвечали бы как спросу со стороны турпотока, так и требованиям рынка. И обладали бы достаточным уровнем конкурентоспособности для того, чтобы не только занимать свою определённую нишу на мировых туристских рынках, но и иметь перспективы её удержания и расширения.

При таком подходе принципиально важно подчеркнуть, что согласно нашей гипотезе в основе адекватной декомпозиции процесса воспроизводства РТП должны лежать параметры саморазвития туристских сфер, доминирующий характер которых проявляется во влиянии на структурообразование туристской сферы как целостной, открытой иерархически сложной и уже в значительной степени саморазвивающейся системы. При этом каждый параметр

саморазвития, являясь источником определённых информационных потоков в своих пространственно-временных лакунах, должен обеспечивать хорошие возможности для формирования такой динамики архитектуры статистических баз всего процесса воспроизводства РТП, чтобы его декомпозиция приводила к его хорошей управляемости, а в конечном счёте, и его высокой конкурентоспособности.

Важно при этом отметить, что это становится возможным только в современных условиях, когда появляются возможности оцифровки и информатизации реалий воспроизводства РТП на основе обработки неуклонно нарастающих больших данных, генерируемых информационными потоками со стороны параметров саморазвития и их взаимодействия в пространственно-временных координатах туристских сфер, используя для этого современные платформенные подходы, появившиеся в основном только в начале текущего века (Романова и др., 2020). В результате их разработок и реализации в теорию и практику стали входить высокотехнологичные технологические платформы, способные обеспечивать устойчивое воспроизводство многоотраслевых крупномасштабных продуктов в режиме Big Data. В сфере туризма востребованность такого рода платформ, а именно – туристских технологических платформ, стремительно нарастает. И очевидно, что те регионы, в которых будут создаваться РТП на их основе, в ближайшей перспективе, безусловно, будут вытеснять с туристских рынков турпродукты тех регионов, в которых такие платформы не будут разрабатываться и использоваться.

Согласно нашей гипотезе, *на первом шаге* и на первом уровне декомпозиции воспроизводственного процесса РТП, с целью обеспечения управления его качеством, процесс необходимо разделить на следующие три укрупнённых образования (Рисунок 2).

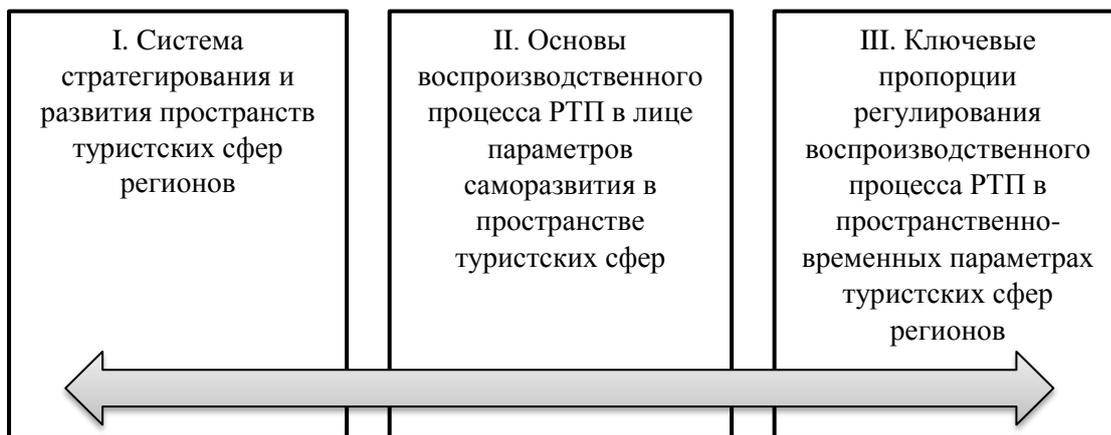

Рис. 2. Основные блоки процесса воспроизводства РТП в пространстве туристских сфер регионов (Составлено авторами)

Первый блок данного декомпозиционного образования должен обозначить контуры и содержание механизма стратегирования процесса воспроизводства РТП. Он должен заложить целевые ориентиры функционирования туристской сферы,⁴ достижение которых

⁴ «В цели содержится в снятом виде активная природа субъекта деятельности, она выступает как целеустремленность. Целеустремленность – это субъективное осознание людьми цели своей деятельности, знание средств и методов ее достижения. Здесь многообразие функциональных целей наталкивается на оценочный аспект целеполагания, выстроенный по актуальности и значимости целей, когда осознается приоритет перспективных целей, реализация которых составляет стратегию целеполагания. Непосредственно целеполагание реализуется (или протекает) в рамках духовной деятельности человека, но этот вид деятельности не является самодостаточным и не замыкается в себе. Как признано в философии, целеполагание обслуживает практическую деятельность человека и оценивается в зависимости от того, как оно влияет на эту деятельность. Отсюда следует, что практическая деятельность человека по отношению к целеполаганию выступает как целеосуществление. Вот почему исследование целеполагания также не должно замыкаться в нем. Исследование целеполагания может считаться завершённым только в том случае, когда это исследование охватывает этап целеосуществления, то есть выходит за рамки собственно целеполагания. Целеполагание есть решимость преодоления препятствий, которые могут встать на

всего зависит от управления качеством процесса воспроизводства РТП. Иными словами, смысл данного композиционного образования заключается в том, чтобы органически вписать в процесс саморазвития туристских сфер целенаправленное регулирование процесса воспроизводства РТП со стороны всех его основных участников, которыми, как правило, являются представители науки, власти, бизнеса и общественности регионов; их способности совместно управлять качеством процесса воспроизводства РТП.

Второй блок укрупнённого декомпозиционного образования воспроизводственного процесса РТП должен чётко обозначить *объект и субъект управления развитием туризма на уровне региона* для того, чтобы процесс стратегирования и управления воспроизводством РТП основывался на определении как реальных контуров параметров саморазвития туристских сфер, так, в конечном счёте, их структурообразовании, и на этой основе взаимодействии и синхронном управлении отраслей и сфер, охватываемых туристским сектором экономики регионов. При этом многоотраслевой охват должен основываться на определении совокупности турпродуктовых долей, воспроизводимых этими отраслями в составе РТП, востребованных спросом со стороны туристов.

Третий блок декомпозиционного образования должен охватывать *основные пропорции процесса воспроизводства РТП, то есть его структуру*, образующуюся из складывающихся взаимоотношений параметров саморазвития туристской сферы. Именно она должна выявляться в процессе декомпозиции третьего блока с целью определения основных ключевых воспроизводственных пропорций, подлежащих регулированию на протяжении каждого его воспроизводственного цикла в их непрерывной взаимосвязи и взаимозависимости. При этом, основываясь на заделах первого и второго этапов декомпозиции с целью получения возможности реально управлять качеством всего процесса воспроизводства РТП в интересах устойчивого обеспечения их высокого конкурентного уровня ([Рисунок 3](#)).

На втором шаге декомпозиции воспроизводственного процесса РТП речь должна идти уже о декомпозиции каждого из трёх выше указанных декомпозиционных образований. При этом второй уровень должен быть тесно взаимосвязан с первым, определяя основные цели и средства, необходимые для решения задач, обозначенных на первом уровне декомпозиции процесса воспроизводства РТП.

I блок
1.1 Статистическое видение информации, генерируемой параметрами саморазвития туристской сферы региона. 1.2. Миссия и стратегия развития туристской сферы региона. 1.3. СТП, генеральные планы, флагманские проекты как инструменты реализации намеченных стратегий развития туристской сферы региона.
II блок
2.1. Туристские ресурсы региона. 2.2. Туристский сектор экономики региона (более 50 современных отраслей и сфер). 2.3. Объём и структура воспроизводимых РТП. 2.4 Параметры личного и производственного туристского потребления в ведущих регионах мира в сравнении с параметрами данной туристской сферы региона. 2.5. Спрос со стороны туристов, вовлекаемых в регион. 2.6. Наличие действующей туристской технологической платформы, основанной на цифровизации экономики. 2.7. Показатели наличия и уровня стратегирования развития туристской сферы. 2.8. Показатели качества и эффективности системы управления развитием туристской сферы.

пути реализации цели. Здесь речь идет о мотивированном и немотивированном подходе. В первом случае целеустремленность опирается на знания, выбор методов, социальные критерии, культурные универсалии и т.д. Во втором случае знание может не играть решающей роли, и тогда целеустремленность идет путем проб и ошибок. Поэтому субъект деятельности готов отвечать за цели, но ни в коей мере не за результаты» ([Гавеля, 1998](#)).

III блок

3.1 Сопряжённость основных фаз воспроизводственного процесса РТП (производство, распределение, обмен, потребление).

3.2 Соотношение объёмов воспроизводимых РТП с параметрами имеющейся туристской ресурсной базы.

3.3 Соотношение РТП/ВРП, как инструмент гармонизации интересов туристов и местных жителей.

3.4. Соотношение внутренних, въездных, выездных турпотоков с состоянием бюджета региона (дефицита – профицита бюджета региона в части его туристской составляющей).

3.5. Адекватность системы управления развитием туризма в регионе как субъекта управления, сложности объекта управления, который представлен процессом воспроизводства РТП в пространстве туристской сферы региона.

3.6. Отношение уровня туристского потребления в ведущих регионах мира к фактическому в данном регионе (количественные и качественные показатели по объёму и структуре потребительской корзины туристов в сравниваемых регионах).

Рис. 3. Декомпозиция объектов и содержания воспроизводственного процесса РТП (Составлено авторами)

Анализ второго уровня декомпозиции воспроизводственного процесса РТП уже явно начинает затрагивать проблемы формирования *интегральной эффективности взаимодействия участников процесса воспроизводства РТП*, представляющей собой уже качество всего процесса воспроизводства РТП в целом. Суть этого качества, как мы полагаем, по-видимому, должно заключаться в таком направлении вектора саморазвития туристской сферы, которое бы наилучшим образом обеспечивало сохранение и развитие человеческого потенциала в свободных пространственно-временных координатах деятельности человека в любой её сфере, то есть в любых разворачивающихся направлениях развития туризма. И при этом направление этого вектора выдерживалось бы при любых *допустимых* его отклонениях в любой фазе воспроизводственного процесса РТП, на всех его этапах и циклах.

С этих позиций *интегральная эффективность взаимодействия* участников воспроизводственного процесса РТП оказывается в явной взаимосвязи с управлением его конкурентоспособностью и наделением её определёнными особенностями, обусловленными процессом воспроизводства в целом.

Во-первых, речь идёт о том, что уровень конкурентоспособности будет определяться, прежде всего, качеством всего процесса воспроизводства РТП.

Во-вторых, само определение «конкурентоспособности РТП» носит перманентно процессный характер, так его параметры формируются в процессе всего воспроизводства РТП. Начиная с целеполагания, охватывающего туристскую ресурсную базу в пространстве регионов на основе сравнений эффективности её использования в сопоставлении с ведущими регионами мира, до активного использования современных технологий, способных обеспечить устойчивое воспроизводство высококонкурентных РТП.

В-третьих, речь идёт не об одном цикле, а непрерывном процессе воспроизводства РТП, его цикличном характере. При этом в процессе саморазвития туристской сферы РТП способен непрерывно видоизменять свои параметры, одновременно подстраиваясь под динамику спроса со стороны вовлекаемых в региональное пространство туристских потоков на каждом новом цикле воспроизводства РТП и изменения своих внутренних состояний под воздействием самых различных внутренних и внешних факторов.

И, в-четвёртых, важно отметить, что декомпозиция II блока, по существу, опирается на параметры саморазвития туристской сферы, что предполагает необходимость обеспечения статистической видимости информационных потоков в пространственных локациях региона и формирования из них объёмов и структуры больших данных о реалиях процесса саморазвития туристской сферы в целом. Например, в части такого параметра саморазвития туристской сферы в любом регионе мира как имеющиеся в ней туристские ресурсы, необходим не только мониторинг их наличия, но и их состояния, качества, степени вовлечённости в воспроизводство РТП, эффективности их использования и др. То же самое

относится к контурам туристского сектора, динамики спроса со стороны турпотоков, сравнениям с аналогичными РТП других регионов мира по уровню и качеству туристского личного и производственного потребления (сопоставление величин затрат на создаваемые турпродукты) и т.д.

Всё это указывает на то, что управление конкурентоспособностью РТП на деле означает управлением качеством его воспроизводственных циклов, в рамках которых и происходит постоянная подпитка мировых туристских рынков в фазах их обмена и потребления. Причём так и таким образом, чтобы одновременно удовлетворять спрос со стороны турпотоков на РТП и, одновременно, обеспечивать социально-экономическое развитие регионов своего воспроизводства.

В этих условиях важно отметить принципиальную разницу между турпродуктами, формируемыми туроператорами со своими агентскими структурами, и управлением воспроизводством РТП, создаваемых туристскими секторами экономики регионов под воздействием спроса туристов. Причём не столь важно, формируется этот спрос сквозь призму понимания структур всех действующих туроператоров или он формируется самими туристскими потоками, использующими в настоящее время информационные платформы, порталы региональных информационных центров или другие источники в современных туристских информационных пространствах, посредством которых сегодня формируется уже более 80 % мировых турпотоков. В этой связи принципиально важно отметить, что любые туроператорские структуры или бренды РТП, создаваемые в информационных пространствах, формируют только идеальные образы РТП. А вот наполнение их реальным содержанием осуществляется системами управления развитием туризма в каждом конкретном регионе по мере возрастающего уровня своего развития, приобретающего всё более значимые свойства саморазвития.⁵

Поэтому реальное управление конкурентоспособностью РТП зависит, прежде всего, от качества сложившихся систем управления туристскими сферами регионов,⁶ где основными компонентами являются власть, бизнес, наука и общественные структуры, от успешного взаимодействия которых, собственно, и зависит качество управления воспроизводством РТП на всю его структурную глубину и масштабы охватываемого пространства. При этом важно отметить, что деятельность туроператорских и их агентских структур в регионах страны, при определённых условиях хорошо дополняют, но никогда не подменяют роли и значения систем управления развитием туризма в регионах.

5. Заключение

Из вышеизложенного следует, что ключевую роль в решении проблем управления конкурентоспособностью РТП играет адекватность декомпозиции воспроизводственного процесса РТП его логистике. Основная его цель – это обеспечение высокого качества управления параметрами всего процесса воспроизводства востребованных турпотоками РТП, которые в равной степени должны как удовлетворять спрос со стороны вовлекаемых в пространство туристов, так и позитивно воздействовать на устойчивое социально-экономическое развитие регионов туристско-курортной специализации.

Как было представлено выше, на первом уровне декомпозиции необходимо получить ясные представления о целях развития туризма в регионе, объекте и субъекте управления его развитием и тех ключевых параметрах саморазвития и их взаимодействия в пространстве туристских сфер в виде разнообразных воспроизводственных пропорций или структур, которые могут обеспечить адекватную динамику статистической архитектуры

⁵ При этом не следует смешивать саморазвитие с понятиями «саморегулирование» или «хаотичным» развитием. В первом случае согласно Закону РФ о саморегулируемых организациях «под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль над соблюдением требований указанных стандартов и правил» (Федеральный закон... 2007). В тоже время под хаотичным развитием понимается процесс. «лишенный порядка, систематичности, стройности» (Значение слова..., 2021).

⁶ Характерно, что на необходимость совершенствования управления развитием туризма на уровне регионов, достижения необходимой для этого статистической видимости на совещании 6 сентября 2021 г. в Правительстве РФ «было принято решение подготовить для регионов типовую методику использования больших данных» (Дмитрий Чернышенко, 2021).

больших данных для обеспечения должного управления качеством процесса воспроизводства востребованных РТП в направлении намечаемых рубежей социально-экономического развития регионов.

На втором уровне декомпозиции речь должна пойти о необходимости определения средств и способов регулирования процесса воспроизводства РТП в целом, с целью достижения целей и задач, определённых на первом уровне. При этом, предложенные в данной статье структурные варианты производственных пропорций процесса воспроизводства РТП далеко не исчерпывают всего их существующего в реальной действительности огромного потенциального многообразия. Представленный двухуровневый вариант декомпозиции процесса воспроизводства РТП с целью управления его качеством для получения устойчивого воспроизводства высококонкурентных РТП в пространстве туристских сфер регионов не является окончательным, так как находится на начальном этапе исследования этой сложной и пока слабо разработанной фундаментальной проблемы теории развития туризма.

Принципиально важным условием стратегирования развития туристских сфер как саморазвивающихся систем выступает должный уровень информатизации, цифровизации и технологизации востребованных турпотоками РТП посредством разработки и использования современных туристских технологических платформ. С этих позиций, как мы полагаем, представленные основные контуры декомпозиции могут быть положены в основу подходов к пионерным экономико-математическим моделям создания туристских технологических платформ, способных обеспечивать должную эффективность взаимодействия основных участников воспроизводства высококонкурентоспособных РТП.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00530А.

Литература

[Большой экономический...](#), 1997 – Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики. А.Н. Азрилиян. 1997. [Электронный ресурс]. URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru/3303/ДЕКОМПОЗИЦИЯ (дата обращения: 17.09.2021).

[Васильков, 2008a](#) – *Васильков Ю.В.* Управление процессами (часть 1) // *Методы менеджмента качества*. 2008. № 4. С. 10-14.

[Васильков, 2008b](#) – *Васильков Ю.В.* Управление процессами (окончание) // *Методы менеджмента качества*. 2008. № 5. С. 8-11.

[Гавеля, 1998](#) – *Гавеля В.Л.* Целеполагание в структуре социальной деятельности человека. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. доктора философ. наук. Москва, 1998. 46 с.

[Дерябина, 2019](#) – *Дерябина М.А.* Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // *Вопросы экономики*. 2019. № 7. С. 73-94. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-73-94

[Дмитрий Чернышенко, 2021](#) – Дмитрий Чернышенко провёл совещание по организации сбора и анализа статистических данных для управления туристической отраслью. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/43183/> (дата обращения: 08 09 2021).

[Евдокимова, 2011](#) – *Евдокимова Е.Н.* Эволюция процессного подхода в управлении и перспективы его развития // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2011. № 4 (28). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-protsessnogo-podhoda-v-upravlenii-i-perspektivy-ego-razvitiya/viewer> (дата обращения: 08 09 2021).

[Зельднер, 2012](#) – *Зельднер А.Г.* Место стратегирования в понятийно-категориальной системе прогнозирования // *Экономические науки*. 2012. №8(93). С. 7-15.

[Значение слова, 2021](#) – Значение слова «хаотичный» // *Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер.* Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/хаотичный> (дата обращения: 17.09.2021).

[Онищенко, Гордиенко, 2020](#) – *Онищенко Е.В., Гордиенко С.В.* Трансформация понятия «технологическая платформа» в контексте тенденций инновационного развития мировой

экономики // *Вопросы инновационной экономики*. 2020. Том 10. №3. С. 1449-1466. DOI: 10.18334/vines.10.3.110691

Романова и др., 2020 – Романова Г.М., Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В., Симонян Р.А. Туристская технологическая платформа как инструмент развития туристской сферы // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2020. №6 (126). С. 93-98.

Сорокин и др., 2017 – Сорокин Д.Е., Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В. О проблемах стратегирования развития туризма в регионах России (на примере Краснодарского края и города-курорта Сочи) // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 764-776. DOI: 10.17059/2017-3-10

Сухарев, 2017 – Сухарев О.С. Элементы теории саморазвития региональной экономики: структура и управление // *ВЕСТНИК АКСОР*. 2017. №1 (41). С. 67-79.

Федеральный закон..., 2007 – Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12157433/> (дата обращения: 17.09.2021).

Хакен, 1991 – Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам: пер. с англ. Москва: Мир, 1991. 240 с.

Шарафутдинов и др., 2020 – Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В., Романов М.С. Сфера туризма в свете теории самоорганизации сложных систем // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2020. №31 (5). С. 284-290. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10566

Foris et al., 2020 – Foris D., Florescu, A., Foris, T., Barabas S. Improving the Management of Tourist Destinations: A New Approach to Strategic Management at the DMO Level by Integrating Lean Techniques. *Sustainability*. 12: 10201. DOI: 10.3390/su122310201

Kock et al., 2017 – Kock F., Josiassen A., Assaf A. A Dual Process Approach to Understand Tourists' Destination Choice Processes. *2017 TTRA Conference Proceedings: Tourism Travel and Research Association: Advancing Tourism Research Globally* Association for Information Systems. AIS Electronic Library (AISeL). [Electronic resource]. URL: <http://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2083&context=ttra>

Paskova et al., 2021 – Paskova M., Wall G., Zejda D. Zelenka J. Tourism carrying capacity reconceptualization: Modelling and management of destinations // *Journal of Destination Marketing & Management*. 21: 15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2021.100638>

Sharafutdinov et al., 2020 – Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V., Simonyan A.R. Drivers of the Development of Modern Tourist Spaces // *Sochi Journal of Economy*. 2020. №14(3). Pp. 311-322. [Electronic resource]. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1604583818.pdf

References

Bol'shoj ekonomicheskij..., 1997 – Bol'shoj ekonomicheskij slovar' [Big Economic Dictionary]. M.: Institut novoj ekonomiki. A.N. Azriliyan. 1997. [Electronic resource]. URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru/3303/DEKOMPOZICIYA (date of access: 17.09.2021). [in Russian]

Deryabina, 2019 – Deryabina, M.A. (2019). Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya samoorganizacii social'no-ekonomicheskikh system [Theoretical and methodological foundations of self-organization of socio-economic systems]. *Voprosy ekonomiki*. 7: 73-94. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-73-94 [in Russian]

Dmitrij Chernyshenko, 2021 – Dmitrij Chernyshenko provyol soveshchanie po organizacii sbora i analiza statisticheskikh dannyh dlya upravleniya turisticheckoj otrasl'yu [Dmitry Chernyshenko held a meeting on the organization of the collection and analysis of statistical data for the management of the tourism industry]. [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/news/43183/> (date of access: 08.09.2021). [in Russian]

Federal'nyj zakon..., 2007 – Federal'nyj zakon ot 1 dekabrya 2007 g. № 315-FZ «O samoreguliruemym organizacijah» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal Law No. 315-FZ of December 1, 2007 «On Self-Regulating Organizations» (with amendments and additions)]. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/12157433/> (date of access: 17.09.2021). [in Russian]

Foris et al., 2020 – Foris, D., Florescu, A., Foris, T., Barabas, S. (2020). Improving the Management of Tourist Destinations: A New Approach to Strategic Management at the DMO Level by Integrating Lean Techniques. *Sustainability*. 12: 10201. DOI: 10.3390/su122310201

Gavelya, 1998 – Gavelya, V.L. (1998). Celepolaganie v strukture social'noj deyatel'nosti cheloveka [Goal-setting in the structure of human social activity]. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. doktora filosof. nauk. Moskva, 46 p. [in Russian]

Haken, 1991 – Haken, G. (1991). Informaciya i samoorganizaciya: makroskopicheskiy podhod k slozhnym sistemam [Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems]: per. s angl. M.: Mir, 240 p. [in Russian]

Evdokimova, 2011 – Evdokimova, E.N. (2011). Evolyuciya processnogo podhoda v upravlenii i perspektivy ego razvitiya [The evolution of the process approach in management and the prospects for its development]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 4(28). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-protsessnogo-podhoda-v-upravlenii-i-perspektivy-ego-razvitiya/viewer> [in Russian]

Kock et al., 2017 – Kock, F., Josiassen, A., Assaf, A. (2017). A Dual Process Approach to Understand Tourists' Destination Choice Processes. In *2017 TTRA Conference Proceedings: Tourism Travel and Research Association: Advancing Tourism Research Globally* Association for Information Systems. AIS Electronic Library (AISeL). [Electronic resource]. URL: <http://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2083&context=ttra>

Onishchenko, Gordienko, 2020 – Onishchenko, E.V., Gordienko, S.V. (2020). Transformaciya ponyatiya «tehnologicheskaya platforma» v kontekste tendencij innovacionnogo razvitiya mirovoj ekonomiki [Transformation of the concept of "technological platform" in the context of trends in the innovative development of the world economy]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*. T. 10. 3: 1449-1466. DOI: 10.18334/vinec.10.3.110691 [in Russian]

Paskova et al., 2021 – Paskova, M. et al., Wall, G., Zejda, D., Zelenka, J. (2021). Tourism carrying capacity reconceptualization: Modelling and management of destinations. *Journal of Destination Marketing & Management*. 21: 15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2021.100638>

Romanova i dr., 2020 – Romanova, G.M., Sharafutdinov, V.N., Onishchenko, E.V., Simonyan, R.A. (2020). Turistskaya tekhnologicheskaya platforma kak instrument razvitiya turistskoj sfery [Tourist technology platform as a tool for the development of the tourism sector]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 6(126): 93-98. [in Russian]

Sharafutdinov et al., 2020 – Sharafutdinov, V.N., Onishchenko, E.V., Simonyan, A.R. (2020). Drivers of the Development of Modern Tourist Spaces. *Sochi Journal of Economy*. 14(3): 311-322. [Electronic resource]. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1604583818.pdf [in Russian]

Sharafutdinov i dr., 2020 – Sharafutdinov, V.N., Onishchenko, E.V., Romanov, M.S. (2020). Sfera turizma v svete teorii samoorganizacii slozhnyh system [The sphere of tourism in the theory of self-organization of complex systems]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 31(5): 284-290. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10566 [in Russian]

Sorokin i dr., 2017 – Sorokin, D.E., Sharafutdinov, V.N., Onishchenko, E.V. (2017). O problemah strategirovaniya razvitiya turizma v regionah Rossii (na primere Krasnodarskogo kraja i gorodakurorta Sochi) [On the problems of strategizing the development of tourism in the regions of Russia (on the example of the Krasnodar region and the resort city of Sochi)]. *Ekonomika regiona*. 13, vyp. 3. Pp. 764-776. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-3-10> [in Russian]

Suharev, 2017 – Suharev, O.S. (2017). Elementy teorii samorazvitiya regional'noj ekonomiki: struktura i upravlenie [Elements of the theory of self-development of the regional economy: structure and management]. *VESTNIK AKSOR*. 1(41): 67-79. [in Russian]

Vasil'kov, 2008a – Vasil'kov, Yu.V. (2008). Upravlenie processami (chast' 1). [Process management (part 1)]. *Metody menedzhmenta kachestva*. 4: 10-14. [in Russian]

Vasil'kov, 2008b – Vasil'kov, Yu.V. (2008). Upravlenie processami (okonchanie) [Process management (end)]. *Metody menedzhmenta kachestva*. 5: 8-11. [in Russian]

Zel'dner, 2012 – Zel'dner, A.G. (2012). Mesto strategirovaniya v ponyatijno-kategorial'noj sisteme prognozirovaniya [The place of strategizing in the conceptual-categorical forecasting system]. *Ekonomicheskie nauki*. 8(93): 7-15. [in Russian]

Znachenie slova, 2021 – Znachenie slova «haotichnyj» [The meaning of the word «chaotic»]. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. Moskva: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. [Electronic resource]. URL: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/haotichnyj> (date of access: 17.09.2021). [in Russian]

УДК 338.48

Процессный подход в управлении устойчивым воспроизводством регионального туристского продукта

Галина Максимовна Романова^а, Владимир Насибуллович Шарафутдинов^а,
Елена Васильевна Онищенко^а

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования в статье является проблема обеспечения устойчивого воспроизводства регионального туристского продукта с помощью туристской технологической платформы, опираясь в своей деятельности на процессный подход. Авторами представлена графическая модель обеспечения устойчивого воспроизводства регионального туристского продукта; обозначены условия управляемости данным процессом, выявлены ключевые элементы его объектной декомпозиции; определен главный, по мнению исследователей, критерий эффективности взаимодействия ключевых участников туристской сферы на базе технологической платформы во взаимосвязи с социально-экономическим развитием региона. Сделан вывод о том, что интегральная эффективность взаимодействия участников процесса воспроизводства регионального туристского продукта, в первую очередь, должна определяться выбором такого вектора саморазвития туристской сферы, который бы наилучшим образом обеспечивал сохранение и развитие человеческого потенциала в свободных пространственно-временных координатах деятельности человека.

Ключевые слова: туризм, туристский сектор экономики, региональный туристский продукт, туристская технологическая платформа, процессный подход, стратегирование, устойчивое воспроизводство.

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 302-307

www.vestnik.sutr.ru

UDC 334.72

Modern Practice of Supporting Youth Entrepreneurship

Irina S. Syrkova ^{a, *}

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

Youth is a strategic resource for the development of any country, and therefore, the main engine in expanding the business sector and improving its quality. The development of entrepreneurship among young people can help solve the problem of unemployment, and, as a result, the problem of increasing income levels. At the same time, several unresolved problems in the Russian Federation hinder the acceleration of the progress of youth entrepreneurship. The article discusses these problems, as well as ways to overcome them, associated with the practical implementation of mechanisms to support small businesses in the Russian Federation. In particular, the article examines such mechanisms of state support for entrepreneurship as information, financial, property, educational. The anti-crisis measures related to the pandemic of the new coronavirus infection, including a system of grants, loans, moratoriums, deferrals, and a reduction in various requirements, can also be considered a necessary but insufficient part of solving the problems of youth entrepreneurship development in Russia.

Keywords: youth entrepreneurship, small business support, unemployment reduction.

1. Введение

Молодежь является одним из основных стратегических ресурсов развития экономики страны и общества в целом (Кудрявец, 2016). Именно люди до 30 лет более подвижны, готовы к переменам любого характера, имеют большой творческий, научный и предпринимательский потенциал, а, следовательно, и больше способны к началу и развитию собственного бизнеса, чем люди старшего поколения. У молодежи более развита инновационная активность, а также способность к адаптации в быстро меняющейся предпринимательской среде (Шумик и др., 2015). Именно развитие молодежного предпринимательства сейчас в достаточной степени определяет его состояние в стране через 10-20 лет. Таким образом, выделение категории молодежного предпринимательства является важной задачей в управлении развитием бизнеса в России.

2. Материалы и методы

В ходе написания статьи были использованы такие источники информации, как: нормативно-правовая документация, касающаяся развития предпринимательства в РФ, отчетность и информационные материалы, размещенные на официальных сайтах министерств и ведомств РФ, а также специализированных государственных и негосударственных сайтах, созданных для поддержки МСП. Основой данного исследования стали аналитический, статистический, сравнительный методы, а также метод синтеза,

* Corresponding author

E-mail addresses: syrkovai@mail.ru (I.S. Syrkova)

которые позволили преобразовать и обобщить исходные данные о развитии молодежного предпринимательства и мерах его поддержки.

3. Обсуждение

«Молодежное предпринимательство», как официальный термин, закрепленный в нормативном документе, рассматривается в распоряжении Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Это распоряжение определяет молодежное предпринимательство как предпринимательскую деятельность граждан в возрасте до 30 лет, а также юридических лиц (субъектов малого и среднего предпринимательства), средний возраст штатных работников которых, а также возраст руководителя не превышает 30 лет либо в уставном (складочном) капитале которых доля вкладов лиц не старше 30 лет превышает 75 процентов ([Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р](#)). То есть понятие молодежного предпринимательства, как отмечает Д.М. Вдовина, чаще всего рассматривают в рамках ограничений по возрастному цензу ([Вдовина, 2021](#)).

Согласно официальному определению можно сделать вывод о том, что молодежное предпринимательство рассматривается в документе не только как способ развития бизнеса в стране, но и как ресурс для роста занятости населения в возрасте до 30 лет ([Мухамбетова, Примбетова, 2020](#)). Согласно данным сайта Федеральной службы государственной статистики ([Сайт Федеральной службы государственной статистики, 2021](#)) в 2020 году наблюдается некоторый рост безработицы среди трудоспособного населения ([Рисунок 1](#)).

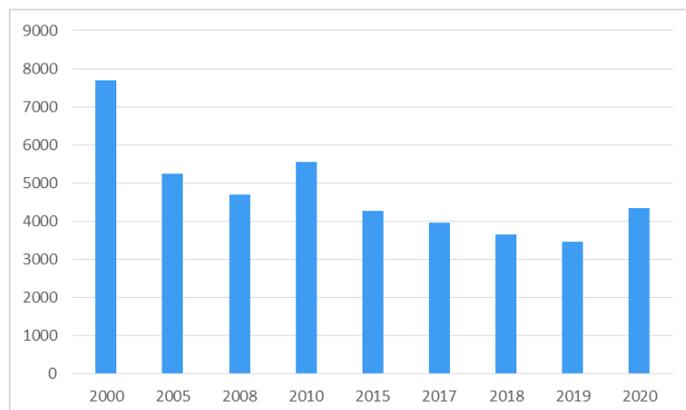

Рис. 1. Динамика численности безработных в Российской Федерации, чел.

По данным Росстата, уровень безработицы среди молодежи 15-24 лет в конце 2019 года составил 18,6 % (в 3 раза выше общего уровня безработицы по стране). Такое положение вещей связано со многими эндогенными и экзогенными факторами, в частности с недостатком рабочих мест по специальности или нежеланием работать за то вознаграждение, которое предлагает рынок труда.

Логичным путем решения проблемы молодежной безработицы можно считать развитие молодежного предпринимательства, что и закреплено в основах молодежной политики РФ.

Однако малый и средний бизнес зачастую сталкивается с рядом проблем, которые мешают как открыть собственное дело, так и развивать его, делая финансово устойчивым и экономически безопасным. Среди таких проблем можно выделить следующие:

1. Трудности финансирования на старте бизнеса и в его развитии. Как правило, молодые люди не имеют достаточного количества личных финансовых ресурсов для начала собственного дела, при этом также не всегда получается взять кредит, поскольку отсутствует кредитная история и какое-либо обеспечение кредита.

2. Низкая информационная доступность. Речь идет сразу о нескольких видах информации: профессиональная информация, связанная с той отраслью, в которой открывается бизнес, информация о регулирующих органах, необходимых документах и разрешениях. Причем сложности скорее вызывает то, что информация находится не в одном месте, а разбросана по различным ведомствам.

3. Сложности с наймом помещений для ведения своего дела.

4. Недостаточная информированность молодых людей об организациях, предоставляющих различные формы поддержки предпринимательства на федеральном, региональном и местном уровнях и о самих способах поддержки.

Список барьеров не является исчерпывающим, однако дает некоторое представление о том, что поддержка молодежного предпринимательства является необходимой ([Общероссийская общественная..., 2021](#)).

В настоящее время в России еще не выстроен комплексный механизм поддержки именно молодежного предпринимательства. Финансовая помощь молодым предпринимателям осуществляется в основном точечно через систему поддержки малого и среднего бизнеса в целом, а также через различные гранты и конкурсы, среди которых: «Ты предприниматель», «Молодежный бизнес России», грантовый конкурс фонда «Наше будущее» и т.д. Кроме того, получить финансовую базу для старта бизнеса могут помочь краудфандинговые платформы. Однако такая форма финансирования пока не очень прижилась в России.

Проблему образовательной поддержки (опять же бессистемно) решают различные форумы как онлайн, так и оффлайн формата, проводимые рядом организаций, среди которых: «Мой бизнес», «АСИ», «Лекториум», «Опора России» и т.д., а также бизнес-инкубаторы, созданные в большом количестве в вузах и при поддержке государственных органов власти.

Государственная поддержка предпринимателям (в том числе и молодым) также осуществляется на платформе [investinregions.ru](#) ([Инвестиционный портал регионов России, 2021](#)). В качестве помощи предпринимателям предлагаются следующие виды поддержки государственной, региональной и муниципальной власти: лизинг, гранты и субсидии, имущественная поддержка, предоставление информации.

Пандемия, с которой мировая экономика в целом и российская экономика в частности столкнулась в 2020 году, также внесла свои коррективы в формы и методы поддержки молодежного предпринимательства. Так, на сайте Министерства экономического развития РФ появилась вкладка «Экономика без вируса», в которой представлены меры поддержки малого и среднего бизнеса, а также НКО для преодоления последствий новой коронавирусной инфекции. Среди объектов поддержки выделены МСП, ИП, микропредприятия, малый бизнес, средний бизнес, самозанятые. Хочется подчеркнуть, что именно молодежное предпринимательство не выделено в объект поддержки.

Помощь, которую предлагает государство для ликвидации последствий пандемии в малом и среднем бизнесе выглядит следующим образом:

- гранты на заработную плату (только для МСП);
- беспроцентный кредит на зарплату сотрудникам;
- отсрочка по всем налогам;
- отсрочка арендных платежей;
- отсрочка по страховым взносам;
- мораторий на взыскание долгов и штрафов;
- мораторий на банкротство (только для МСП);
- снижение требований к обеспечению при участии в госконтрактах;
- программа льготного кредитования ([Сайт Министерства..., 2021](#)).

Кроме перечисленных мер при поддержке министерства экономического развития создан сайт и сеть центров [мойбизнес.рф](#), на котором представлены инструменты для помощи предпринимателям на одном ресурсе:

- антикризисные меры для бизнеса;
- онлайн-сервисы для организации удалённой работы;
- горячие линии для консультаций мсп;
- адреса центров «мой бизнес»;
- цифровая платформа – представление услуг для предпринимателей в электронном виде ([Национальный онлайн портал для предпринимателей, 2021](#)).

4. Результаты

Перечисленные меры поддержки являются необходимыми, но недостаточными в силу того, что они не учитывают особенностей молодежного предпринимательства, описанных в данной статье. Однако следует признать, что в последние несколько лет наблюдается

положительная тенденция к формированию системы и механизмов государственной поддержки предпринимательства в целом.

Таким образом, структуру проблем и поддержки молодежного предпринимательства в РФ можно представить на [Рисунке 2](#).

Рис. 2. Структура проблем и способов поддержки молодежного предпринимательства в Российской Федерации

Исходя из проведенного анализа, можно сделать выводы о том, что единственной проблемой, которую сложно решить на государственном уровне, является низкая мотивация к предпринимательской деятельности у молодежи. И именно эту составляющую сдерживающих развитие факторов, труднее всего устранить, поскольку она в значительной степени зависит от характера и способностей молодых людей.

5. Заключение

Молодежное предпринимательство является двигателем в стратегическом развитии экономики России, поскольку именно молодежь сможет обеспечить не только собственную занятость, но и в перспективе дать рабочие места другим категориям трудоспособного населения в результате развития бизнеса. Существует ряд барьеров в развитии молодежного предпринимательства. Эти барьеры можно преодолеть с помощью специализированной программы поддержки, элементы которой уже существуют в виде различных организаций, грантов и форумов. Однако в перспективе должна быть разработана общая концепция и стратегия развития молодежного предпринимательства для координации разрозненных действий, исходящих от всех мер поддержки.

Результаты исследования могут быть использованы для построения алгоритма обобщения влияния государственных и негосударственных мер поддержки молодёжного предпринимательства на результаты этих мер и для построения стратегии данного развития.

Литература

[Вдовина, 2021](#) – Вдовина Д.М. Концептуальные основы определения понятия «молодёжное предпринимательство» // *Молодой ученый*. 2021. № 17 (359). С. 86-88. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/359/80252/> (дата обращения: 29.09.2021).

[Инвестиционный портал регионов России, 2021](#) – Инвестиционный портал регионов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investinregions.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

[Кудрявец, 2016](#) – Кудрявец А.С. Молодежный бизнес как современный драйвер экономического развития // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72475> (дата обращения: 14.09.2021).

[Мухамбетова, Примбетова, 2020](#) – Мухамбетова Д.Е., Примбетова С.Ч. Молодежное предпринимательство как эффективный способ решения проблем молодежной безработицы / *Место социально-гуманитарных наук в развитии современной цивилизации: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции*. 31 января 2020 г.: Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 73-75. [Электронный ресурс]. URL: <https://apni.ru/article/433-molodezhnoe-predprinimatelstvo-kak-effektivn> (дата обращения: 29.09.2021).

[Национальный онлайн портал для предпринимателей, 2021](#) – Национальный онлайн портал для предпринимателей. [Электронный ресурс]. URL: <https://мойбизнес.рф/> (дата обращения: 07.05.2021).

[Общероссийская общественная..., 2021](#) – Общероссийская общественная организация «Опора России». [Электронный ресурс]. URL: <https://opora.ru/committees-and-commissions/komitety/molodezhnomu-predprinimatelstvu/o-komitete-308> (дата обращения 25.09.2021).

[Петрище, 2015](#) – Петрище В.И. Инновационная среда и молодежное предпринимательство: проблемы и перспективы развития // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2015. Т. 13. С. 766-770. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85154.htm>

[Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р](#) – Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения 07.05.2021).

[Сайт Министерства..., 2021](#) – Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения 07.05.2021).

[Сайт Федеральной службы государственной статистики, 2021](#) – Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.05.2021).

[Шумик и др., 2017](#) – Шумик Е.Г., Белик Е.В., Блинов М.П. Молодежное предпринимательство: проблемы и пути решения // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2017. № 40.

[Ягудин, Мокроносов, 2015](#) – Ягудин Д.Р., Мокроносов А.Г. Молодежное предпринимательство как фактор решения проблем на региональном рынке труда / *Экономическая наука сегодня: теория и практика: материалы III Междунар. науч.–практ. конф.* (Чебоксары, 26 дек. 2015 г.). Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 164-167.

References

[Investitsionnyi portal regionov Rossii, 2021](#) – Investitsionnyi portal regionov Rossii [Investment portal of Russian regions, 2021]. [Electronic resource]. URL: <https://www.investinregions.ru/> (date of access: 07.05.2021). [in Russian]

[Kudryavets, 2016](#) – Kudryavets, A.S. (2016). Molodezhnyi biznes kak sovremenniy draiver ekonomicheskogo razvitiya [Youth business as a modern driver of economic development]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 10. [Electronic resource]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72475> (date of access: 14.09.2021). [in Russian]

[Mukhambetova, Primbetova, 2020](#) – Mukhambetova, D.E., Primbetova, S.Ch. (2020). Molodezhnoe predprinimatel'stvo kak effektivnyi sposob resheniya problem molodezhnoi bezrabortitsy [Youth entrepreneurship as an effective way to solve the problems of youth unemployment]. *Mesto sotsial'no-gumanitarnykh nauk v razvitiu sovremennoi tsvilizatsii: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 31 yanvarya 2020 g.: Belgorod: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). Pp. 73-75. [Electronic resource]. URL: <https://apni.ru/article/433-molodezhnoe-predprinimatelstvo-kak-effektivn> (date of access: 29.09.2021). [in Russian]

[Natsional'nyi onlain portal dlya predprinimatelei, 2021](#) – Natsional'nyi onlain portal dlya predprinimatelei [National online portal for entrepreneurs.]. [Electronic resource]. URL: <https://moibiznes.rf/> (date of access: 07.05.2021). [in Russian]

[Obshcherossiiskaya obshchestvennaya...](#) – Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya «Opора Rossii» [All-Russian Public Organization “Support of Russia”]. [Electronic resource]. URL:

<https://opora.ru/committees-and-commissions/komitety/molodezhnomu-predprinimatelstvu/okomitete-308> (date of access: 25.09.2021). [in Russian]

[Petrishche, 2015](#) – *Petrishche, V.I.* (2015). Innovatsionnaya sreda i molodezhnoe predprinimatel'stvo: problemy i perspektivy razvitiya [Innovation environment and youth entrepreneurship: problems and development prospects]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»*. 13: 766-770. [Electronic resource]. URL: http://e-koncept.ru/2015/85_154.htm [in Russian]

[Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 N 2403-r](#) – Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 N 2403-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 N 2403-r "On Approval of the Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period until 2025"]. [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/70813498/> (date of access: 07.05.2021). [in Russian]

[Sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki, 2021](#) – Sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki [Website of the Federal State Statistics Service]. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 07.05.2021). [in Russian]

[Sait Ministerstva..., 2021](#) – Sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii [Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (date of access: 07.05.2021). [in Russian]

[Shumik i dr., 2017](#) – *Shumik, E.G., Belik, E.V., Blinov, M.P.* (2017). Molodezhnoe predprinimatel'stvo: problemy i puti resheniya [Youth entrepreneurship: problems and solutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 40. [in Russian]

[Vdovina, 2021](#) – *Vdovina, D.M.* (2021). Kontseptual'nye osnovy opredeleniya ponyatiya «molodezhnoe predprinimatel'stvo» [The conceptual framework for defining the concept of "youth entrepreneurship"]. *Molodoi uchenyi*. 17(359): 86-88. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/359/80252/> (date of access: 29.09.2021). [in Russian]

[Yagudin, Mokronosov, 2015](#) – *Yagudin, D.R., Mokronosov, A.G.* (2015). Molodezhnoe predprinimatel'stvo kak faktor resheniya problem na regional'nom rynke truda [Youth entrepreneurship as a factor in solving problems in the regional labor market]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya: teoriya i praktika: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Cheboksary, 26 dek. 2015 g.). Redkol.: O.N. Shirokov [i dr.]. Cheboksary: TsNS «Interaktiv plus». Pp. 164-167. [in Russian]

УДК 334.72

Современная практика поддержки молодежного предпринимательства

Ирина Сергеевна Сыркова ^{а, *}

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Молодежь является стратегическим ресурсом развития любой страны, а значит, основным двигателем в расширении предпринимательского сектора и улучшении его качества. Развитие предпринимательства среди молодежи может помочь решить проблему безработицы, и, как следствие, проблему повышения уровня доходов. Вместе с тем в Российской Федерации есть несколько нерешенных проблем, которые мешают ускорять прогресс молодежного предпринимательства. В статье рассматриваются эти проблемы, а также пути их преодоления, связанные с практической реализацией механизмов поддержки малого бизнеса в РФ. В частности, в статье рассматриваются такие механизмы государственной поддержки предпринимательства, как информационная, финансовая, имущественная, образовательная. Аतिकризисные меры, связанные с пандемией новой коронавирусной инфекцией, включающей систему грантов, кредитов, мораториев, отсрочек, снижение различных требований, можно также считать необходимой, но недостаточной частью решения проблем развития молодежного предпринимательства в России.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, поддержка малого бизнеса, сокращение безработицы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: syrkovai@mail.ru (И.С. Сыркова)

Copyright © 2021 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2021. 15(3): 308-322

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

Exchange Rate Volatility and Foreign Investment Flows: A Dynamic Panel Analysis with African Countries

David Umoru ^{a, *}^a Edo State University Uzairue, Nigeria

Abstract

This paper aims at investigating whether or not volatility in exchange rate invites foreign investment into Africa or dissuade same using dynamic panel GMM estimation framework from 2010 to 2020. In particular, we implemented the Arellano-Bond first-difference GMM and system GMM estimators since we needed to estimate a dynamic *fdi* model of panel data of different African countries using Common Market for Eastern and Southern Africa region as a case study. Two set of control predictors were used in estimation and these are macroeconomic policy variables and governance and institutional variables. Dominant influence of this study thus upholds that there are prevailing negative side effects of exchange rate volatility that dissuades inflows of *fdi* to African countries. The volatility coefficients are -0.3021 and -0.3015 for first-difference GMM and System GMM estimator respectively. And the adverse effects of such volatility are exceedingly significant. Accordingly, exchange rate volatility manifest in macroeconomic unpredictability that crowds out foreign investment. This could be explained by the fact that such volatility and/or instability in exchange rate intensifies economic uncertainty which heightens foreign investors' lack of confidence in the domestic macroeconomic environment. The study also points to the fact that inflows of *fdi* tracks trajectory of previously existing inflows of *fdi*. Precisely, COMESA region ought to strategize to maximize benefits of hitherto prevailing *fdi* inflows.

Keywords: COMESA, *fdi*, governance, dynamic panel model, first-difference GMM, system-GMM.

1. Introduction

This study aims at investigating whether or not there are still side effects of exchange rate volatility on foreign investment in COMESA. COMESA is Common Market for Eastern and Southern Africa region which influences foreign investment flows for example COMESA common investment agreement and COMESA regional investment agency (Sichei, Kinyondo, 2012). Kenya, a COMESA nation runs market-based economy with leading financial base in East and Central Africa with GDP of US \$ 85.980 billion. Uganda's economy is growing at 4.5 % per annum with 2018 GDP estimate US \$ 26.391 billion (World Bank, 2021). In Burundi, agriculture is strength of her economy, employing over 80 % of workforce and has estimated GDP of US\$7.985 billion. However, Burundi has about 72 % masses living beneath poverty line.

Comoros's growth index stood at US2.5 in 2017 with GDP estimate of US\$1.329 billion. This was credited to remittances in addition to amplified electrical power supply connectivity. The economy is essentially driven by demand-based consumer goods. Congo is endowed with mammoth natural resource base and GDP estimate of US \$ 67.988 billion in 2017 (UNCTAD,

* Corresponding author

E-mail addresses: david.umoru@yahoo.com (D. Umoru)

2017). On her part, Djibouti is dynamic participant of COMESA with GDP estimate of US \$ 4.005 billion.

Egyptian economy is profoundly driven by consumer market, exports, and investments, with foreign reserves of US \$ 42.5 million and GDP estimate of US \$ 1.393 Trillion (World Bank, 2018). GDP estimate of Swaziland is US \$ 11.763 billion and runs developing lower-middle income economy with agriculture and manufacturing sectors providing wholesale employment. The economy of Eritrea grows slowly with 2020 GDP estimate of US \$ 10.176 billion (World Bank, 2021). With heroic economic growth averaging 10.9 % of GDP, Ethiopia's GDP estimate is US \$ 216.449 billion. Economic activities in Ethiopia revolve around export and domestic consumption of agricultural produce.

Libya economy witnessed political conflict that barred oil supply and this crumbled her economy. Presently, Libya's estimated GDP is US \$ 77 billion with GDP per capita settling at US \$ 4,500 (AfDB, 2017). Libya's Oil accounts for 97 % of her export and contributes more than half of GDP. In 2017, Ethiopia's GDP was valued at US \$ 80.56 billion with *fdi* stocks of 23.6 % of GDP and this equals US \$ 18.5 billion (UNCTAD, 2021).

Madagascar runs market driven economy with estimated GDP of US\$40.055 billion. Malawi's GDP (PPP) stands at US\$12.81 billion with an economy that is highly funded by World Bank and IMF. Mauritius controls upper middle-income economy with GDP estimate of US \$ 13.297 billion (World Bank, 2017). Fishing and agriculture employ 8 %; construction employs 29.8 % while transport and communications takes care of 63.5 % of Mauritius' employees.

Rwanda's economy was gravely dented following genocide in 1994 such that looting instigated unfathomable drop in GDP. Currently, her GDP estimate is US \$ 8.918 billion. The economy of Rwanda is sustained by agriculture which employs about 90 %. Seychelles has highest GDP per capita in Africa of US\$15410 with GDP estimate of US \$ 1.564 billion (World Bank, 2018).

Somalia experienced peaceful transition of power in 2017 and identified political stability as key in development. Her current GDP estimate is US \$ 5.8 billion. Sudanese economy which is mostly influenced by oil export with 2018 GDP estimate of US \$ 138.090 billion is recently characterized by political conflict. Tunisia's economy is export-oriented with GDP estimate of US\$40.455 billion. Agriculture alone accounts for 11.65 % of GDP while services and manufacturing account for 62.8 % and 25.7 % respectively.

Zambia whose annual exports hover around US \$ 7 billion and US\$8 billion homes COMESA secretariat. With GDP estimate of US \$ 17.105 billion, Zimbabwe's foreign exports are principally controlled by agricultural products and minerals.

Overall, COMESA controls aggregate population of about 520 million people and global trade portfolio of US \$ 245 billion (UNCTAD, 2021). The COMESA region seems attractive for investment as demonstrated by recovery in Egyptian *fdi* performance with observed amplified flows to resource endowed COMESA countries. Some investment opportunities in COMESA region include agriculture, infrastructure, minerals, oil and gas, manufacturing, and services.

Moreover, it is widely recognized that in globalizing business environment, significant inflows of *fdi* plays suitable role in country's economic performance. This is particularly factual for COMESA region which has positive prospects of growing consumer markets as we have seen above. However, with *fdi* as leading source of foreign capital inflows to Africa, it is asymmetrically distributed across COMESA members with 15 oil-rich countries explaining 75 % of *fdi* flow (AfDB et al., 2011) and this has influenced our attention towards quantifying agglomeration effect of *fdi* in COMESA as earlier mentioned. We have six sections in this paper. Second section provides trend of net FDI in COMESA, while third section reviewed literature germane to our subject. In fourth section, we theoretical framework and model specification while fifth section contains estimation results. Final section six summarizes and so concludes.

FDI Trends in COMESA Region

As shown in figure 1, FDI inflows totalled US\$106 billion in COMESA region in 2017. This unfavourably compared with inflows of US\$16 billion in 2016, with three highest destinations (Egypt, Ethiopia and Uganda) of positive growth of FDI accounting for 76 % of such inflows (WDI, 2017). Egypt as a nation chronicled the uppermost market share of thirty percent owing to oil sector investments. other countries such as Mauritius, Zimbabwe, Ethiopia, Sudan, Kenya, Eritrea, Libya, Burundi, Uganda, and Seychelles all recorded positive growth in inward FDI flows with exception of Swaziland with net inflows of -1.35 %. Mauritius recorded 2.19 % net inflows,

Zimbabwe had 1.62 %, Ethiopia had 4.45 %, Sudan had 0.91 %, Kenya recorded 0.09 %, Eritrea had 2.26 %, Libya recorded 4.97 %, Burundi had 0.01 %, Uganda, Seychelles and celebrated 2.70 %, 8.38 % and 3.21 % respectively.

Malawi with 8.14 % FDI net inflows as fraction of GDP, ranked highest in 2015. Swaziland came lowest with FDI net inflows of 0.77 % of GDP which represented 0.28 % base ratio in contrast to the SSA. In 2015, Congo alone allocated 1.46 % of GDP to FDI outflows. Seychelles recorded 6.06 % of GDP and so ranked least in terms of FDI net outflows whereas Libya had US\$864 million highest outflows of FDI. Comoros had about 1.33 % inflows of FDI compared to Zambia which had US\$141 million inflows of FDI in 2015. Based on 2018 data, DRC, Zambia and Sudan chronicled regressions in inward FDI flows of 28 %, 24 % and 2 % separately (UNCTAD, 2021). Cheap commodity prices such as copper which affected expansion plans among investors serves as an explanatory factor for decline in the inflows to Zambia.

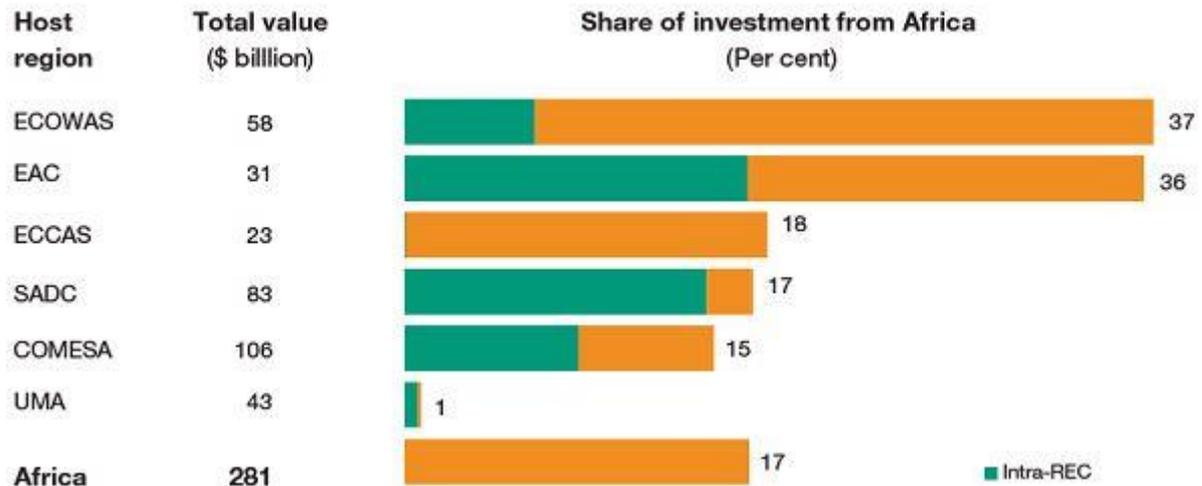

Fig. 1. FDI Greenfield Projects (Cumulative 2009–2019).

Source: UNCTAD, 2021

2. Literature Review

Here, we review literature on determinants of *fdi* into Africa base on three categorizations namely, demand-side factors, supply-side factors and institutional factors. Since our study is region based, we limit our review to country and cross-country studies rather than having sectoral review.

Demand-side Factors of FDI

Demand-side are pull factors which are internal to recipients of *fdi* such as interest rates, tariff levels, market size, cost differentials, exchange rates, fiscal policies, trade policies, while push factors are supply-side determinants are (Gottschalk, 2001).

Some studies found no significant association between level of exchange rate and *fdi* inflows (Brahmasrene, Jiranyakul, 2001; Ajayi, 2006; Naudé, Krugell, 2007; Kyereboah-Coleman, Agyire-Tettey, 2008). Privatization, trade regime, governance infrastructural density, and agglomeration attract new *fdi* (Globerman, 2002; Botrić, Škufljić, 2005). Natural resources, size of host economy, market accession, labour quality, government size, and institutional variables positively and significantly affect *fdi* inflows (Aseidu, 2002; Deichmann et al., 2003; Tarzi, 2005; Asiedu, 2006; Dupasquier, Osakwe, 2006; Hailu, 2010; Mohamed, Sidiropoulos, 2010).

In the study of Nimesh (2009) using Arellano Bond and IV methods of estimations volatility of exchange rate impacted negatively on *fdi* from US. Arbatli (2011) found for a sample of forty-six countries that managed floating exchange rate system was less risky in inviting foreign investment as against a floating regime.

Studies by Tokunbo & Lloyd (2009); Jie Qin (2000); Furceri & Borelli (2008); and Bouoiyour & Rey (2005) conveyed a non-negative impact of volatility of exchange rate on *fdi*. According to Tokunbo & Lloyd (2009), a positive correlation exists between exchange rate and inflows of foreign investment in Nigeria. Jie Qin (2000) reported a favorable relation between exchange rate volatility and two-way *fdi*. To Furceri & Borelli (2008), volatility of exchange rate impacted favorably on foreign investment flows for somewhat closed economies whereas, it

impacted adversely on economies with trade openness. Noted by Bouoiyour & Rey (2005) is the fact that volatility in real effective exchange rate had no adverse effect on *fdi*.

Brzozowski (2003) found that volatility in exchange rate uncertainty adversely impacted the inflows of thirty two countries having utilized the fixed effects OLS and GMM Arellano-Bond estimation techniques. Barrell et al. (2003) adopted the GMM estimation method on panel of seven industries and obtained strong negative correlation between exchange rate volatility in Europe, America and UK foreign investment inflows. Relatively, in the study of Becker & Hall (2003) using the GMM estimator, it was reported that foreign investment settles in the UK from Europe as a result of Euro-Dollar exchange rate volatility. Gerardo & Felipe (2002) found that stability in exchange rate attracts foreign investment flows.

Some studies have reported business location, trade and financial liberalization in developing nations as fundamental bases of *fdi* inflows in developing countries (Morisset, 2000; Asiedu 2002; Ali, Fiess, Macdonald, 2010; Asiedu, Freeman, 2009; Asiedu, 2004; Asiedu, 2006). For some studies, inflation, exchange rate, taxes, and tariffs have discouraged inflow of FDI into Africa as it bounds investors' confidence (Addison, Heshmati, 2003; Onyeiwu, Shrestha, 2004).

Infrastructural development and political stability, democratic rights and systems of efficient law and order have all been reported as significant causes of *fdi* inflows (Busse, Hefeker, 2005). Some researchers have found strategic role played by market size, GDP growth, education, external debt, political stability, real interest rate, international reserves, natural resources index and real wages in attracting African *fdi* inflows (Dutta, Roy, 2008). Positive effect was realized for market size, international reserves, openness, political stability and natural resources index whilst negative effect was obtained for inflation, external debt, real interest rate, international reserves and taxation.

Financial development, government size, macroeconomic uncertainty, per capita GDP growth, literacy rates, and infrastructure altogether exert positive influenced inflows of *fdi* whilst real exchange rate and taxation, political rights, civil rights and liquidity size of market were negative factors (Ang, 2007; Mkenda, Mkenda, 2004).

Industrial production index, workers remittances, urbanization, infrastructure, government size exerted positive effect on *fdi* while *fdi* was found to be negatively correlated with real effective exchange rate, financial development, and index of political rights (Anyunwa, Erhijakpor, 2004; 2010).

Supply-side Factors of FDI

Supply-side factors are push determinants of inflows which include skilled labour, research and development, cyclical, structural conditions, irreversibility and these are indeed external to the recipients of *fdi*. Distance/transport costs, factor endowments, and political stability seems to play significant role in influencing ample inflows (Mateev, 2009)

Substantial business climate that attract *fdi* flows relate infrastructure, labour costs and availability of skilled labour/education, incentive factors, political risk, economic factors, other significant social factors of inflow of *fdi* include degree of urbanization, infrastructure, ICT infrastructure, telecommunications infrastructures and political stability (Nnadozie, Osili, 2004; Musila, Sigue, 2006; Dupasquier, Osakwe, 2006; Mengistu, Adams, 2007; Cotton, Ramachandran, 2001; Zhang, 2001; Kersan-Skabic, Orlic, 2007; Botric, Škuflic, 2006; Gholami et al., 2006; Sekkat, Veganzones-Varoudakis, 2007; Dauti, 2008).

Economic influences ranging from portfolio expansion scheme of investors, per capita GDP, GDP growth rate, economic integration, importance of transport, commerce and communication, and market size of host country, institutions, exchange rate movements and their volatility, investment climate are significant causes of *fdi* flows (Daude, Stein, 2007; Sekkat, Veganzones-Varoudakis, 2007).

Human development, knowledge capital, level of schooling, export orientation, human capital, productivity, population health drives *fdi* inflows most importantly (Baeka, Okawa, 2001; Markusen, 2001; Noorbakhsh et al., 2001; Alsan et al., 2006; Oladipo, 2008; Rodríguez, Pallas, 2008; Reiter et al., 2010).

Labour cost, wealth, real income, banking sector credit, development of the stock market, real exchange rate and expected exchange rate changes, political risks, imports, labour costs, and market growth are significant determinants of *fdi* inflows (Jenkins, Thomas, 2002; Deichmann et al., 2003; Bevan, Estrin, 2004; Ramiraz, 2006; Jeon, Rhee, 2008; Nasser, Gomez, 2009; Brahmastre, Jiranyakul, 2001; Nnadozie, Osili, 2004; Zheng, 2009). Population, distance, GDP, risk, labour costs, stock market trading volume, and bank credit positively determines size of *fdi* flows into transition economies (Mateev, 2009; Nasser, Gomez, 2009; Leitão, 2010).

Institutional factors

Also are institutional determinants of inflows of *fdi* and these are culture, intellectual property rights, transaction costs, political risk, corruption, and bureaucracy (Lall et al., 2003; Benassy-quere et al., 2007; Fan et al., 2009). While political stability, government efficacy, lesser corruption are central factors in attracting FDI inflows, financial and political risk were denoted adverse factors of *fdi* (Jenson, 2002; Janicki, Wunnava, 2004; Mijiyawa, 2015; Rodriguez-Pose, Cols, 2017).

Regulations and policies, excessive regulatory burden, agglomeration, corruption and low transparency, government instability and lack of commitment are significant influencers in daunting *fdi* (Habib, Zurawicki, 2002; Zhao, Du, 2003; Campos, Kinoshita, 2003; Voyer, Beamish, 2004; Disdier, Mayer, 2004; Fedderke, Romm, 2006; Khamfula, 2007; Kapuria-Foreman, 2007; Kersan-Skabic, Orlic, 2007; Al-Sadig, 2009; Kinda, 2010).

Institutional aspects such as propriety rights, poor governance and unwelcoming regulatory environments, restrictions on equity capitals, rule of law, foreign ownership ceiling in sectors open for *fdi*, political instability, repatriation policy, expropriation risk in services and manufacturing sectors are robust negative predictor of inflows of *fdi* (Cotton, Ramachandran, 2001; Tarzi, 2005; Dupasquier, Osakwe, 2006; Ali et al., 2006; Dupasquier, Osakwe, 2006; Kyereboah-Coleman, Agyire-Tettey, 2008).

Also, business regulations, stock market, inefficient public governance, high taxation, inefficient infrastructure, political risk, physical infrastructure problems, financing constraints, and institutional problems discourage *fdi*, legal instability reduces inflow of *fdi* (Baniak et al., 2005; Clarke, Logan, 2008; Pantelidis, Nikolopoulos, 2008; Hailu, 2010; Kinda, 2010).

Summary of Review

Having reviewed previous studies on *fdi* flows for diverse regions using different estimators we found that inflows of *fdi* are both policy and non-policy driven especially in oil-rich Africa countries such as South Africa, Angola, Nigeria, Equatorial Guinea, Egypt, and few other mineral reliant economies but as influenced by data type used in estimation. Hence, our focus on agglomeration effects seems admissible considering role of inclusive inward *fdi* could accomplish in economies of COMESA region where majority of member states relies on agriculture and manufacturing as strength.

3. Results**Model Specification**

Moving from static to dynamic, the dynamic panel model utilized in this study encompasses lags of *fdi* as a regressor in order to provide for inertia as specified in equation (2):

$$fdi_{(it)} = \phi_i + X_{(it)}\delta + e_{(it)} \quad (1)$$

$$\forall t = 2003, 2004, \dots, 2020, i = 1, 2, \dots, 18$$

Where *fdi* is foreign direct investment which serves as a measure of foreign investment; $X_{(it)}$ is a vector of explanatory variables; namely, exchange rate volatility, trade openness, and macroeconomic environment; corruption control; and government stability; *i* symbolizes countries; *t* symbolizes time; ϕ_i is time-invariant unobservable African country effect; $\varepsilon(it)$ is stochastic disturbance which is $\varepsilon(it) \square iid(0, \sigma_\varepsilon^2)$.

$$fdi_{(it)} = \phi_i + X_{(it)}\delta + \rho fdi_{(it-1)} + e_{(it)} \quad (2)$$

$$\forall t = 2003, 2004, \dots, 2020, i = 1, 2, \dots, 18$$

Differencing the variables of the equation, we eliminated the individual African country effect as shown in equation (3),

$$\Delta fdi_{(it)} = fdi_{(it)} - fdi_{(it-1)} = \Delta X_{(it)}\delta + \rho \Delta fdi_{(it-1)} + \Delta e_{(it)} \quad (3)$$

$$\forall t = 2003, 2004, \dots, 2020, i = 1, 2, \dots, 18$$

Given the presence of ϕ_i , the time varying coefficient, we estimate with the GMM estimator,

$$GMM = fdi \left[\Delta D' M (M' \Omega M)^{-1} M' \Delta D \right]^{-1} \Delta D' M (M' \Omega M)^{-1} \delta M' \Delta fdi \quad (4)$$

where M is the instrument matrix for ΔD ; and Ω is a consistent and asymptotically efficient matrix even in the presence of heteroskedasticity and is obtainable from the variance of the error terms for the one-step Arellano-Bond (A-B) estimator.

Accordingly, the A-B estimator uses the ensuing moment conditions that form basis for the instrument matrix of the IV estimator are given by:

$$E(fdi_{(it-1)}\Delta e_{(it)})=0 \quad \forall t \geq 3, T \geq 2 \quad (5)$$

$$E(M_i^T \Delta e_i)=0 \quad (6)$$

Blundell & Bond (1998) derived further the following moment conditions (eqn 7) under which the instrument matrix for the IV estimator improves the A-B estimator.

$$E(\Delta fdi_{(it-1)}[\phi_i + e_{it}])=0 \quad \forall t \geq 3 \quad (7)$$

This gives the system GMM estimator:

$$E(M_{SYS,i}^T W_i)=0 \quad (8)$$

Where,

$$M_{SYS,i} = \begin{pmatrix} M_i & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \Delta fdi_{i2} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \Delta fdi_{i3} & 0 \end{pmatrix}, W_i = \begin{pmatrix} \Delta e_i \\ e_{i2} \\ e_{i3} \end{pmatrix}$$

In estimation therefore, we utilized first-difference GMM estimator by Arellano & Bond (1991) which uses differenced variables that are strictly exogenous with all their available lags in levels as well as system-GMM estimator by Blundell & Bond (1998) that uses lag of differences of endogenous variable. Our econometric methodology is based on dynamic panel GMM estimation framework (Cleeve, 2008; Baniak et al., 2005; Sekkat, Veganzones-Varoudakis, 2007; Pantelidis, Nikolopoulos, 2008; Kinda, 2010) since it removes country fixed/time-invariant effects and correlation between our agglomeration variable namely, $FDI(it-2)$ and $e(it)$ and so applied, we circumvents Nickell bias via differencing (Baltagi et al., 2009).

Data, Variables and Sources

Data used in this study covers a sample period from 2010 to 2020. In addition to exchange rate volatility, two sets of control variables exploited in our specification of the dynamic panel GMM estimation include:

- Macroeconomic variables;
- Trade openness (T);
- Macroeconomic environment (ME);
- Governance and Institutional variables;
- Corruption control index (CC);
- Government stability (GS).

Explanations of Variables: Exchange rate volatility was calculated as standard deviation and misalignment of logarithm of real effective exchange rate, fdi is net inflows of fdi as fraction of GDP, trade openness, macroeconomic environment measured by inflation rate, government stability measured by logarithm of duration in power of constitutionally elected government, and corruption control calculated using data on transparency index. Data were sourced from WDI of World Bank (2020, 2021) and World Governance Indicators dataset and UNCTAD database.

Taking note that fdi decisions are often made based on historical data (Lederman et al., 2010; Anyanwu, 2011), we improve our fdi inflow data by devising double lag to arrive at second lag of net inflows of fdi as fraction of GDP. Accordingly, we deem it fit to equally exploit first lag of other predictors as instruments in the system GMM estimation process. Note: in our analysis, “***” designates significance at 1 %; “**” symbolizes significance at 5 % level respectively.

Estimation Results

In our estimations, exogeneity of instruments is accepted by difference-in-Hansen test with chi-square statistic(s) of 29.356 and 25.498 (Table 4); 29.016 and 29.023 (Table 5) respectively

with p-value of 0.0000 each. This was corroborated by significant Wald test statistic with 0.0000 p-value.

Descriptive Analysis

The descriptive results are reported in Table 1 where ρ_1 and ρ_2 symbolizes are first and second order autocorrelation (FSOA) coefficients separately while $SD(Z)$ and \bar{Z} symbolizes sample standard deviation (SSD) and sample average respectively. Similarly, Υ and \mathcal{K} personifies skewness and kurtosis separately. Panel A of table 1 shows that with exemption of exchange rate volatility, all other macroeconomic predictors are positively skewed with indication that tail or asymmetry of probability distribution is on right side of our distribution and this permits logarithmic conversion of said predictors as such conversion seems to relax heteroskedasticity evident in regional panel analyses.

Also, JB statistics for exchange rate volatility and macroeconomic environment are excessively high implying absence of normality in distribution. Trade openness index averaged 96.451 and this could be reiterating free and open trading system which highlights intra-trading and/or external trading relations of COMESA countries. With SSD of 158.0735, variability in net flows of FDI into COMESA is substantial while average inflow attraction is less sizable with summary statistic of 1.327 %.

Table 1. Summary Descriptive Statistics

Panel A						
Predictors	$SD(Z)$	\bar{Z}	Υ	\mathcal{K}	JB	$Prob$
Exchange rate volatility (ERV)	5.5826	106.379	-3.0589	2.3870	187.1547	0.0000
Net FDI flows (FD)	158.0735	1.327	2.0765	7.9375	1.2546	0.0000
Trade openness (T)	0.3564	96.451	1.3264	5.196	0.3692	0.0000
Macroeconomic environment (ME)	14.8794	116.860	-3.5327	6.579	109.1235	0.0000
Panel B						
Predictors	$SD(Z)$	\bar{Z}	ρ_1	ρ_2	T	$p - value$
Corruption control index (CC)	430.586	210.297	0.591	0.724	592	0.0000
Government stability index (GS)	7.1245	156.4	0.657	0.562	592	0.0000

Source: author's results

Panel Unit Root Test

In this study, we implemented the Im-Pesaran-Shin (IPS) panel unit root test and the results are as presented in Table 2 below. The results denote stationarity of variables at first difference; that is, all variables used for estimation are I(1) as the weighted statistics became significant with zero probability values.

Table 2. Panel Unit Root

Variables	@ levels		@ first Difference	
	W. Statistics	Prob. value	W. Statistics	Prob. values
Exchange rate volatility (ERV)	-1.0674	0.5090	-5.1367	0.0000
Net FDI flows (FD)	-0.2849	0.4322	-5.8629	0.0000
Trade openness (T)	-1.0042	0.1255	-4.5629	0.0000
Macroeconomic	2.9035	0.6523	-5.82964	0.0000

environment (ME)				
Exchange rate volatility (ERV)	-1.3096	0.3540	-6.5273	0.0000
Corruption control index (CC)	-0.1027	0.6523	-6.5492	0.0000
Government stability index (GS)	-0.0158	0.3540	-6.5643	0.0000

Co-integration Test Results

The Kao and Pedroni's tests were conducted for co-integration. Both tests suggest presence of co-integrating vectors since the probability value are significant at the 5 % critical value. The results are as shown in [Table 3](#).

Table 3. Results of Co-integration Test

Kao Residual Co-integration Test				
Test	t-Statistic		Prob.	
ADF	-7.6529		0.0000	
Residual variance	1.002E+14			
HAC variance	3.5862			
Pedroni Residual Co-integration Test Results				
Alternative hypothesis: common AR coefs. (within-dimension)				
	Statistic	Prob.	Weighted Statistic	Prob.
Panel v-Statistic	2.1058	0.7462	2.1058	0.0003
Panel rho-Statistic	2.3616	0.9861	2.3616	0.0007
Panel PP-Statistic	-2.5282	0.0647	-2.5282	0.0002
Panel ADF-Statistic	-3.9380	0.0585	-3.9380	0.0004

Analysis of Effects of Exchange Rate Volatility on FDI with Macroeconomic variables as Instruments

[Table 4](#) shows that at 1 % level, negative effects measured by standard deviation of logarithm of effective real exchange rate passes significance test with p-value of 0.008 and 0.000 respectively for both first-difference and System GMM estimates. The volatility coefficients are -0.3021 and -0.3015 respectively. The results also reveal significant side effect of the volatility in exchange rate on foreign investment inflows to COMESA countries based on the interaction of exchange rate volatility and macroeconomic environment. By implication, exchange rate volatility signifies macroeconomic instability that crowds out foreign investment. The reason is such that volatility in exchange rate discourages additional inflows of *fdi* as foreign investors would have been prompted to localize their investment and this could in turn occasion irreversibility of investment in the short-run. So, the deleterious effects of the volatility in exchange rate on *fdi* inflows to COMESA countries is significant.

The results further show significant negative effects of macroeconomic environment on *fdi* in the region. Trade openness played positive and significant role in stimulating inflows of FDI with coefficients of 0.4391 and 0.3567 for both the first-difference and system GMM estimations respectively. Hence, COMESA countries with vast trade openness invite additional inflows of *fdi*. The significance of trade openness could be re-enforcing export-oriented potential of some COMESA countries and hence indicative of host country's comfort of entrance to world market for resources inputs, so MNCs can obtain raw materials at low price. Accordingly, execution of open trade policies have potential of inviting additional foreign investments.

The relevant instruments used are, one-year lag of trade openness, and one year lag of macroeconomic environment as measured by inflation and the interaction of both openness and inflation and the first-difference of *fdi*. Both the first-difference and system GMM estimates show that market size played positive and significant role in stimulating inflows of *fdi* with coefficients of 0.0186 and 0.0123 respectively. Hence, COMESA countries with vast markets attract additional inflows of *fdi*. This corroborates findings of Anyanwu (2011).

Table 4. Dynamic GMM Panel Results with Macroeconomic Variables

First difference GMM Estimates	
Variables	Baseline Estimations
Constant	0.3258(0.000)***
Exchange rate volatility (ERV)	-0.3021(0.0080)**
Market size	0.0186(0.0001)***
Trade openness (T)	0.4391(0.0037)**
Macroeconomic environment (ME)	-0.0183(0.003)***
Net <i>fdi</i> flows (<i>fdi_2</i>)	0.0115(0.0002)***
Adjusted R ²	0.491
Wald (p-value)	860(0.0000)
Difference-in-Hansen	29.356 (0.0000)
Total observations	592
GMM-SYS Estimates	
Constant	0.29746(0.000)***
Exchange rate variation (ERV)	-0.3015(0.000)***
Market size	0.0123(0.0000)***
Trade openness	0.3567(0.0052)**
Macroeconomic environment	-0.0179(0.0001)***
ME ⊗ ERV	-0.0123(0.0000)***
Net <i>fdi</i> flows (<i>fdi_2</i>)	0.0104(0.001)***
Adjusted R ²	0.5001
Wald (p-value)	548(0.000)
Difference-in-Hansen	25.498(0.000)
Total observations	592

***, ** indicates significance @ 0.01, 0.05 respectively

Source: author's results (2020)

5.3 Analysis of Effects of Exchange Rate Volatility on FDI with Governance and Corruption Index as Instruments

The results with governance and institutional variables are reported in Table 5. With governance and institutional variables in first-difference GMM estimation; exchange rate volatility coefficient also passes significance test with p-value of 0.0005. This advances a scenario that inflows of foreign investment into recipient countries do not find any support in presence of volatility of exchange rate, rather such inflows are dissuaded. This corroborates the adverse effects of exchange rate volatility as noted by Umoru (2020) that volatility in exchange rate exposes importers and exporters to exchange rate risk.

Having estimated the first-difference GMM model with predictors of governance and institution; we re-estimated using the system GMM method with the relevant instruments namely, one-year lag of corruption index, one year lag of government stability index and their interaction as well as first-difference of foreign investment. In this estimation; we interacted corruption control index and government stability index. With these instruments, our results for volatility in exchange rate was statistically different from zero at one percent level. This implies that inflows of foreign investment are dissuaded by volatility effects of exchange rate.

Both the first-difference and system GMM estimates report significant negative coefficients of corruption control index with p-values of 0.0001 and 0.0006 respectively. In other words, ineffective corruption controls in COMESA countries negatively influence inflows of *fdi*. In principle, net inflows of *fdi* are constrained by corrupt practices.

Only government stability index is significant at 5 % level with coefficients of 0.0013 and 0.0014 and p-values of 0.0005 and 0.0002 respectively for the different GMM estimations. Accordingly, effect of duration in power of constitutionally elected government is positive and highly significant in inviting foreign investment into COMESA region.

The interacted coefficient of government stability index and corruption index (-0.0153) passes significance test with negative impact. A revelation that stable government with corrupt practices plays discourages invitation of *fdi* into African countries. This makes it evident that disregard for due process by government in power results in capital flight in Africa.

Table 5. Dynamic GMM Panel Results with Governance and Institutional Variables

First-Difference GMM Estimates	
Constant	0.3258(0.000)***
Exchange rate volatility (ERV)	-0.1012(0.0005)***
Net <i>fdi</i> flows (<i>fdi_2</i>)	0.0123(0.0000)**
Corruption control index (CC)	-0.0021(0.0001)***
Government stability index (GS)	0.0013(0.0005)***
Adjusted R ²	0.396
Wald (p-value)	530 (0.0000)
Difference-in-Hansen	29.016 (0.000)
Total observations	592
GMM-SYS Estimates	
Constant	0.29746(0.000)***
Exchange rate volatility (ERV)	-0.3941(0.00009)***
Net <i>fdi</i> flows (<i>fdi_2</i>)	0.0786(0.0056)**
Corruption control index (CC)	-0.0023(0.0006)***
Government stability index (GS)	0.0014(0.0002)***
CC ⊗ GS	-0.0153(0.0009)***
Adjusted R ²	0.430
Wald (p-value)	526(0.000)
Difference-in-Hansen	29.023(0.000)
Total observations	592
***, ** indicates significance @ 0.01, 0.05 respectively	

Source: Author's results (2021)

3. Conclusion

In this study we attempted to identify if exchange rate volatility impact favourably or adversely on *fdi* flows into COMESA region with macroeconomic policy predictors as well as governance and institutional predictors as control respectively. We estimated dynamic GMM panel models. Our estimations in all specifications show that the prevailing side effects of exchange rate volatility on inflows of *fdi* to COMESA countries are highly significant. Central contribution of this study resides with the fact that exchange rate volatility dissuades additional inflows of *fdi* as foreign investors would tend to localize their investment and this could be preparing a ground for investment irreversibility effect for all COMESA countries. This could be traced to the fact that such volatility in exchange rate intensifies macroeconomic insecurity which magnifies foreign investors' lack of confidence in the domestic economic environment. This corroborated the CSEA's report that *fdi* worth \$ 77.97 million in the second quarter of 2021 accounted for only 8.9 % of capital flows into Nigeria. This colossal drop in FDI inflows has been credited to exchange rate volatility (CSEA, 2021).

The study also points to the fact that inflows of *fdi* follows trajectory of previously existing inflows. Precisely, countries of Common Market for Eastern and Southern Africa region ought to maximize gains of existing *fdi* inflows. Concisely, trade openness influences inflows of *fdi* positively and significantly while macroeconomic environment is significantly hostile to hosting *fdi* in COMESA region. Lastly, stable constitutionally elected government positively and significantly invite inflows of *fdi* into the region while net inflows of *fdi* are dissuaded by corruption. Accordingly, need for transparent governance in attracting foreign investment into COMESA region cannot be overstated going forward; and most importantly, as earlier remarked in Umoru

(2020), there is need to workout healthy control in management of foreign exchange markets frequently in line with global code of forex market.

References

- [Addison, Heshmati, 2003](#) – Addison, T., Heshmati, A. (2003). The New Global Determinants of FDI Flows to Developing Countries: The Importance of ICT and Democratisation, WIDER.
- [AfDB, 2011](#) – AfDB. African Development Bank. Replenishment of African Development Fund, Order 2011 Statutory Instrument. Abidjan, 2011.
- [AfDB, 2018](#) – AfDB. African Development Bank. *About the Africa Development Institute*. November, 2018.
- [Abidjan Ali et al., 2006](#) – Abidjan Ali, F., Fiess, N., MacDonald, R. (2006). Do Institutions Matter for Foreign Direct Investment. *Open Economies Review*. 21(2): 201-219.
- [Ajayi, 2006](#) – Ajayi, S.I. (2006). The Determinants of Foreign Direct Investment in Africa: A Survey of the Evidence, in Ajayi, S.I. (ed.). *Foreign Direct Investment in Sub-Saharan Africa: Origins, Targets, Impact and Potential*, African Economic Research Consortium: Nairobi.
- [Al-Sadig, 2009](#) – Al-Sadig, A. (2009). The Effects of Corruption on FDI Inflows. *Cato Journal*. 29(2):3-24.
- [Alsan et al., 2006](#) – Alsan, M., Bloom, D.E., Canning, D. (2006). The Effect of Population Health on Foreign Direct Investment Inflows to Low- and Middle-Income Countries. *World Development*. 34(4): 613-630.
- [Anyanwu, 2011](#) – Anyanwu, J.C. (2011). Determinants of Foreign Direct Investment Inflows to Africa, 1980-2007. *Working Paper Series No. 136*, African Development Bank, Tunis, Tunisia.
- [Anyanwu, Erhijakpor, 2004](#) – Anyanwu, J.C., Erhijakpor, A.E.O. (2004). Trends and Determinants of Foreign Direct Investment in Africa. *West African Journal of Monetary and Economic Integration*. 9(3): 21-44.
- [Anyanwu, Erhijakpor, 2010](#) – Anyanwu, J.C., Erhijakpor, A.E.O. (2010). Do International Remittances Affect Poverty in Africa. *African Development Review*. 22(1): 51-91.
- [Arbatli, 2011](#) – Arbatli, E. (2011). Economic policies and FDI inflows to emerging market economies. IMF Working Paper. WP/11/192.
- [Arellano, Bond, 1991](#) – Arellano, M., Bond, S. (1991). Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *Review of Economic Studies*. 58(2): 277-297.
- [Asiedu, 2006](#) – Asiedu, E. (2006). Foreign Direct Investment in Africa: The Role of Natural Resources, Market Size, Government Policy, Institutions and Political Instability. *The World Economy*. 29(1): 63-77.
- [Asiedu, 2004](#) – Asiedu, E. (2004). Policy Reform and Foreign Direct Investment in Africa: Absolute Progress but Relative Decline. *Development Policy Review*. 22(1): 41-48.
- [Asiedu, 2002](#) – Asiedu, E. (2002). On the Determinants of Foreign Direct Investment to Developing Countries: Is Africa Different? *World Development*. 30(1): 107-119.
- [Asiedu, Freeman, 2009](#) – Asiedu, E., Freeman, J. (2009). The Effect of Corruption on Investment Growth: Evidence from Firms In Latin America, Sub-Saharan Africa And Transition Countries. *Review of Development Economics*. 13(2): 200-214.
- [Azeez, Begum, 2009](#) – Azeez, A.K.M., Begum, M. (2009). International remittances: A source of development Finance. *International NGO Journal*. 4(5): 299-304.
- [Baltagi et al., 2009](#) – Baltagi, B., Demetriades, P., Law, S.H. (2009). Financial Development and Openness: Evidence from Panel Data. *Journal of development economics*. 89(2): 285-296.
- [Barreil et al., 2003](#) – Barreil, R., Hall, S.G., Gottschalk, S.D. (2003). Foreign direct investment and exchange rate volatility in imperfectly competitive markets. National Institute of Economic and Social Research (NIESR), Discussion Papers.
- [Becker, Hall, 2003](#) – Becker, B., Hall, S.G. (2003). Foreign direct investment in industrial R&D and exchange rate uncertainty in the UK. National Institute of Economic and Social Research (NIESR) Discussion Papers.
- [Benassy-quere et al., 2007](#) – Benassy-quere, A., Coupet, M., Mayer, T. (2007). Institutional Determinants of Foreign Direct Investment. *World Economy*. 30(5): 764-782.
- [Bevan, Estrin, 2004](#) – Bevan, A., Estrin, S. (2004). The Determinants of Foreign Direct Investment into European Transition Economies. *Journal of Comparative Economics*. 32(4): 775-787.
- [Baeka, Okawa, 2001](#) – Baeka, I-M., Okawa, T. (2001). Foreign exchange rates and Japanese Foreign Direct Investment in Asia. *Journal of Economics and Business*. 53(2): 69-84.

- Baniak et al., 2005** – Baniak, A., Cukrowski, A.J., Herczynski, J. (2005). On the Determinants of Foreign Direct Investment in Transition Economies. *Problems of Economic Transition*. 48(2): 6-28.
- Botric, Škufflic, 2006** – Botric, V., Škufflic, L. (2006). Main Determinants of Foreign Direct Investment in the Southeast European Countries. *Transition Studies Review*. 13(2): 359-377.
- Bouoiyour, Rey, 2005** – Bouoiyour, J., Rey, S. (2005). Exchange Rate Regime, Real Exchange Rate, Trade Flows and Foreign Direct Investments: The Case of Morocco. African Development Bank.
- Brozozowski, 2003** – Brozozowski, M. (2003). Exchange rate variability and foreign direct investment: Consequences of EMU enlargement. Centre of Social and Economic Research, Case Study No. 258.
- Brahmasrene, Jiranyakul, 2001** – Brahmasrene T., Jiranyakul, K. (2001). FDI in Thailand, What Factors Matter? *Proceedings of the Academy for International Business*. 1(2): 13-18.
- Busse, Hefeker, 2007** – Busse, M., Hefeker, C. (2007). Political Risk, Institutions and Foreign Direct Investment. *European Journal of Political Economy*. 23(2): 397-413.
- Campos, Kinoshita, 2003** – Campos, N.F., Kinoshita, Y. (2003). Why Does FDI Go Where it Goes? New Evidence from the Transition Economies. *IMF Working Paper*, WP/03/228.
- Chowdhury, Mavrotas, 2006** – Chowdhury, A., Mavrotas, G. (2006). FDI and Growth: What Causes What? *World Economy*. 29(1): 9-19.
- Clarke, Logan, 2008** – Clarke, R., Logan, T-M. (2008). Emerging FDI Patterns in the CARICOM Region. *Journal of International Business Research*. 8(1): 16-23.
- Cleeve, 2008** – Cleeve, E. (2008). How Effective Are Fiscal Incentives to Attract FDI to SSA. *Journal of Developing Areas*. 42(1): 135-153.
- Cotton, & Ramachandran, 2001** – Cotton, L., Ramachandran, V. (2001). Foreign Direct Investment in Emerging Economies Lessons from sub-Saharan Africa. *World Institute for Development Economics Research Discussion Paper No. 2001/82*.
- Daude, Stein, 2007** – Daude, C., Stein, E.O. (2007). The Quality of Institutions and Foreign Direct Investment. *Economics and Politics*. 19(3): 317-344.
- Dauti, 2008** – Dauti, B. (2008). Determinants of Foreign Direct Investment inflow in South East European Countries – Panel Estimation, Proceedings of the International Conference. *Economic & Social Challenges and Problems*. 1: 87-112.
- Deichmann, 2003** – Deichmann, J.I., Eshghi, A., Haughton, D.M., Sayek S., Teebagy N.C. (2003). Foreign Direct Investment in the Eurasian Transition States. *Eastern European Economics*. 41(1): 5-34.
- Disdier, Mayer, 2004** – Disdier, A.C., Mayer, T. (2004). How Different in Eastern Europe: Structure and Determinants of Location Choices by French Firms in eastern and Western Europe. *Journal of Comparative Economics*. 32(2): 280-296.
- Dunning, 1993** – Dunning, J.H. (1993). *Multinational Enterprises and the Global Economy*, Addison-Wesley.
- Dupasquier, Osakwe, 2006** – Dupasquier, C., Osakwe, P.N. (2006). Foreign direct investment in Africa: Performance, Challenges, and Responsibilities. *Journal of Asian Economics*. 17(3): 241-260.
- Dutta, Roy, 2008** – Dutta, N., Roy, S. (2008). Foreign Direct Investment, Financial Development and Political Risks. *Journal of Developing Areas*. 44(2): 303-327.
- Fan et al., 2009** – Fan, J.P.H., Morck, R., Xu, L.C., Yeung, B. (2009). Institutions and Foreign Direct Investment: China versus the Rest of the World. *World Development*. 37(4): 852-865.
- Fedderke, Romm, 2006** – Fedderke, J.W., Romm, A.T. (2006). Growth Impact and Determinants of Foreign Direct Investment into South Africa, 1956-2003. *Economic Modelling*. 23(2): 738-760.
- Furceri, Borelli, 2008** – Furceri, D., Borelli, S. (2008). Foreign direct investment and exchange rate volatility in the EMU neighbourhood countries. *Journal of International and Global Economic Studies*. 1(1): 42-59.
- Gholami et al., 2006** – Gholami, R. Lee, S-Y. T., Heshmati, A. (2006). The Causal Relationship between Information and Communication Technology and Foreign Direct Investment. *World Economy*. 29(1): 43-62.
- Globerman, 2002** – Globerman, S. (2002). Global Foreign Direct Investment Flows: The Role of Governance Infrastructure. *World Development*. 30(11): 1899-1919.

- Gottschalk, 2001** – *Gottschalk, R.* (2001). Lenders and Investors“ International Portfolio Allocation Decisions: What Do We Know? Institute of Development Studies, Sussex.
- Habib, Zurawicki, 2002** – *Habib, M., Zurawicki, L.* (2002). Corruption and Foreign Direct Investment. *Journal of International Business Studies*. 33(2): 291-307.
- Hailu, 2010** – *Hailu, Z.A.* (2010). Demand Side Factors Affecting the Inflow of Foreign Direct Investment to African Countries: Does Capital Market Matter. *International Journal of Business and Management*. 5(5): 104-116.
- Janicki, Wunnava, 2004** – *Janicki, H.P., Wunnava, P.V.* (2004). Determinants of Foreign Direct Investment: Empirical Evidence from EU Accession Candidate. *Applied Economics*. 36(5): 505-509.
- Jenson, 2002** – *Jenson, N.M.* (2002). Economic Reform, State Capture, and International Investment in Transition Economies. *Journal of International Development*. 14(7): 973-977.
- Jenkins, Thomas, 2002** – *Jenkins, C., Thomas, L.* (2002). Foreign Direct Investment in Southern Africa: Determinants, Characteristics and Implications for Economic Growth and Poverty Alleviation, CREFSA, University of Oxford, CSAE and London School of Economics.
- Jeon, Rhee, 2008** – *Jeon, B.N., Rhee, S.S.* (2008). The Determinants of Korea’s Foreign Direct Investment from the United States, 1980-2001: An Empirical Investigation of Firm Level Data. *Contemporary Economic Policy*. 26(1): 118-131.
- Kapuria-Foreman, 2007** – *Kapuria-Foreman, V.* (2007). Economic Freedom and Foreign Direct Investment in Developing Countries. *Journal of Developing Areas*. 41(1): 143-154.
- Kersan-Skabic, Orlic, 2007** – *Kersan-Skabic, I., Orlic, E.* (2007). Determinants of FDI in CEE, Western Balkan Countries (Is Accession to the EU Important for Attracting FDI?). *Economic and Business Review*. 9(4): 333-350.
- Khadaroo, Seetanah, 2017** – *Khadaroo, A.J., Seetanah, B.* (2007). Transport Infrastructures and FDI: Lessons for SSA Economies, Supply Response. *Working Paper No. ESWP_05*.
- Khamfula, 2007** – *Khamfula, Y.* (2007). Foreign Direct Investment and Economic Growth in EP and IS Countries: The Role of Corruption. *World Economy*. 30(12): 1843-1854.
- Khair-U et al., 2006** – *Khair-U., Zaman, Hashim, S., Awan, Z.* (2006). Economic Determinants of Foreign Direct Investment in Pakistan. *Gomal University Journal of Research*. 22(5): 49-57.
- Kim, 2010** – *Kim, H.* (2010). Political Stability and Foreign Direct Investment. *International Journal of Economics and Finance*. 2(3): 59-71.
- Kinda, 2010** – *Kinda, T.* (2010). Investment Climate and FDI in Developing Countries: Firm-Level Evidence. *World Development*. 38(4): 498-513.
- Kyereboah-Coleman, Agyire-Tettey, 2008** – *Kyereboah-Coleman, A., Agyire-Tettey, K.F.* (2008). Effect of Exchange-Rate Volatility on Foreign Direct Investment in SSA: The Case of Ghana (Case study). *Journal of Risk Finance*. 9(1): 52-70.
- Lall et al., 2003** – *Lall, P., Norman, D.W., Featherstone, A.M.* (2003). Determinants of us Direct Foreign Investment in The Caribbean. *Applied Economics*. 35(13): 1485-1496.
- Lederman et al., 2010** – *Lederman, D., Mengistae, T., Xu, L.C.* (2010). Microeconomic Consequences and Macroeconomic Causes of Foreign Direct Investment in Southern African Economies. *World Bank Policy Research Working Paper* 5416.
- Leitão, 2010** – *Leitão, N.C.* (2010). Localization Factors and Inward Foreign Direct Investment in Greece. *Theoretical and Applied Economics*. XVII(6): 17-26.
- Li, 2008** – *Li, Q.* (2008). Foreign Direct Investment and Interstate Military Conflict. *Journal of International Affairs*. 62(1): 53-66.
- Markusen, 2001** – *Markusen, J.* (2001). Contracts, Intellectual Property Rights, and Multinational Investment in Developing Countries. *Journal of International Economics*. 53(2): 189-204.
- Mateev, 2009** – *Mateev, M.* (2009). Determinants of Foreign Direct Investment in Central and South-eastern Europe: New Empirical Tests. *Oxford Journal*. 8(1): 133-149.
- Mengistu, Adams, 2007** – *Mengistu B., Adams, S.* (2007). Foreign Direct Investment, Governance and Economic Development in Developing Countries. *Journal of Social, Political and Economic Studies*. 32(2): 223-249.
- Mkenda, Mkenda, 2004** – *Mkenda, B.K., Mkenda, A.F.* (2004). Determinants of FDI Inflows to African Countries: A Panel Data Analysis, Economic and Social Research Foundation, Globalisation and East Africa. *Working Paper Series* No. 11, April.

- Mohamed, Sidiropoulos, 2010** – Mohamed, S.E., Sidiropoulos, M.G. (2010). Another Look at the Determinants of Foreign Direct Investment in MENA Countries: An Empirical Investigation. *Journal of Economic Development*. 35(2): 75-96.
- Morisset, 2000** – Morisset, J. (2000). Foreign Direct Investment in Africa – Policies also Matter. *Transnational Corporation*. 9(2): 107-125.
- Musila, Sigie, 2006** – Musila, J.W., Sigie, S.P. (2006). Accelerating foreign direct investment flow to Africa: from policy statements to successful strategies. *Managerial Finance*. 32(7): 577-593.
- Naudé, Krugell, 2007** – Naudé, W.A., Krugell, W.F. (2007). Investigating Geography and Institutions as Determinants of Foreign Direct Investment in Africa Using Panel Data. *Applied Economics*. 39(10): 1223-1233.
- Nasser, Gomez, 2009** – Nasser, O.M.A., Gomez, X.G. (2009). Do Well-Functioning Financial Systems Affect the FDI Flows to Latin America. *International Research Journal of Finance and Economics*. 29(3): 60-75.
- Nnadozie, Osili, 2004** – Nnadozie, E., Osili, U.O. (2004). U.S. Foreign Direct Investment in Africa and its Determinants. *UNECA Workshop of Financial Systems and Mobilization in Africa*.
- Noorbakhsh et al., 2001** – Noorbakhsh, F., Paloni, A., Youssef, A. (2001). Human Capital and FDI Inflows to Developing Countries: New Empirical Evidence. *World Development*. 29(6): 1593-1610.
- Oladipo, 2008** – Oladipo, O.S. (2008). Foreign Direct Investment Flow: Determinants and Growth Effects in a Small Open Economy. *Proceedings of the Northeast Business & Economics Association, Northeast Business & Economics Association 35th Annual Conference, Long Island, New York, November, 6th – 8th*.
- Onyeiwu, Hemanta, 2004** – Onyeiwu, S., Hemanta, S. (2004). Determinants of Foreign Direct Investment. *Journal of Developing Societies*. 20(1): 89-106.
- Pantelidis, Nikopoulos, 2008** – Pantelidis, P., Nikopoulos, E. (2008). FDI attractiveness in Greece. *International Advances Economic Research*. 14(2): 90-100.
- Ramiraz, 2006** – Ramiraz, M.D. (2006). Economic and Institutional Determinants of Foreign Direct Investment in Chile: a time series analysis, 1960-2001. *Contemporary Economic Policy*. 24(3): 459-471.
- Reiter, 2010** – Reiter, S.L. et al. (2010). Human Development and Foreign Direct Investment in Developing Countries: The Influence of FDI Policy and Corruption. *World Development*. 38(12): 1678-1691.
- Rodríguez, Pallas, 2008** – Rodríguez, X., Pallas, J. (2008). Determinants of Foreign Direct Investment in Spain. *Applied Economics*. 40(3): 2443-2450.
- Sichei, Kinyondo, 2012** – Sichei, M.M., Kinyondo G. (2012). Determinants of Foreign Direct Investment in Africa: A Panel Data Analysis. *Global Journal of Management and Business Research*. 12(18): 1-14.
- Sekkat, Veganzones-Varoudakis, 2007** – Sekkat, K., Veganzones-Varoudakis, M.A. (2007). Openness, Investment Climate, and FDI in Developing Countries. *Review of Development Economics*. 11(4): 607-620.
- Tarzi, 2005** – Tarzi, S. (2005). Foreign Direct Investment flows into Developing Countries: Impact Location and Government Policy. *Journal of Social, Political and Economic Studies*. 30(4): 497-515.
- Umoru, 2020** – Umoru, D. (2020). Empirics of Exchange Rate Explosiveness/Overshooting in Sub-Saharan African Countries: Implications for Foreign Exchange Markets. *European Journal of Economic Studies*. 9(2): 89-98.
- UNCTAD, 2017** – UNCTAD (2017). Regional Trends: Africa, World Investment Report: Investing in a Low-Carbon Economy, United Nations Conference on Trade and Development, Geneva.
- UNCTAD, 2018** – UNCTAD (2018). FDI/TNC database. [Electronic resource]. URL: www.unctad-org/fdistatistics
- UNCTAD, 2018** – UNCTAD (2018). World Investment Report.
- Voyer, Beamish, 2004** – Voyer P.A., Beamish, P.W. (2004). The Effect of Corruption on Japanese Foreign Direct Investment. *Journal of Business Ethics*. 50(3): 211-224.
- Wei, 2000** – Wei, S.J. (2000). How Taxing is Corruption on International Investors. *Review of Economics and Statistics*. 82(1): 1-11.

Wernick et al., 2009 – Wernick, D.A., Haar, J., Singh, S. (2009). Do Governing Institutions Affect Foreign Direct Investment Inflows. *International Journal of Economic and Business Research*. 1(3): 317-332.

World Bank, 2017 – World Bank. World Development Indicators, 2017.

World Bank, 2018 – World Bank. World Development Indicators, 2018.

Zhang, 2001 – Zhang, K.H. (2001). What Attracts Foreign Multinational Corporations to China. *Contemporary Economic Policy*. 19(3): 336-346.

Zhao et al., 2003 – Zhao, J.H., Kim, S.H., Du, J. (2003). Impact of Corruption and Transparency on Foreign Direct Investment: An Empirical Analysis. *Management International Review*. 43(1): 41-62.

Zheng, 2009 – Zheng, P. (2009). A Comparison of FDI Determinants in China and India. *Thunderbird International Business Review*. 51(3): 263-279.

УДК 33

Волатильность обменного курса и потоки иностранных инвестиций: динамический панельный анализ с участием африканских стран

Дэвид Умору ^{a, *}

^a Edo State University Uzairue, Нигерия

Аннотация. Статья нацелена на изучение вопроса, привлекает ли волатильность обменного курса иностранные инвестиции в Африку или препятствует им с использованием системы динамической панельной оценки GMM за период с 2010 по 2020 гг. В частности, мы внедрили GMM с первым различием по методу Арельяно-Бонда и системные оценки GMM, поскольку нам необходимо было оценить динамическую *fdi* модель панельных данных разных африканских стран, используя общий рынок для региона Восточной и Южной Африки в качестве тематического исследования. При оценке использовались два набора контрольных предикторов, а именно макроэкономические переменные фискальной политики и институциональные переменные. Таким образом, доминирующим выводом данного исследования подтверждается, что преобладают негативные побочные эффекты волатильности обменного курса, которые сдерживают приток ПИИ в африканские страны. Коэффициенты волатильности равны -0,3021 и -0,3015 для оценки GMM с первым различием и системы GMM соответственно. И негативные последствия такой нестабильности чрезвычайно значительны. Соответственно, волатильность обменного курса проявляется в макроэкономической непредсказуемости, которая вытесняет иностранные инвестиции. Это может быть объяснено тем фактом, что такая волатильность и/или нестабильность обменного курса усиливает экономическую неопределенность, которая усиливает недоверие иностранных инвесторов к внутренней макроэкономической среде. Исследование также указывает на тот факт, что приток ПИИ отслеживает траекторию ранее существовавших притоков ПИИ. Именно, регион КОМЕСА должен разработать стратегию, направленную на максимизацию выгод от преобладающего до сих пор притока ПИИ.

Ключевые слова: COMESA, ПИИ, руководство, динамическая панельная модель, первичный GMM, системный GMM.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: david.umoru@yahoo.com (Д. Умору)